

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО
ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

•
ЭПОХА
ВОЗРОЖДЕНИЯ

ТОМ
II

УЧПЕДГИЗ · 1962

ХРЕСТОМАТИЯ
ПО
ЗАРУБЕЖНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

✽
ЭПОХА
ВОЗРОЖДЕНИЯ

ТОМ
II

СОСТАВИЛ
Б. И. ПУРИШЕВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ
РСФСР

МОСКВА • 1962

Допущено Министерством высшего и среднего специального образования РСФСР в качестве учебного пособия для университетов и педагогических институтов.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В этом томе читатели встретятся впервые с литературой далматинской, венгерско-хорватской, чешской и польской, ранее не включавшейся в хрестоматию. Надеюсь, что приводимые тексты несколько расширят представление наших студентов о литературе эпохи Возрождения, хотя, конечно, далеко не все представляющее интерес нашло себе место в этом томе.

Выражаю самую искреннюю благодарность И. Н. Голенищеву-Кутузову за его ценные советы, а также любезное разрешение обращаться к его докторской диссертации «Итальянское Возрождение и славянские литературы» при написании заметок о различных славянских авторах.

Б. Пуришев

АНГЛИЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

МОР

Томас Мор (Thomas More, 1478—1535) — великий английский писатель-гуманист и выдающийся политический деятель, первый социалист-утопист в европейской литературе. Родился в Лондоне в семье юриста. Получил гуманистическое образование. Был активным членом парламента, в 1515 г. по поручению Генриха VIII совершил дипломатическую поездку в Нидерланды и Францию. В 1529 г. после падения кардинала Вольсея сделался лордом-канцлером. Вскоре, однако, в вопросах политики наметилось глубокое расхождение между ним и королем. Мор отрицательно относился к реформационным начинаниям Генриха VIII. Ввиду этого он в 1532 г. вышел в отставку, а в 1534 г. был обвинен в государственной измене и казнен (в 1535 г.).

Мор написал ряд литературных, научных и политических произведений (например, историческое исследование о царствовании Ричарда III), представляющих в настоящее время в основном лишь исторический интерес. Его мировая слава зиждется на социальном романе «Утопия» («De optimo reipublicae statu de que nova insula Utopia»), изданном в Лувене в 1516 г. Роман написан на латинском языке. В нем критикуются существующие в Англии собственнические порядки (часть I) и описывается идеальный социальный строй, который якобы пришлось наблюдать герою произведения — мореплавателю Гитлодею — на острове Утопия, расположенном на далеком Западе (часть II). На роман Мора оказали известное влияние сочинения Платона (главным образом его «Республика»), а также описание путешествий XVI в., подкававших Мору ряд мотивов (связь Гитлодея с экспедицией Америго Веспуччи, прибытие на остров Утопия).

На русском языке «Утопия» издавалась неоднократно (переводы А. Генкеля, Е. Тарле, А. Малеина). Последнее и лучшее издание: «Утопия», перевод с латинского А. И. Малеина и Ф. А. Петровского, изд. 2, М., 1953.

Томас Мор (с портрета Г. Гольбейна).

ИЗ «УТОПИИ»

ПЕРВАЯ КНИГА БЕСЕДЫ,

которую вел выдающийся муж Рафаил Гитлодей, о наилучшем состоянии государства, в передаче знаменитого мужа, Томаса Мора, гражданина и виконта славного британского города Лондона

Однажды я был на богослужении в храме девы Марии¹, который является и красивейшим зданием и всегда переполнен народом. По окончании обедни я собирался вернуться в гостиницу, как вдруг случайно вижу Петра, говорящего с иностранцем, близким по летам к старости, с опаленным от зноя лицом, отпущенной бородой, с плащом, небрежно свесившимся с плеча; по наружности и одежде он показался мне моряком. Заметив меня, Петр тотчас подходит и здоровается. Я хотел ответить ему, но он отводит меня несколько в сторону и спрашивает: «Видишь ты этого человека?» Одновременно он показывает на того, кого я видел говорившим с ним. «Я собирался,— добавил он,— прямо отсюда вести его к тебе». — «Его приход был бы мне очень приятен,— ответил я,— ради тебя». — «Нет,— возразил Петр,— ради тебя, если бы ты знал этого человека. Нет ведь теперь никого на свете, кто мог бы рассказать столько историй о неведомых людях и землях, а я знаю, что ты большой охотник послушать это». — «Значит,— говорю,— я сделал неплохую догадку. Именно, сразу, на первый взгляд, я заметил, что это моряк». — «И все-таки,— возразил Петр,— ты был очень далек от истины. Правда, он плавал по морю, но не как Палинур, а как Улисс, вернее как Платон². Именно этот Рафаил — таково его имя, а фамилия Гитлодей³ — не лишен знания латыни, а греческий он знает превосходно. Он потому усерднее занимался этим языком, чем римским, что всецело посвятил себя философии, а в области этой науки, как он узнал, по-латыни не существует ничего сколько-нибудь важного, кроме некоторых сочинений Сенеки и Цицерона. Оставив братьям имущество, которое было у него на родине (он португалец), он из желания посмотреть на мир примкнул к Америго Веспуччи⁴ и был постоянным его спутником в трех последующих путешествиях из тех четырех, про которые читают уже повсюду, но при последнем не вернулся с ним. Ибо Рафаил приложил все старание и добился у Веспуччи быть в числе тех двадцати четырех, кто был оставлен в крепости — у границ последнего плавания⁵. Таким образом, он был оставлен в угоду своему характеру, более склонному к странствиям по чужбине, чем к пышным мавзолеям на родине. Именно он постоянно повторяет следующие изречения: «небеса неимеющих урны укроют»⁶ и «дорога к всевышним отовсюду одинакова»⁷. Не будь божество благосклонно к нему, такие мысли его обошлись бы ему очень дорого.

В дальнейшем после разлуки с Веспуччи он с пятью своими товарищами по крепости объездил много стран, и напоследок уди-

вительная случайность занесла его на Тапробану; оттуда прибыл он в Каликвит^а, где нашел, кстати, корабли португальцев и в конце концов неожиданно вернулся на родину».

После этого рассказа Петра .. поблагодарил его за услужливость, именно за усиленную заботу о том, чтобы мне насладиться беседой с тем лицом, разговор с которым, как он надеялся, будет мне приятен. Затем я поворачиваюсь к Рафаилу. Тут после взаимных приветствий и обмена теми общепринятыми фразами, которые обычно говорятся при первой встрече лиц незнакомых, мы идем ко мне домой и здесь, в саду, усевшись на скамейке, покрытой зеленым дерном, начинаем разговор.

... Впрочем, это не единственная причина для воровства. Есть другая, насколько я полагаю, более присущая специально вам.

— Какая же это? — спросил кардинал^б.

— Ваши овцы, — отвечаю я, — обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно, во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастают от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, оставляя храмы только для свинных стойл. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами.

Таким образом, с тех пор как всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон некоторых арендаторов, лишает их, или опутанных обманом, или подавленных насилием, даже их собственного достояния или, замучив обидами, вынуждает к продаже его. Во всяком случае, происходит переселение несчастных: мужчин, женщин, мужей, жен, сирот, вдов, родителей с малыми детьми и более многочисленными, чем богатыми, домохозяевами, так как хлебопашество требует много рук. Они переселяются, повторяю, с привычных и насиженных мест и не знают, куда деться; всю утварь, стоящую недорого,

^а Каликвит — город в Малабарской Индии.

^б Гитлодей рассказывает Томасу Мору о беседе, в которой он однажды принял участие за столом кардинала И. Мортонна.

даже если бы она могла дожидаться покупателя, они продают за бесценок при необходимости сбыть ее. А когда они в своих страстях быстро потратят это, то что им остается другое, как не воровать и попадать на виселицу по заслугам или скитаться и нищенствовать? Впрочем, и тут, как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение: никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его. А хлебопашеству, к которому они привыкли, нечего делать там, где ничего не сеют. Ведь достаточно одного овчара или пастуха вообще, чтобы пустить под пастбище ту землю, для надлежащей обработки которой под посев требовалось много рук.

От этого также сильно поднялась во многих местах цена на хлеб. Мало того, и сама шерсть возросла в цене настолько, что покупать ее стало совершенно не под силу более бедным людям, занимавшимся приготовлением из нее одежды, и потому большинство из них от дела должно переходить к праздности...

...Таким образом, ненасытная алчность немногих лиц обратила в гибель вашему острову то самое, от чего он казался особенно счастливым. Эта дороговизна хлеба служит причиной того, что каждый отпускает от себя возможно большее количество челядинцев, но, спрашивается, на что, как не на нищету, или — к чему можно легче склонить благородные натуры — на разбой? ..

...Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все меряют на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те содержатся отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют.

Поэтому я, с одной стороны, обсуждаю сам с собою мудрейшие и святейшие учреждения утопийцев, у которых государство управляется при помощи столь немногих законов, но так успешно, что и добродетель встречает надлежащую оценку и, несмотря на равенство имущества, во всем замечается всеобщее благоденствие. С другой стороны, наоборот, я сравниваю с их нравами столько других наций, которые постоянно создают у себя порядок, но никогда ни одна из них не достигает его; всякий называет там своей собственностью то, что ему попало; каждый день издаются там многочисленные законы, но они бессильны обеспечить достижение или охрану или отграничение от других того, что каждый в свою очередь именует своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны, никогда не оканчивающиеся процессы. Так вот, повторяю, когда я сам с собою размышляю об этом, я делаю более справедливым к Платону и менее удивляюсь его нежеланию давать какие-либо законы тем народам, которые отвергали законы, распределяющие все жизненные блага между всеми поровну. Этот мудрец легко усмотрел, что один-единственный путь к благополучию об-

щества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность. Именно, если каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе, сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду, и обычно бывает так, что одни вполне заслуживают жребия других: именно, первые хищны, бесчестны и никуда не годны, а вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе лично.

Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она остается, то и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей. . .

ВТОРАЯ КНИГА БЕСЕДЫ,

которую вел Рафаил Гитлодей о наилучшем состоянии государства в передаче лондонского гражданина и виконта Томаса Мора

... На острове Утопия⁸ пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность.

Томас Мор (в центре) беседует с Гитлодеем (слева) (с гравюры XVI в.).

Самые близкие из них отстоят друг от друга на двадцать четыре мили. С другой стороны, ни один город не является настолько уединенным, чтобы из него нельзя было добраться до другого пешком за один день.

Из каждого города три старых и опытных гражданина ежегодно собираются в Амауроте для обсуждения общих дел острова. Город Амаурот считается первым и главенствующим, так как, находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей. Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значительно больше, именно с той, где города дальше всего разведены друг с другом. Ни у одного города нет желания раздвинуть свои пределы, так как жители его считают себя скорее земледельцами, чем господами этих владений.

В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями.

В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек — мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждого тридцати семейств — один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, кто пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали прожившие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии. Хотя этот способ обновления земледельцев является общепринятым, чтобы никому не приходилось против воли слишком долго подряд вести суровую жизнь, однако многие, имеющие природную склонность к деревенской жизни, запрашивают себе большее число лет...

О занятии ремеслами

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие — земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия (которым, как я сказал, занимаются все), каждый изучает какое-либо одно ремесло как специальное. Это обыкновенно или пряжа шерсти, или выделка льна, или ремесло каменщиков или рабочих по металлу и по дереву. Можно сказать, что, кроме перечисленных, нет никакого иного занятия, которое

имело бы у них значение, достойное упоминания. Что же касается одежды, то за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жаре. И вот эту одежду каждая семья приготавливает себе сама. Но из других ремесел всякий изучает какое-либо, и притом не только мужчины, но также и женщины. Впрочем, эти последние, как более слабые, имеют более легкие занятия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. По большей части каждый вырастает, участь отцовскому ремеслу; к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь; при этом не только отец этого лица, но и власти заботятся о том, чтобы передать его солидному и благородному отцу семейства. Кроме того, если кто, изучив одно ремесло, пожелает еще и другого, то получает на это позволение тем же самым способом. Овладев обоими, он занимается, которым хочет, если государство не нуждается скорее в каком-либо одном.

Главное и почти исключительное занятие сифогрантов⁹ состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся, подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час, начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лени, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам. Они имеют обыкновение устраивать ежедневно, в предрассветные часы, публичные лекции; участвовать в них обязаны только те, кто специально отобран для занятия науками. Кроме них, как мужчины, так и женщины всякого звания огромной толпой стекаются для слушания подобных лекций, одни — одних, другие — других, сообразно с естественным влечением каждого. Впрочем, если кто предпочтет посвятить это время своему ремеслу, — а это случается со многими, у кого нет стремления к проникновению в какую-либо науку, — то в этом

никто ему не мешает: мало того, такое лицо даже получает похвалу, как приносящее пользу государству.

После ужина они проводят один час в забавах: летом в садах, а зимой в тех общих залах, где совместно кушают. Там они или занимаются музыкой, или отдыхают за разговорами. Что касается игры в кости и других нелепых и гибельных забав подобного рода, то они даже неизвестны утопийцам. Впрочем, у них имеются в ходу две игры, более или менее похожие на игру в шашки: одна — это бой чисел, где одно число ловит другое; другая — в которой пороки в боевом порядке борются с добродетелями. В этой игре в высшей степени умело указывается и раздор пороков между собою, и согласие их в борьбе с добродетелями, а также то, какие пороки каким добродетелям противопоставляются, с какими силами они оказывают открытое сопротивление, с какими ухищрениями нападают искоса, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими искусствами уклоняются они от их нападения и, наконец, каким способом та или другая сторона одерживает победу.

Но тут, во избежание дальнейших недоразумений, необходимо более пристально рассмотреть один вопрос. Именно, если только шесть часов уходят на работу, то отсюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет; мало того, такое количество времени не только вполне достаточно для запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток. Это будет понятно и вам, если вы только поглубже вдумаетесь, какая огромная часть населения у других народов живет без дела: во-первых, почти все женщины — половина общей массы, а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен их храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы. Прикинь сюда всех богачей, особенно владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью; причисли к ним челядь, наконец, крепких и сильных нищих, предающихся праздности под предлогом какой-либо болезни, и в результате тебе придется признать, что число тех, чьим трудом создается все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты думал. Поразмысли теперь, сколь немногие из этих лиц заняты необходимыми ремеслами; именно, раз мы все мерим на деньги, то неизбежно должны находить себе применение многие занятия, совершенно пустые и излишние, служащие только роскоши и похоти. Действительно, если бы эту самую толпу, которая теперь занята работой, распределить по тем столь немногим ремеслам, сколь немного требуется их для надлежащего удовлетворения потребностей природы, то при таком обильном производстве, которое неизбежно должно отсюда возникнуть, цены на труд, понятно, стали бы гораздо ниже того, что нужно рабочим

для поддержки своего существования. Но возьмем всех тех лиц, которые заняты теперь бесполезными ремеслами, и вдобавок всю эту изнывающую от безделья и праздности массу людей, каждый из которых потребляет столько продуктов, производимых трудами других, сколько нужно их для двух изготовителей этих продуктов; так вот, повторяю, если всю совокупность этих лиц поставить на работу, и притом полезную, то можно легко заметить, как немного времени нужно было бы для приготовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что требуют принципы пользы или удобства (прибавь также — и удовольствия, но только настоящего и естественного).

Очевидность этого подтверждается в Утопии самой действительностью. Именно там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, хотя и имеющие по закону право не работать, тем не менее не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то его удаляют обратно к ремесленникам. И, наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых.

Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, триаборов и, наконец, самого главу государства, которого на старинном своем языке они именуют барзаном, а на новом — адемом. Так как почти вся прочая масса не пребывает в праздности и занята небесполезными ремеслами, то легко можно рассчитать, сколько хороших предметов создают они и в какое небольшое количество часов...

...Отсюда, так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшое количество труда, то в итоге у них получается изобилие во всем. Вследствие этого огромной массе населения приходится иногда отправляться за город для починки дорог, если они избиты. Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власть отнюдь не хочет принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни.

...Утопийцы сами не пользуются деньгами, а хранят их на упомянутые нужды¹⁰, которые могут случиться, а могут и никогда не случиться.

Между тем с золотом и серебром, из которых делаются деньги, они обходятся так, что никто не ценит их дороже, чем того заслуживает природа этих металлов. Кто не видит, насколько они ниже железа? Без него действительно люди не могут жить, так же как без огня и воды; между тем золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам трудно было бы сбойтись, но людская глупость наделила их ценностью из-за редкости. Мало того, природа, как самая нежная мать, все наилучшее, например воздух, воду и самую землю, поместила открыто, а суетное и не приносящее никакой пользы убрала очень далеко. Поэтому допустим, что утопийцы запрягут эти металлы в какую-нибудь башню; тогда, вследствие глупой изобретательности толпы, князь и сенат навлекут на себя подозрение, что хотят плутовски обмануть народ и сами извлечь отсюда какую-нибудь выгоду. Предположим далее, что они станут искусно чеканить из этих металлов чаши и другие произведения в том же роде, а потом случайно понадобится опять расплавлять их и потратить на жалование солдатам; тогда, разумеется, можно предвидеть, с каким трудом они позволили бы оторвать у себя то, что однажды начали считать своей утехой.

Для противодействия этому они придумали некое средство, соответствующее остальным их учреждениям, но весьма далекое от нас, которые так высоко ценят золото и так тщательно хранят его. Поэтому подобный образ действия может заслужить доверие только у испытавших его на опыте. Именно, утопийцы едят и пьют в скудельных сосудах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре. В итоге, другие народы дают на растерзание эти металлы с неменьшей болью, чем свою утробу, а среди утопийцев, если бы обстоятельства потребовали удаления их всех зараз, никто, по-видимому, не почувствовал бы от этого для себя ни малейшего лишения.

Кроме того, они собирают на морских берегах жемчуг, а также кое-где по скалам алмазы и карбункулы, но, впрочем, не ищут их, а обделывают, когда те попадутся случайно. Такими камнями уто-

пейцы украшают малолеток; эти последние в первые годы детства кичатся и гордятся подобными украшениями; но лишь только придут в возраст и заметят, что этими безделушками пользуются одни дети, так, без всякого внушения родителей, сами по чувству стыда оставляют их совершенно так же, как наши дети, подрастая, бросают орехи, амулеты и куклы. Такое различие порядков утопийцев по сравнению с другими народами создает и различное мировоззрение. Это стало особенно ясно для меня из того, что произошло с анемолийскими послами¹¹.

Они приехали в Амаурот при мне, и так как целью их прибытия были важные дела, то их приезду предшествовало собрание трех граждан из каждого города. Но все послы соседних племен, приезжавшие туда раньше, обычно являлись в самой скромной одежде, так как им были известны обычаи утопийцев, у которых не придавалось никакого почета пышному одеянию, шелк служил предметом презрения, а золото было даже позорным. Анемолийцы же жили особенно далеко и имели с утопийцами мало общения. Поэтому послы, узнав, что все утопийцы ходят в одной и той же одежде, и притом грубой, пришли к убеждению, что у них совсем нет того, чем они не пользуются; поэтому анемолийцы, будучи скорее гордыми, чем умными, решили предстать в возможно блестящей обстановке, изображая из себя каких-то богов, и ослепить глаза несчастных утопийцев пышностью своего наряда. Таким образом, вступили три посла со ста спутниками, все в разноцветном одеянии, большинство в шелковом. Сами послы, принадлежавшие на родине к знати, имели золотканые плащи, большие цепи, золотые серьги, вдобавок золотые кольца на руках и, сверх того, шляпы их были обвешаны золотыми ожерельями, блиставшими жемчугом и дорогими камнями. Говоря короче, они были украшены всем тем, что у утопийцев служило или наказанием для рабов, или признаком бесчестия для опозоренных, или безделушками для ребят. Поэтому стоило посмотреть, как анемолийцы петушились, когда сравнили свой наряд с одеянием утопийцев, которые массой высыпали на улицы. С другой стороны, не меньшим удовольствием было видеть, как сильно обманулись они в своих надеждах и ожиданиях и как далеки были они от того уважения, которого рассчитывали достигнуть. Именно, на взгляд всех утопийцев, за исключением весьма немногих, посещавших по какой-либо подходящей причине другие народы, вся эта блестящая обстановка представлялась позорной, и потому, почтительно приветствуя вместо господ всех низкопоставленных, они сочли самих послов по употреблению ими золотых цепей за рабов и пропустили их, не оказав им никакого уважения. Мало того, можно было наблюдать, как дети бросали жемчуг и дорогие камни, когда увидали их прикрепленными на шапках послов, и, толкая мать в бок, обращались к ней с такими словами:

— Вот, мама, какой большой остолоп, он все еще возится с жемчугом и блестящими камешками, как будто мальчишка.

А родительница отвечала также вполне серьезно:

— Молчи, сынок, это, думаю я, кто-нибудь из посольских шутов.

Другие осуждали упомянутые золотые цепи, говоря, что они ни на что не пригодны, так как настолько тонки, что раб может их легко разбить, а с другой стороны, настолько просторны, что, когда ему захочется, он может стряхнуть их и убежать куда угодно, развязанный и свободный.

Но, пробыв день-другой, послы увидели там огромное количество золота и заметили, что оно ценится утопийцами весьма дешево и находится у них в таком же презрении, как у них самих в почете, и что, сверх того, на цепи и оковы одного беглого раба потрачено больше золота и серебра, чем сколько стоила вся пышность их троих. Поэтому у послов опустились крылья, и они со стыдом убрали весь тот наряд, которым так надменно кичились, особенно когда более дружески поговорили с утопийцами и узнали их обычаи и мнения. Именно, у утопийцев вызывает удивление следующее: как может кто-нибудь из смертных восхищаться сомнительным блеском небольшой жемчужинки или самоцветного камешка, раз такому человеку можно созерцать какую-нибудь звезду или, наконец, само солнце; затем, может ли кто-нибудь быть настолько безумным, что вообразить себя более благородным из-за нитей более тонкой шерсти, раз эту самую шерсть, из каких бы тонких нитей она ни была, некогда носила овца и все же не была не чем другим, как овцой. Удивительно для утопийцев также и то, как золото, по своей природе столь бесполезное, теперь повсюду на земле ценится так, что сам человек, через которого и на пользу которому оно получило такую стоимость, ценится гораздо дешевле, чем само золото; и дело доходит до того, что какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столько же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых монет; ну, а если судьба или какой-нибудь подвох законов (который нисколько не меньше, чем сама судьба, поставит все вверх дном) перенесет эту кучу от упомянутого господина к самому презренному бездельнику из всей его челяди, то в результате, несколько позже, господин переходит в услужение к слуге как привесок и придаток к деньгам. . .

О науках и философии Утопии (из гл. «О путешествиях утопийцев»)

... До нашего прибытия утопийцы даже и не слышали о всех тех философах, имена которых знамениты в настоящем известном нам мире. И все же в музыке, диалектике, науке счета и измерении они дошли почти до того же самого, как и наши древние (философы). Впрочем, если они во всем почти равняются с нашими древними, то далеко уступают изобретениям новых диалектиков. Именно, они не изобрели хотя бы одного правила из тех остроум-

ных выдумок, которые здесь повсюду изучают дети в так называемой «Малой логике»¹² об ограничениях, расширениях и подстановлениях. Далее, так называемые «вторые интенции» не только не подвергались у утопийцев достаточному обследованию, но никто из них не мог видеть так называемого «самого человека вообще», хотя, как вы знаете, это существо вполне колоссальное, больше любого гиганта, и мы даже пальцем на него можем показать. Зато утопийцы очень сведущи в течении светил и движении небесных тел. Мало того, они остроумно изобрели приборы различных форм, при помощи которых весьма точно улавляют движение и положение солнца, луны, а равно и прочих светил, видимых на их горизонте. Но они даже и во сне не грезят о содружествах и раздорах планет и о всем вздоре гадания по звездам. По некоторым предметам, полученным путем продолжительного опыта, они предсказывают дожди, ветры и прочие изменения погоды. Что же касается причин всего этого, приливов морей, солености их воды и вообще происхождения и природной сущности неба и мира, то они рассуждают об этом точно так же, как наши старые философы; отчасти же, как те расходятся друг с другом, так и утопийцы, приводя новые причины объяснения явлений, спорят друг с другом, не приходя, однако, во всем к согласию.

В том отделе философии, где речь идет о нравственности, их мнения совпадают с нашими: они рассуждают о благах духовных, телесных и внешних, затем о том, присуще ли название блага всем им или только духовным качествам. Они разбирают вопрос о добродетели и удовольствии. Но главным и первенствующим является у них спор о том, в чем именно заключается человеческое счастье, есть ли для него один источник или несколько. Однако в этом вопросе с большей охотой, чем справедливостью, они, по-видимому, склоняются к мнению, защищающему удовольствие¹³: в нем они полагают или исключительный, или преимущественный элемент человеческого счастья. И, что более удивительно, они ищут защиту такого щекотливого положения в религии, которая серьезна, сурова и обычно печальна и строга. Они никогда не разбирают вопроса о счастье, не соединяя некоторых положений, взятых из религии, с философией, прибегающей к доводам разума. Без них исследование вопроса об истинном счастье признается ими слабым и недостаточным. Эти положения следующие: душа бессмертна и по благодати божией рождена для счастья; наши добродетели и благодеяния после этой жизни ожидает награда, а порочные поступки — мучения...

О религиях утопийцев

Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога солнце, другие — луну, третьи — одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как

перед величайшим богом перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо бóльшая и притом наиболее благоразумная часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, распространенное во всем этом мире не своею громадою, а силою: его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, а никому другому они воздают и божеские почести.

Мало того, и все прочие, несмотря на различие верований, согласны с только что упомянутыми согражданами в признании единого высшего существа, которому они обязаны и созданием вселенной, и провидением. Все вообще называют это существо на родном языке Митрою, но расходятся в том, что этот одинаковый бог у всех принимается по-разному. Но, по признанию всех, кем бы ни было то, что они считают высшим существом, в итоге это одна и та же природа, божественной силе и величию которой соглашение всех народов усвоет первенство над всем. . .

НАРОДНЫЕ БАЛЛАДЫ

Англо-шотландские народные баллады, получившие широкую известность благодаря знаменитым собраниям Томаса Перси (1765—1794) и Вальтера Скотта (1802—1803), бесспорно, принадлежат к ярчайшим явлениям европейской поэзии. Лирико-эпические песни, нередко с хоровым припевом, с давних пор бытовали среди английского народа. Древнейшие баллады, видимо, восходят к периоду раннего средневековья, значительное распространение баллады получили также в XV—XVI вв. Поэт Ф. Сидней (1554—1586) в своей «Защите поэзии» с восторгом сообщает о старинных песнях, которые распевают простолюдины; из сокровищницы английской народной поэзии охотно черпал В. Шекспир. По своему тематическому составу народные баллады весьма разнообразны. Они разрабатывают сюжеты исторические и легендарные, романтические, фантастические и бытовые. В них, однако, проступает явное пристрастие к трагическим ситуациям, к изображению больших и глубоких страстей. С большой художественной силой баллады повествуют о борьбе феодальных родов, кровавых преступлениях, героизме отважных мореплавателей, любви, горе, труде и т. п. Героями их нередко выступают люди простого звания — горожане, ремесленники, крестьяне. К числу характерных стилистических черт баллад относятся стремительность в развитии действия, преобладание диалогов, придающих повествованию подчеркнuto драматический характер.

Приводимая ниже баллада «Сэр Патрик Спенс» («Sir Patrick Spens») — одна из старейших шотландских народных баллад. События, изображаемые в ней, являются поэтическим отголоском событий конца XIII в. Упоминаемый в начале баллады король — Александр III, король Шотландии. Седьмая строфа баллады «Старый плащ» в измененном виде включена Шекспиром в «Отелло»: во втором акте трагедии ее поет Яго, когда спивает Кассио.

Баллада «Два ворона» («The two Corbies») примечательна для русского читателя, между прочим, тем, что ее обработал А. С. Пушкин в стихотворении «Ворон к ворону летит» (1829), использовав для этого французский перевод сборника народных песен В. Скотта.

На русском языке ряд англо-шотландских баллад можно найти в антологии Н. Гербея «Английские поэты в биографиях и образцах» (СПб., 1875) и в сборнике «Народные английские баллады», пер. С. Маршака (1942).

СЭР ПАТРИК СПЕНС

Король в Думфермлине-граде сидит,
Вино пурпурное пьет.
«Корабль мой готов, но где капитан,
Что в море его поведет?»

Тут с места встал дворянин пожилой
И молвил с поклоном так:
«Сэр Патрик Спенс из всех моряков —
Самый отважный моряк».

Король наш письмо написал, к письму
Свою приложил печать
И сэру Патрику срочно его
На берег велел послать.

«К норвежской земле, к норвежской земле!
В путь по вспененным волнам!
Короля норвежского дочь привезти
Ты должен, сэр Патрик, нам».

Сэр Патрик, начальные строки прочтя,
При всех рассмеялся вслух,
Когда ж до конца дочитал, у него
Невольно смутился дух.

«Тому, кто сказал обо мне королю,
Меня, знать, было не жаль.
В такое время года дерзнуть
Пуститься в морскую даль!

Но бури, и ветры, и снег, и град
Не станут нам на пути;
Короля норвежского дочь сюда
Поручено нам привезти».

И вот в понедельник они паруса
Поставили на корабле,
А в среду сэр Патрик с командой своей
К норвежской причалил земле.

Неделя прошла, и другая прошла,
И вот норвежская знать
С досадой стала на них смотреть
И громогласно кричать:

«Шотландцы, довольно нас разорять!
Казна наша вам не сор!»
«Вы лжете, бесстыдно лжете вы
И мелете наглый вздор.

Мы денег довольно с собой привезли,
Чтоб жить на собственный счет.
Бочонок золота в трюме у нас
Морской совершил поход.

Готовьтесь к отъезду, мои молодцы,
Мы завтра с зарею в путь».
«Смотри, капитан! Предвещает пургу
Над морем висящая муть».

Вчера молодую я видел луну
Со старой луной на руках.
Мы на море можем попасть в беду,—
Мне душу тревожит страх».

Проплыли милю они и две,
Проплыли три мили сполна;
Вдруг ветер завыл, потемнел океан,
И бурно вскипела волна.

Сломался якорь, и мачты все
Треснули вмиг пополам,
И ветер мокрым бичом хлестал
Корабль по его бокам.

«О, кто из вас подержит мой шлем,
Хочу я с гротмачты взглянуть;
Быть может, берег найдет мой взор
Сквозь эту зловещую муть».

«Твой шлем, капитан, подержать я готов;
Ты можешь с гротмачты взглянуть,
Но берег вряд ли увидишь ты
Сквозь эту зловещую муть».

Сэр Патрик и шага ступить не успел,—
Корабль ударило в бок,
И вот в пробоину ринулся вдруг
Морской соленый поток.

«Сюда, живее, шелка отрез
Вместе с отрезом сукна!
Заткните дыру, чтоб больше в нее
Не врывалась морская волна».

Они притащили шелка отрез
Вместе с отрезом сукна,
Заткнули дыру,— и все же в нее
Врывалась морская волна.

Промокла не только пробка подошв
У наших шотландцев,— о нет!
На их головные уборы лег
Волны разъяренный след.

Носилось немало матросских перин
По белой пене морской,
Немало сынов шотландских дворян,
Увы, не вернулось домой.

Ломала белые руки свои
Не одна невеста и мать;
Своих женихов и своих сыновей
Им больше вовек не видать.

О лэди, долго придется вам
Сидеть с веерами в руках,
Пока подплывет к шотландской земле
Сэр Патрик на всех парусах.

И вы, о девушки, в чьих волосах
Гребешки на солнце горят,
Напрасно ждете вы милых своих,—
Они не вернуться назад.

От Эбердина в полсотне миль,
На дне, зарывшись в песок,
Отважный сэр Патрик Спенс лежит
Со своей командой у ног.

ДВА ВОРОНА

Намедни, по полю бродя,
Двух воронов подслушал я:
Прокаркал одному другой:
«Где отобедаем с тобой?»

«Вдали ты видишь ров? Лежит
В нем рыцарь, только что убит.
Известно это лишь жене,
Псу, соколу его и мне.

За дичью пес пустился в лес,
А сокол в облаках исчез,

Жена же к ночи ждет дружка:
Нам будет трапеза сладка.

Ты на затылок белый сядь,
А я глаза примусь клевать;
Насытись, волосом златым
Свое гнездо мы устелим.

И не узнают никогда,
Куда исчез он без следа,
Шуметь лишь будет суховой
Над грудой тлеющих костей».

ДОЧЬ ИСЛИНГТОНСКОГО БЭЙЛИФА ^а

Отличный юноша, сквайра ^б сын.
Когда-то на свете жил,
Бэйлифа ислингтонского дочь
Без памяти он любил.

^а Бэйлиф — помощник шерифа.

^б Сквайр — дворянин.

Не зная, что юноша любит ее,
Она с ним была горда,
Приветной улыбки в ее глазах
Не видел он никогда.

Когда убедились друзья, что над ним
Любовь подшутила зло,
Его отправили в Лондон они,
Чтоб там изучил ремесло.

Он прожил в столице семь долгих лет
В разлуке с милой своей:
«Ах, сколько пролито мною слез,
А я и не нужен ей!»

И вот ислингтонские девушки раз
Пошли погулять вечерком,
Лишь дочь бэйлифа отбилась от них
И вышла одна, тайком.

Она сняла свой зеленый наряд
И, облачившись в тряпье,
В град Лондон пошла искать следов
Того, кто любил ее.

Когда на большак она вышла, где зной
Поля иссушил кругом,
Она на зеленый присела бугор,
А милый подъехал верхом.

Она вскочила и, вся покраснев,
Под уздцы схватила коня:
«Мне милостыню подай, господин;
Она утешит меня».

«Ее ты получишь, но прежде скажи,
Где ты родилась, мой друг».
«Я в Ислингтоне увидела свет
И много познала мук».

«Тогда скажи мне, скажи скорей,
Моя дорогая, одно:
Тебе знакома бэйлифа дочь?»
«Она скончалась давно».

«Коль так, то конскую сбрую возьми,
Седло, самого коня,
А я уеду в далекий край,
Где никто не знает меня».

«О юноша мой дорогой, погоди!
Неправду сказала я:
Она с тобою рядом стоит,
Жива невеста твоя».

«Мои мученья, прощайте навек!
Тебе, о радость, привет!
Нашел я ту, что люблю, и найти.
Казалось, надежды нет».

СТАРЫЙ ПЛАЩ

1.

Приход зимы суровым был:
Покрыв всю землю снег и лед,
И сильно так Борей завыл,
Что мог замерзнуть весь наш скот.
Сказала Бэлл, моя жена:
«Коль ты пойдешь сейчас на луг,
Корова будет спасена;
Надень же старый плащ, супруг!

2.

Он: Зачем, жена, ты так грозна?
Ты знаешь — плащ мой очень худ.
Он так поношен и дыряв,
Что и сверчки в нем не живут.
Нужды у нас, как будто, нет,
Зажиточна моя семья!
Купцам отщелкаю монет,
И новый плащ надену я.

3.

Она: Корова Крамбок нам верна:
Приносит ведра молока;
Нам масло, сыр дает она,
И с нею наша жизнь легка.
Не захворала бы теперь!
Не отвергай же просьбы вдруг.
Нам роскошь не к лицу, поверь...
Надень же старый плащ, супруг.

4.

Он: Мой плащ всегда был верен мне,
Но в нем живого места нет,

И нынче он упал в цене:
Его ношу я сорок лет.
Он был окрашен в алый цвет,
Теперь не лучше он тряпья;
В поблекшей тряпке прока нет,
Так новый плащ надену я.

5.

Она: Уж сорок долгих, долгих лет
Мы вместе прожили с тобой;
За это время родился
У нас детей пяток-другой,
И взрослым стал из них любой,
Благочестивым стал, мой друг!
Зачем же спорить нам с тобой?
Надень свой старый плащ, супруг!

6.

Он: Зачем, жена, ты так грозна?
Нам прошлого не воротить.
Сейчас ты б не смогла шута
От джентльмена отличить —
Ведь все разряжены у нас,
И воля такова моя:
Себе потрафлю я хоть раз,
И новый плащ надену я!

7.

Она: Король Стефан, достойный пэр,
Когда штаны за крону сшил,
Считая цену свыше мер,
Еще портного поносил.
Король — носил корону он!
Тебя ж крестьянский кормит плуг.
От гордости — стране урон,
Надень же старый плащ, супруг.

8.

Он: Но спорщица — моя жена,
И хочет мной руководить.
Чтоб жизнь моя была красна,
Придется, видно, уступить.
Кто спорит с женщиной — глупец,
Скажу вам, правду не тая.
С началом очень схож конец,
И старый плащ надену я.

БАЛЛАДЫ О РОБИН ГУДЕ

Робин Гуд — легендарный герой английских народных баллад эпохи позднего средневековья. Он рисуется благородным атаманом разбойников, смелым браконьером, бесстрашным защитником угнетенных и врагом притеснителей. В балладах отразился мятежный дух крестьянских движений XIV—XVI вв. Сложный вопрос об историческом прототипе Робин Гуда до настоящего времени не решен. Древнейшее упоминание о Робин Гуде мы находим в «Видении о Петре пахаре» Ленгланда (1377). Согласно одному историку XV в. (Бауер, «Дополнения к старинной хронике Фордона»), исторический Робин Гуд жил в XIII в.: «Между людьми, лишенными собственности, — свидетельствует Бауер, — был тогда знаменит разбойник Робин Гуд, история которого, воспеваемая странствующими певцами, занимает англичан более других историй». Латинская «История Великобритании» Дж. Мэйра (1521), относя жизнь Робин Гуда к XII в., говорит о Гуде как об атамане сотни вольных стрелков, грабившем только богатых, зато всячески покровительствовавшем беднякам. Основная масса дошедших до нас баллад о Робин Гуде относится к XV—XVI вв. На русском языке: «Баллады о Робин Гуде» в переводах Н. Гумилева, В. Рождественского, Г. Иванова и др., предисловие М. Горького, изд. «Всемирная литература», Пг., 1919; «Баллады о Робин Гуде», пер. Игн. Ивановского, Л., 1959; С. Маршак, Избранные переводы, М., 1959.

РОБИН ГУД И ГАЙ ГИСБОРН

Когда леса блестят в росе
И длинен каждый лист,
Так весело бродить в лесу
И слушать птичий свист!

Щебечет дрозд, найдя себе
Среди ветвей приют,
Так громко, что в своем лесу
Проснулся Робин Гуд.

«Клянусь, — он весело
сказал, —
Мне снился славный бой;

Мне снились сильных два
стрелка,

Дерущихся со мной.

Они осилили меня
И отняли мой лук.
Не будь я Робин здесь в лесу,
Коль пощажу их двух».

Джон Маленький^а сказал на то:
«Как быстрый ветер — сон;
Как ветер, что сегодня дул,
А завтра где же он?»

^а Джон Маленький — вольный стрелок, ближайший соратник Робин Гуда, наряду с последним является наиболее популярной фигурой баллад.

«Скорей, веселые друзья,
Будь, Джон, и ты готов;
Иду в зеленые леса
Искать моих стрелков».

Оделись, не забыл никто
Колчан и стрелы взять,
И прочь в зеленые леса
Отправились стрелять.

Пришли они в зеленый лес,
На старый их лужок,
И увидали, что стоит
Под деревом стрелок.

Кинжал и меч он на боку
Потрогивал своим,
Был в шкуру конскую одет
И с гривой и с хвостом.

И Джон промолвил: «Господин,
Под деревом постой,
А я один пойду к стрелку
Узнать, кто он такой».

«Ты, Джон, совсем не кладом
стал,
И грусть меня берет,
Как часто, отставая сам,
Я шлю людей вперед.

Плута не хитрость узнавать,
Беседуя с плутом,
И если б мой не треснул лук,
Покаялся б ты в том».

Решили так, и разошлись
И Робин Гуд, и Джон.
Джон в Бернисдель пошел, куда
Все тропы знает он.

Когда ж пришел он в
Бернисдель,
Был вздох его тяжел,

Он двух товарищей своих
Убитыми нашел.

А Скарлет убежал пешком
Среди камней и пней,
Его преследовал шериф^а
Со стражею своей.

«Пущу стрелу я, — молвил
Джон, —
Христос дает мне знак,
Шерифа я остановлю,
Чтоб не спешил он так».

И тотчас наложил стрелу
На лук свой длинный Джон,
Но был из тонкой ветки лук,
Переломился он.

«Зачем, зачем ты, злая ветвь,
На дереве росла?
Ты мне не помощь принесла,
А столько, столько зла!»

Но выстрел, хоть случайным
был,
Все ж даром не пропал:
Среди шерифовых людей
Вильям из Трента пал.

О, лучше б дома был Вильям,
Печалью удручен,
Чем в это утро повстречать
Стрелу, что бросил Джон.

Но уверяют, что в бою
Пяты стоят больше трех.
Джон Маленький шерифом взят
И, связан, лег на мох.

Довольно занимал нас Джон.
Что ж делал Робин Гуд,
Когда к могучему стрелку
Стопы его ведут?

^а Шериф — высшее должностное лицо в графстве. В балладах ноттингемский шериф рисуется самоуправцем и притеснителем населения. Робин Гуд ведет с ним ожесточенную борьбу.

Промолвил Робин: «Добрый
день!»
«Привет! — сказал другой.»
«Судя по луку твоему,
Стрелок ты неплохой».

«Свободен я, — сказал
стрелок, —
Во времени моем!»
Ответил Робин: «Буду я
Твоим проводником».

«Я здесь изгнанника ищу,
Чье имя Робин Гуд.
Желанней встретить мне его,
Чем золотой сосуд».

«Ты встретишь Робина, стрелок,
Когда пойдешь со мной;
В зеленой роще мы сперва
Потешимся игрой.

Сперва покажем ловкость мы,
Избрав вот эту весь.
И встретится нам Робин Гуд,
Быть может, скоро здесь».

Они нарезали кустов
В лесу, где вился хмель,
И наплели из них крестов,
Стрелять желая в цель.

«Начни же, — молвил Робин
Гуд, —

Начни, товарищ мой!»
«О нет, клянусь, — ответил
тот, —

Я стану за тобой».

И первый выстрел Гуда в цель
Был мимо на вершок;
Хоть ловок незнакомец был,
Но так стрелять не мог.

Своей второй стрелой стрелок
Слегка царапнул хмель,
Но Робин выпустил стрелу
И расщепляет цель.

Сказал он: «Бог тебя хранит,
Стрелял ты славно тут,
И если сердце, как рука,
Тебя не лучше Гуд».

«Скажи ты имя мне свое», —
Стрелок спросил его.
«Нет, — Робин отвечал, — пока
Не скажешь своего».

Тот молвил: «Я живу в горах,
Чтоб Робина поймать,
И кличут Гай Гисборн, когда
Хотят меня позвать».

«Живу в лесу я, — был ответ, —
Давно тебя дразня,
Я Бернисдельский Робин Гуд,
И ты искал меня».

Безродный каждый видеть мог
Усладу для очей:
Смотреть на бьющихся стрелков,
На темный блеск мечей.

На то, как бились те стрелки,
Мог два часа взирать;
Ни Робин Гуд, ни Гай Гисборн
Не думали бежать.

Но спотыкнулся Робин Гуд
О маленький пенек,
Со страшной силой Гай Гисборн
Его ударил в бок.

«Спаси меня, — воскликнул
Гуд, —

Спаси христова мать.
Не подобает никому
До срока умирать».

Воззвал к Марии Робин Гуд
И вновь исполнен сил,
И, сзади нанеся удар,
Он Гая уложил.

Схватил он голову врага,
Воткнул на длинный лук:

РОБИН ГУД ДЕЛИТ ЗОЛОТО

Однажды в гавань Скарборо
Явился Робин Гуд.
У корабельщицы-вдовы
Он отыскал приют.

Спросила Робина вдова:
— Откуда, кто таков?
— Я Симон, — Робин отвечал, —
Из бедных рыбаков.

— А я лихого рыбака
Давно найти хочу.
Красив и прочен мой корабль,
И щедро я плачу. —

В открытом море перемет
Спустили рыбаки.
Усердно Симон помогал,
Но не загнул крючки.

— Вот дурень! — злится
капитан, —

Чем может он помочь?
Когда начнем делить улов,
Прогоним дурня прочь! —

Но вот к концу второго дня
На мачту Симон влез
И видит — издали корабль
Идет наперерез.

— Проклятье! — крикнул
капитан. —

Погибнет наш улов,
Но нам теперь не уберечь
И собственных голов.

Я вижу, гонится пират
За нашим кораблем.
Не быть нам дома, рыбаки,
В неволе мы умрем!

— Не бойтесь, — Симон
отвечал, —

Не поднимайте шум,
Спустите парус, дайте лук,
А сами лезьте в трюм.

— На место! — крикнул
капитан, —

Ты, дурень, глуп и горд,
И, если ты не замолчишь,
Тебя швырнут за борт! —

Тут Симон гневом запыхал
И к мачте прыгнул вдруг.
Он прислонился к ней спиной
И поднял верный лук.

— Волна мешает мне стрелять,
Суденышко крени.
Скорее к мачте, капитан,
Привязывай меня! —

Нацелил Симон верный лук,
Прищурил левый глаз.
И вот стрела пирату в грудь
Ударила как раз.

Свалился замертво пират,
К нему шагнул другой —
И тут же в воду полетел
С пробитой головой.

— Поставьте парус, рыбаки,
Преследуйте, гоня.
Скорей от мачты, капитан,
Отвязывай меня! —

Они пристали к кораблю,
Который опустел,
И груды золота нашли
И груды мертвых тел.

— Ну, что ж, голодным
беднякам

Раздам я часть мою,
А остальное — рыбакам
Охотно отдаю. —

— О нет! — воскликнул
капитан, —

Ты победил один,
И ты хозяин золотых,
Законный господин. —

Ему ответил Робин Гуд:
— Согласен! По рукам!
Пускай все золото идет
На пользу беднякам!

СКЕЛЬТОН

Джон Скельтон (John Skelton, 1460—1529) — английский поэт и ученый. Окончил Кембридж, в 1490 г. был в Оксфорде признан поэтом-лауреатом, в 1494 г. вступил в духовное звание, жил при дворе в качестве наставника принца; остаток своей жизни провел в Вестминстерском аббатстве. Наибольший интерес представляют его сатиры («Колин Клаут», «Colyn Cloute», 1519; «Почему вы не явились ко двору?», 1523 и др.), в которых он бичует католическое духовенство, самого всемогущего кардинала Вольсея, придворную знать и пр. Творчество Скельтона сыграло заметную роль в идейной подготовке английской реформации. Его стиль отличается меткостью и несколько лубочной сочностью, он вводит в свою поэтическую речь народные слова и обороты. Его излюбленная форма — так называемая doggerel — короткие рифмованные строки. Перу Скельтона принадлежит также драматическое «действие» о Робине Гуде, ряд латинских переводов и поэм. В приводимом отрывке речь ведется от лица Колин Клаута — бродяги.

ИЗ «КОЛИН КЛАУТА»

Я Колин Клаут, весь год
Хожу, брожу и вот
Везде, во всех местах подряд,
Я слышу, люди говорят:
Чтоб митру приобрести, нужна
Битком набитая мошна.
Таких попов не видел свет,
Чтоб осудили митру, нет!
Но что касается мошны...
Прости, господь, мы все грешны,
Такие строгости смешны.
От симонии^а прок
Ведь с птичий ноготок;
Кто б ею прокормиться мог?
И вот как раз
Готов для вас
О том рассказ,
Как может возвести тотчас
В епископский высокий сан
Пустынника простого Ватикан.
Для этого обязан он
Признать, что подчинен
Уставу строгому о том,
Что должен выезжать верхом

С великолепным клобуком,
Сверкая златом, багрецом,
Быть должен весь его наряд
(Для вящей муки, говорят)
Роскошен и богат.
Прозрачна ткань воротника
Всегда должна быть и легка,
Белей парного молока,
А золото его стремя
Должно слепить глаза мирян.
Епископам и дела нет,
Что впроголодь живет сосед,
Что Джилль свой проливает пот,
Что Джек над пашней спину
гнет,
Не зная жалости, народ
Они то вызовами в суд,
То отлученьями гнетут,
А сами на коврах сидят
И блюда вкусные едят.
Послушать только, как народ
На жизнь их громко вопиет,
Как духовенство все бранит
И как епископов честит!

^а Симония — торговля церковными должностями.

ПОЭЗИЯ АНГЛИЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

УАЙЕТ

Томас Уайет (Thomas Wyatt, 1503—1542) — английский поэт. Происходил из старинной аристократической фамилии. Играл видную роль при дворе Генриха VIII. Был замешан в процессе злопучной супруги Генриха VIII Анны Болейн, некоторое время провел в заключении, но был оправдан. Путешествовал по Италии, где ознакомился с культурой итальянского Возрождения, произведшей на него глубокое впечатление. Вместе с поэтом Серреем Уайет явился проводником ренессансных веяний в английской поэзии. Их образцами были Вергилий, Гораций, Марциал, а также Петрарка и поэты его школы. Они ввели форму сонета в обиход английской поэзии. Последняя обязана им реформой своей метрической и ритмической структуры. Уайет писал лирические песни, эпиграммы в октавах, сатиры, осмеивавшие придворную жизнь, парафразы покаянных псалмов и пр. В своих сонетах он находился под прямым воздействием Петрарки, влияние которого на английскую поэзию через Уайета становится весьма значительным. Лейтмотивом его лирики является любовь, о которой он поет то в серьезном, то в шутовском и веселом тоне.

ЛЮТНЯ ЛЮБОВНИЦЫ

Ты лютню не брани! Поет она
Лишь то, что петь приказываю я;
Моим желаниям подчинена,
Она служанка верная моя.
Хоть, может быть, и странен мой напев,
Хоть в нем звучат смущение и гнев,
Ты лютню не брани!

Не виновата лютня в том, что ей
Приходится все то передавать,
Что, изливая из души своей,
Пою я тем, кто хочет мне внимать.
Хотя сурова песнь моя подчас
И говорит всю правду без прикрас,
Ты лютню не брани!

Равно послушно струны о любви
И огорчении моем звучат.
Невинных струн поэтому не рви,
Не устранишь ты этим наш разлад.
За то, что песнь, которую пою,
Мстит за обиду горькую мою,
Ты лютию не брани!

Неверность — горшая из всех обид.
И ей прощенья у смертных нет.
Сказать об этом громко надлежит,
Чтоб осудил неверность божий свет.
Что гневно песнь звучит, вина твоя,
И потому, о госпожа моя,
Ты лютию не брани!

Себя брани за то, что принесла
Своей неверностью мне столько мук.
Когда решишь свернуть с дороги зла,—
Поверь мне, лютия свой изменит звук.
А если ныне под моей рукой
Она звенит все с прежнею тоской,
Ты лютию не брани!

Прощай! Хотя ты струны рвешь, кляня
Их за вполне заслуженный упрек,
Немало струн еще есть у меня,
Чтоб снова лютию я настроить мог,
А ежели ты вспыхнешь от стыда,
Прочтя мой бедный стих,— то и тогда
Ты лютию не брани!

ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ

Жить при дворе, нарядами блистая,
С изысканными яствами в обед,
Забавам и пирам не видя края
И только праздный созерцая свет,—
Такая жизнь горька, в ней счастья нет.
Кто так проводит дни, живет в темнице
И в позлащенных кандалах томится.

СЕРРЕЙ

Граф Генри Говард Серрей (Henry Howard, earl of Surrey, 1517—1547) — английский поэт. Был приближенным Генриха VIII, участвовал в сражениях и походах, вел жизнь блестящего вельможи, путешествовал по Италии; окончил жизнь на плахе, пав жертвой дворцовой интриги. Талантливый лирик, Серрей явился одним из пионеров английской ренессансной поэзии. Он глубоко чтит Петрарку, вводит (вместе с поэтом Томасом Уайетом) в английскую литературу форму сонета, которой владеет мастерски. Вслед за Петраркой он воспевает «чистую» любовь к идеальной женщине (сонеты, посвященные Джиральдине), культивирует мотивы грусти и меланхолии. Ему принадлежит перевод двух песен «Энеиды» Вергилия, сделанный белым стихом. Произведения поэта были впервые напечатаны лишь в 1557 г. Английский писатель XVI в. Путтенгам в своей книге «Искусство английской поэзии» писал: «Во второй половине царствования Генриха VIII выступило новое содержание придворных стихотворцев, вождями которых были сэр Томас Уайет и граф Генри Серрей. Путешествуя по Италии, они познали там высокую сладость метра и стили итальянской поэзии. . . Они подвергли тщательной отделке грубую и необработанную нашу поэзию и покончили с тем состоянием, в каком она находилась раньше. Поэтому они с полным правом могут называться первыми реформаторами нашей метрики и нашего стиля».

СОНЕТ

Из доблестной Флоренции ведет
Род госпожи моей свое начало:
Ее отчизна — остров, что из вод
Глядит на Камбрии крутые скалы.
Ирландская ее вскормила грудь,
Отец был граф, мать — королевской крови;
К двору привел ее судьбины путь,
Где все услады жизни наготове.
Гендстон меня представил первый ей,
Гемптон внушил поведать Джиральдине
Мою мечту назвать ее своей,
А Виндзор^a злой нас разлучает ныне.
Она подобна ангелу в раю;
Блажен, кому отдаст любовь свою.

^a Виндзор — виндзорский замок, резиденция английских королей.

ЗАТОЧЕНИЕ В ВИНДЗОРЕ

Жестокий рок в тюрьму мне превратил
Роскошный Виндзор, где когда-то я
Дни отрочества с принцем проводил
Счастливей, чем Приама сыновья^а.
На каждый уголок смотрю с тоской.
Вот сад, где часто с ним бродили мы,
В девичий терем взор вперивши свой.
А нашим вздохам вторили холмы;
Широкие скамьи, красавиц ряд,
За кругом танца долгий разговор,
Где со словами состязался взгляд,
Меж мной и принцем не рождая ссор:
Площадка, где, бывало, мы вдвоем
Играли в мяч, и часто он до рук
Не долетал, когда мы за окном
Взор нашей дамы замечали вдруг;
Поляна, где с оружием, на конях
Мы, привязавши к шлемам рукава,
Неслись навстречу, подымая прах,
И подсекалась конями трава;
Лужайка под серебряной росой,
Где упражняли в играх без числа,
Окружены товарищей толпой,
Мы наши юные еще тела;
Рощ тайники, в которых мы не раз
Превозносили громко наших дам,
Сердечными надеждами делясь
И радостями, выпавшими нам;
Богатый просеками хвойный бор,
Где мы под звук рогов и лай собак,
Поводья отпустив, во весь опор
Оленя гнали робкого в овраг.
Вот комната, что по ночам приют
Давала нам; увы, теперь она
Напоминает мне о том, что тут
Вкушали вместе мы усладу сна.
О счастья невозвратная пора!
Часы забав и дружеских бесед
Ночь напролет до самого утра,
Когда в окно уж пробивался свет!
Об этом вспомню лишь — и слез ручьи
Бегут на бледные ланиты вдруг;
Но быстро вздохи сушат их мои,
И вновь я плачу: «Благородный друг,

^а Сыновья Приама — Гектор, Парис и др.

Любимый всеми, мной же больше всех,
Где ты? Ах, тайну эту мне открой,
Обитель мук, а некогда утех,
Где еженощно он вкушал покой».
И, сжалившись над мукою моей,
На стон мой эхо стонет мне в ответ.
Тем заточение мое мне тяжелей,
Что здесь провел я столько чудных лет.
Лишь вспоминая худшую беду,
Забвеные меньшей муки я найду.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТОМ, КАК ДОСТИГНУТЬ СЧАСТЛИВОЙ ЖИЗНИ

(ИЗ МАРЦИАЛА)

Вот что, я думаю, ведет
К счастливой жизни под луной:
Отцом завещанный доход;
Кусок земли; в душе покой;

Не любящий раздоров друг,
Презренье к почестям, постам;
Поменьше от врачей услуг;
В хозяйстве все, что нужно нам;

Здоровый, скромный стол всегда;
Простой и мудрой жизни дар;
Ночей спокойных череда,
Которым чужд хмельной угар;

С душою преданной жена;
Довольство собственной судьбой.
А смерть? Что ж, пусть придет она
В свой час,— не добрый и не злой.

СПЕНСЕР

Эдмунд Спенсер (Edmund Spenser, 1552—1599) — крупнейший поэт дошекспировского периода английского Возрождения. Окончил Кембридж в 1573 г. До 1580 г. жил в Лондоне, вращаясь в кругах высшей аристократии. В 1579 г. опубликовал «Пастушеский календарь» — поэму, состоящую из двенадцати эклог по числу месяцев, принесшую ему широкую известность. В этом произведении Спенсер примыкает к традиции европейской пасторальной поэзии как древнего (Феокрит, Бион, Вергилий), так и нового (итальянский неолатинский поэт Мантовано, Кл. Маро) времени. Эклоги говорят о любви, морали и религии либо представляют собой панегирики. В 1580 г. Спенсер в качестве секретаря лорда Артура Грея, вновь назначенного губернатором Ирландии, переезжает в Ирландию, где живет в поместье, дарованном ему всемогущим фаворитом Елизаветы графом Лейстером. В 1598 г. это поместье было разрушено повстанцами, и Спенсер вместе с семьей принужден был бежать в Лондон. Здесь он умер и был похоронен в Вестминстерском аббатстве. Его крупнейшее произведение — поэма «Королева фей» («The Faerie Queene»), создававшаяся на протяжении многих лет. В 1592 г. Спенсер написал поэму «Лифнаида», значительно уступающую его вышеназванным произведениям. Помимо того, он писал элегии, сонеты, гимны и сатиры. Сонеты («Amoretti», 1595) посвящены даме, которая в 1594 г. стала женой поэта; они написаны в подражание Петрарке, Тассо и дю Белле. Одновременно с сонетами была опубликована идиллическая поэма «Erithalamion», в которой Спенсер с большой простотой и непосредственностью описывает свое сватовство и женитьбу. В 1596 г. увидели свет гимны Спенсера, пронизанные идеями неоплатонизма, в том числе возвышенные «гимны в честь любви и красоты», в которых идеи платоновского «Пира» сочетаются с воззрениями П. Бембо.

Спенсер. с гравюры XVIII в.

Совсем иной характер носит поэма «Возвращение Колин Клаута» (1595). В ней вновь оживает герой сатирической поэмы Скельтона (см. стр. 34). Однако под пером Спенсера он превращается в изящного критика придворных литературных вкусов. Подобно итальянским и французским поэтам высокого Возрождения, Спенсер воплощал в своих произведениях культ совершенной красоты. Слава его была огромна. Современники называли его «князем поэтов». В последующие века в числе почитателей и последователей Спенсера мы находим Мильтона, Драйдена, Попа, Томсона, Бернса, Шелли, Китса и Байрона.

Н. Гербелем переведен отрывок из поэмы «Epithalamion» (в сб.: Н. Гербель, Английские поэты в биографиях и образцах, Спб., 1875).

СОНЕТ

Как брошенный подругой голубок
На опустелой веточке сидит
И плачет, что от милой он далек
И скоро ль та обратно прилетит,
Так я, разлукой с милою убит,
Взад и вперед, один с моей тоской
Весь день брожу, храня унылый вид,
И горестные слезы лью рекой.
Ничто под солнцем взор влюбленный мой
Не веселит, когда любимой нет,
Когда не вижу пред собою той,
Чьей прелестью пленен весь божий свет.
Она сокрылась,— и во мраке я,
Подобьем смерти стала жизнь моя.

СОНЕТ

Лети, Весна, герольд царя страстей,
На чьем гербе нам пышно предстает
Любой цветок, дитя планеты сей,
Во всеоружии своих красот;
Направь к моей возлюбленной полет,
Что дремлет, в зимний сон погружена,
И ей поведай, что восторг не ждет
И что она поймать его должна;
Так пусть готовится служить она
В той нежной свите, где Любовь царит
И каждой, кто останется одна,
Глаза росой раскаянья кропит.
Лови же радости, моя любовь:
Никто былого не воротит вновь.

JAMBICUM TRIMETRUM ^a

Унылый стих, свидетель моих горестей,
Из мысли скорой крылья сотвори себе,
Лети к Любви моей, где б ни была она:
Простерлась ли, томясь, на ложе тягостном,
Сидит ли, невеселая, за брашнами,
Или игрой на виргинале тешится.
На ложе? Ей скажи, что нет мне отдыха;
За брашнами? Скажи: вкушать не в силах я;
Играет? Ей скажи: нет в звуках счастья мне.
А спросит — почему? Скажи: бессонна страсть,
Неистовая, яствами гнушается,
Печальная, не радуется музыке.
Скажи: ее лишь ласка усыпит меня,
Скажи: ее лишь очи взор насытят мой,
Скажи: ее лишь речь меня возрадует.
Ночь каждую все чахну я без отдыха;
День каждый сохну я без насыщения;
Всегда я умираю без веселия.
И коль зачахну, кто удел оплачет мой?
И коль иссохну, кто конец опишет мой?
И коль умру, кто скажет: жаль Immerito? ^b

ИЗ «ПАСТУШЕСКОГО КАЛЕНДАРЯ»

ВСТРЕЧА МАЯ

П а л и н о д и й.

Май на дворе,— смотри, как он пригож,
Как в честь него рядится молодежь.
Везде, везде,— куда ни кинешь взор,—
У всех украшен зеленью убор.
Нам тоже приодеться бы не грех:
Май месяц в радость облекает всех.
Земля травой покрылась, а леса
Одела листьев свежая краса.
По рощам бродит молодежь гурьбой,
Цвет на кустах собирая молодой,
Чтоб разукрасить на заре потом
Господний храм и каждый сельский дом
Венками свежими из диких лоз
И смоченных вином душистых роз.
Забавы эти по сердцу святым,
А мы с тобой уныло тут сидим.

^a Jambicum Trimeterum (лат.) — ямбический триметр.

^b Immerito (лат.) — незаслуженно, невинно.

Пирс.

Лишь юным в радость эти пустыки,
А мы уж, Палинодий, старики.

Палинодий.

Сегодня рано утром у села,
Я видел, пастухов толпа прошла.
Их песни, возгласы пленяли слух,
Шел впереди с волянкою пастух,
И все плясали, подпевая ей,
В обнимку каждый с девушкой своей.
Так весело вперед толпа неслась,
Что у меня душа пустилась в пляс.
Спешили все к дубраве молодой,
Чтоб Май оттуда привести домой
На троне и с короной короля.
А с ними шла чрез рощи и поля,
Толпою фей и нимф окружена,
Красотка Флора, королю жена^а.
Тебе признаюсь, был бы я не прочь
Куст майский девушкам нести помощь.
Ах, Пирс, бежать за молодежью вслед
Ужели у тебя охоты нет?

ИЗ «КОРОЛЕВЫ ФЕЙ»

Поэма Спенсера, во многом близкая Ариосто и Тассо (широкое использование элементов куртуазного, рыцарского романа с его сказочной фантастикой, культом авантюры, декоративной экзотикой и пр.), состоит из шести книг по двенадцати песен в каждой. Традиционная для эпической поэзии Ренессанса октава трансформируется здесь в своеобразную строфу (девять строк по схеме: a b a b b c b c c), получившую наименование «спенсеровой строфы». Поэма дает идеализированную картину великосветской жизни и посвящена королеве Елизавете. Характерной чертой поэмы является ее аллегоризм. В центре произведения — король Артур (символ величия), который влюбился во сне в «королеву фей» — Глориану (символ славы, современники видели в ней Елизавету) и разыскивает ее в сказочной стране. Помимо названных персонажей, Спенсер задумал олицетворить двенадцать добродетелей в образе двенадцати рыцарей, но успел изобразить только шесть из них (по числу книг). Эти рыцари совершают различные подвиги, преодолевая искушения, возникающие на их пути.

Для того чтобы дать известное представление о развитии сюжета в поэме, мы излагаем содержание первой книги, из которой и взяты отрывки, печатаемые в хрестоматии.

В первой книге описываются приключения рыцаря красного креста (Благочестие), посланного королевой помочь прекрасной Уне (Истина) освободить ее родителей, заключенных злым драконом (Заблуждение) в медный замок. После жестокого сражения рыцарь побеждает чудовище. Вместе со своей дамой он останавливается на ночлег в хижине отшельника. Последний, однако,

^а Флора — древненталийская богиня цветов и юности.

оказывается коварным волшебником Архимаго, который насылает на рыцаря живое сновидение, убеждающее его в измене Уны. Утром рыцарь покидает деву, которая немедленно отправляется на поиски беглеца. В пути рыцарь красного креста вступает в поединок с Неверием (Sansfoy), убивает его и едет дальше, сопровождаемый дамой сраженной по имени Фидесса. Последняя, однако, лишь приняла образ и имя Верности (Fidessa), на самом деле она зовется Неверностью (Duessa) и является колдуньей. Она увлекает рыцаря в замок Гордости, где обитает царица Люцифера, окруженная Тщеславием, Распутством, Лениью, Жадностью и другими аллегорическими существами. Здесь рыцаря красного креста вызывает на бой сарацин Уныние (Sansjoy), брата которого,— Неверие,— рыцарь недавно убил. Сарацин терпит поражение, однако колдунья Дуэсса посредством волшебного тумана спасает его от смерти. Она спускается даже в глубину Тартара, чтобы раздобыть целебные гнадобья для врачевания его ран.

В ряде великолепных картин поэт описывает все области античного подземного мира, обогащая свои описания элементами романтического вымысла. Уна, между тем, отправилась в путь. Ее красота смиряет грозного льва, который отныне не покидает прекрасной девы. И вот перед ней, наконец, рыцарь красного креста, которого она столь самоотверженно отыскивает. Но радость Уны преждевременна. На самом деле перед ней волшебник Архимаго, коварно принявший дорогóй ей образ рыцаря. Внезапно появляется сарацин Беззаконие (Sansloy), который также принимает Архимаго за рыцаря и нападает на него, чтоб отомстить ему за смерть своего брата Неверие. Происходит бой. Нанеся мнимому рыцарю тяжелую рану, сарацин узнает в нем волшебника Архимаго, оставляет его и завладевает Уной, льва которой он убивает. Уна взывает о помощи, на ее призыв являются сатиры, прогоняющие сарацина. Освободители склоняются перед девой, как перед высшим существом. Когда же Уна узнает, что рыцарь красного креста побежден и взят в плен неким великаном с помощью колдуньи Дуэссы, она обращается за помощью к королю Артуру, который как раз проезжает мимо нее в поисках королевы фей. Король Артур в жестокой схватке умерщвляет великана, прогоняет колдунью Дуэссу и соединяет влюбленных. Благополучно минуя пещеру Отчаяния, они прибывают к храму Святости. Здесь рыцарь красного креста в течение трех дней ведет бой с драконом, наконец, побеждает его, сочетается браком с Уной, а затем, счастливый и радостный, отправляется ко двору королевы фей, чтобы поведать ей о своих приключениях.

УНА И РЫЦАРЬ КРАСНОГО КРЕСТА

Раз ехал паладин неторопливо
С серебряным щитом и на коне,
Грызущем удила нетерпеливо,
В отмеченной ударами броне,
Хоть не бывал наш витязь на войне.
Он молод был, но был готов для боя
И силами владел уже вполне
И для ристалищ пышных, и для строя.
В нем всякий видеть мог грядущего героя.

Кровавый крест он на груди носил
И на щите такой же символ красный
Как знак того, кто всех нас искупил;
Ему молился горячо и страстно,
Проникнутый одной лишь мыслью властной.

Он слову верен был и прям в делах,
Готовый пасть за правду ежечасно.
Не знал он лжи, и чужд ему был страх.
Он ужас пробуждал во вражеских сердцах.

Царицей Глорианою державной,
Великою властительницей фей,
Наш витязь послан был на подвиг славный,
Чтоб, милость вызвав, быть приятным ей.
Он этого хотел всего страстней.
Враг был дракон, губящий всех безбожно.
Хоть знал герой, что тот его сильней,
Лишь о царице помышлял тревожно,
Но твердо верил он, что все свершить возможно.

На белоснежном небольшом осле
С ним Уна подвигалась по дороге,
Печально сидя на своем седле
В скрываемой томительной тревоге,
Как будто бы стояла на пороге
Скитаний долгих и тяжелых дней.
Фата и плащ по цвету были строги:
Фата лицо скрывала; плащ на ней
Окутал гибкий стан и ночи был черней.

Бежал за ней ягненок. Был он белым,
Как молоко, невинным, как она.
Весь род ее был царственным и смелым.
Склонились перед ним все племена,
Живущие кругом, но вот страна
Досталась в жертву адскому дракону,
И страшные настали времена:
Отец был изгнан, потерял корону,
Но храбрый паладин пришел на помощь трону.

А сзади плелся карлик; был он мал
И шел, не торопясь и отставая.
Он был ленив, а может быть, устал,
Неся мешок. Внезапно завывая,
Примчался ветер. Туча грозовая
Безоблачный затмила небосвод.
Могучий Зевс, ненастье навевая,
На землю ниспослал грозу, и вот
Открылись широко на небе хляби вод.

Пришлось искать приют им, и на счастье
Вблизи темнел густой, высокий лес.
Тогда не страшно стало им ненастье:

Раскинулась над ними, как навес,
Густая тень развесистых деревьев.
Не проникал ни солнца свет лучистый,
Ни звездное сияние небес
Под этот свод прохладный и душистый,
Вились тропинки вдаль в уют лесной, тенистый.

Приятны были им и леса сень,
И милых пташек радостное пенье,
Что, скрывшись там в ненастный этот день,
К дождю питали смелое презренье,
И темной ели низкое гуденье,
И кедра сила, и краса сосны,
И кипариса мрачное томленье,
Березы белоснежной дух весны,
И весь лесной тот шум, что навевает сны.

Им нравится цветущая калина,
И влажная прибрежная ветла,
И гордый дуб, и хрупкая крушина,
И плющ густой, что вьется вокруг ствола,
И лавр — венец за громкие дела,
И тополь стройный, плачущая ива,
И липы цвет, чем кормится пчела,
И крепкий бук, и темная олива,
Осина им мила за то, что так болтлива.

Там ждут они, чтоб тучи пронеслись,
Чтоб минула ненастная погода.
Прошла гроза; сияла солнцем высь.
Тут новая постигла их невзгода:
Утерян путь, ведущий из-под свода.
И вот они блуждают по тропам,
Проложенным сквозь чащу. Нет прохода
Им на равнину. Тут ища и там,
Скитаются они по чуждым им местам.

УНА И ЛЕВ

Нет ничего печальнее на свете
Невинной удрученной красоты,
Повергнутой в предательские сети
Вражды жестокой, злобной клеветы.
Под властью ль я чарующей мечты,
Иль женский рыцарь я надежней стали,
Но, видя горе женской чистоты,
Душа моя сжимается в печали.
Мучительней тоски я испытал едва ли.

Скиталась Уна. Было суждено,
Чтоб, брошенная им, она несчастно
Влачила дни свои. Уже давно
Она искала рыцаря напрасно,
Его надеясь встретить ежечасно.
Но злой кудесник на него дурман
Наслал, ее ж любовь и верность властно
За ним влекли в леса далеких стран,
Не ведала она про чары и обман.

Рыцарь красного креста. Из первого издания «Королевы фей» в двух томах, Лондон, 1590 и 1596.

Уставшая однажды от дороги,
Она, сойдя с спокойного осла,
Чтоб позабыть печали и тревоги,
В тени дерев на мураве легла.
Она повязку с головы сняла
И плащ свой черный положила рядом,
И залучилась ярко полумгла,
Как небо, голубым и ясным взглядом.
Укрыл зеленый лес ее своим нарядом.

Вдруг злобный лев, открыв широко пасть,
Туда метнулся, где лежала дева.
На жертву он готовился напасть
И полон был свирепости и гнева.
Лев кинулся, и вот достиг он древа.
Где почивала Уна, боль забыв.
Казалось, не уйдет она от зева,
Но лев смирил безумный свой порыв
И тихо к ней подполз, пасть страшную закрыв.

Коснулся языком он ножки милой,
Как будто бы вину свою признав.
Господствует так красота над силой;
Так слаб неправый перед тем, кто прав.
Зверь лютый усмирил свирепый нрав.
Она ж к нему одно лишь сожаленье
Питала, страх забыв, а лев среди трав
Лежал пред нею. Только умиление
Он чувствовал, глядя на дивное виденье.

Промолвила она: «Владыка-лев
Не трогает меня. Забыта сила,
И голод им забыт, и лютый гнев.
Беспомощность моя его смирила.
Ласкается покорно он и мило.
А ты, мой лев, владыка, мой король,
Кому я сердце, не таясь, открыла,
Ты мне даришь одну лишь скорбь и боль.
О, возвратись ко мне. Любить тебя позволь».

От слез обильных замолчали пени,
В них слышалось так много тяжких мук.
Родились отзвуки в дубровой сени,
Лев услышал печальный этот звук.
Глядя на Уну не как враг, а друг,
Забыл он голод, помня только жалость.
Она же встала, спохватившись вдруг.
Уж дева позабыла про усталость.
С тоскою коль сравнить, все это малость.

При ней остался лев, как верный друг.
Он был ее товарищ и охрана.
Он чувствовал всю боль сердечных мук,
Ей причиненных гнусностью обмана.
Он охранял покой ночного стана
И сторожем он был девичьих снов
В глубокий час ночной и утром рано.
Ее желанья понимал без слов.
Всегда он был при ней, всегда служить готов.

ЧЕРТОГ СНА

Через редкий воздух и сквозь глубь морей,
Текущих вокруг вселенной без предела,
Стремился дух в тот край, где спит Морфей^а.
В ту пропасть под землей проник он смело,
Где никогда заря не заалела.
Там Тефис тихо льет на ложе сна
Морфея воду. Цинтия одела
Ему венок росистый. Тишина
И мрак царят кругом, и вечно ночь черна.

Из серебра и из слоновой кости
Те двери были, что замкнули вход
В чертоги сна, и лаем лютой злости
Псы оглашали там подземный свод,
Морфея охраняя от забот,
Которые тревожат сновиденье,
Для горя пробуждая и невзгод.
Дух мимо псов прошел, как привиденье,
И в храмину проник, не вызвав пробужденья.

И мнится, что, струею со скалы
Ручей спадая, говором лелеет
Морфея сон. Там слышен гуд пчелы.
Там шепчет вечно дождь. Над ложем веет
Прохладный ветерок. Там все немеет.
Не слышен там людской немолчный шум.
Никто в том царстве горем не болеет.
Покой беспечный спит, не зная дум,
И мыслью о врагах не докучает ум.

^а Морфей — у древних греков бог сна и сновидений, сын ночи.

СИДНЕЙ

Филипп Сидней (Philipp Sidney, 1554—1586) — английский писатель, один из значительнейших представителей литературы английского Ренессанса. Родился в аристократической семье, получил блестящее образование, путешествовал по Франции, Германии и Италии, живо интересовался классической древностью, литературой европейского Возрождения, астрономией и геометрией, вел переписку с рядом видных ученых, при дворе королевы Елизаветы играл роль законодателя изящного вкуса. Свою недолгую жизнь окончил на поле битвы.

Современники высоко ценили его пасторальный роман «Аркадия». В «Защите поэзии» («An Apology for poetrie», напеч. в 1595 г.), отрывок из которой приводим ниже, он высказывает свои взгляды на поэзию и ее сущность. Огромное влияние на развитие английской лирики оказали его сонеты (сб. «Hecatopathia» и особенно «Astrophel and Stella» — собрание сонетов и песен, посвященных возлюбленной поэта). Именно Сидней утвердил господство сонета в английской поэзии елизаветинского периода. Однако Сидней уже не является таким безусловным последователем Петрарки, какими были Уайет и Серрей. В числе его учителей мы находим Ронсара и других французских поэтов «Плеяды». Он более свободно использует приемы и принципы петраркистов. И диапазон его лирических переживаний и представлений значительно более широк, чем у его предшественников. Как автору сонетов ему многим обязаны Э. Спенсер и В. Шекспир.

СОНЕТЫ

* * *

О, как безмолвно ты на небосвод
Восходишь, месяц,— грустный, бледноликий!
Ужель и там, на небе, Лучник дикий
Свой беспощадный промысел ведет?
Мой взгляд, столь опытный в любви, не жмет:
Ты всем влюбленным смертным друг великий;
Да ты и сам влюблен, тому уликой
Твой взор и твой мечтательный восход.
Скажи, собрат мой: так же ль там считают,
Что верен только тот, кто глуп совсем,
И так же ль там красавицы мечтают
О том, чтоб их любили, а меж тем
Влюбленных презирают? В горнем свете
Неблагодарность тоже добродетель?

О поцелуй, даришь ты щедро нам
Румяные плоды земного рая,
Ты задаешь веселый труд губам,
В сердца блаженство дивное вливая.
Тобой меж душ творится связь живая,
И с кем кого вязать, ты знаешь сам.
Пред миром всем хочу воспеть тебя я,
Воздать хвалу благим твоим дарам.
Но милая кладет запрет в смущенье:
Ей мнится, я снижаю вдохновенье.
Что ж делать мне? Я не могу молчать,
Я весь горю, и взрыв мой неминуем;
Один есть выход: если поцелуем
Мне на уста наложишь ты печать.

ОБМЕН

С любимым обменялись мы сердцами:
Он взял мое и дал свое взамен;
Не может лучшей сделки быть меж нами,
И нас обоих радует обмен.
С любимым обменялись мы сердцами.
И сердце милого во мне стучит,
Мое — его умом повелевает;
Мое — теперь ему принадлежит,
Его — теперь со мною пребывает.
С любимым обменялись мы сердцами.

ФИЛОМЕЛА

Апрель пробудит Филомелу зовом^а,
И соловьиный глас поет и тужит,
И слышит вся земля в наряде новом,
Как острый шип ей песенником служит.

И льется все звончее
Из трепетной гортани
Песнь скорби и страданий,
Вещая о насильнике Терее.

^а Царь Фракии Терей надругался над Филомелой, сестрой своей жены Прокны, дочерью афинского царя Пандиона. Сестры жестоко отомстили насильнику. Волей небес Филомела превратилась в соловья, Прокна — в ласточку, а Терей — в удода (О в и д и й, Метаморфозы, кн. VI).

Узнай, о Филомела, в утешенье:
Переносу я худшее лишение;
Твой мир цветет, мой вянет,
Твой шип снаружи, мой — мне сердце ранит.

Одна причина у нее для боли:
Изнемогла она, в плену слабея,
И хрупкой деве не достало воли
Противиться объятиям Теряя.

Увы! От злейших пыток
Я непрестанно стражду:
Вотще любви я жажду,
И горше недостаток, чем избыток.

Узнай, о Филомела, в утешенье:
Переносу я худшее лишение;
Твой мир цветет, мой вянет,
Твой шип снаружи, мой — мне сердце ранит.

ИЗ «ЗАЩИТЫ ПОЭЗИИ»

ЛИРИЧЕСКАЯ И ГЕРОИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

Разве менее всего пленяет нас та лирика, что настроенной лирой и благозвучным голосом воздаёт хвалу, награду за доблесть деяниям доблестным, что расточает приветственные поучения и решает загадки естества, что порою возносит свой голос до выси небес, славословя бессмертного бога?

Право же (сознаюсь в собственном варварстве), ни разу не внимал я старинной песне о Перси и Дугласе^а, чтобы сердце во мне не зыграло, как от трубного звука, а ведь поется она всего-навсего каким-нибудь слепцом-простолоудином, чей голос столь же груб, сколь слог неотделан. А ежели такова эта песнь, загрязненная пылью и паутиной тех неотесанных веков, то как бы подействовала она, будучи изукрашена пышным витийством Пиндара!

В Венгрии наблюдал я на пирах и прочих подобных сходбищах обычай прославлять в песнях доблести прадедов, что у сего воистину ратоборного народа считается наилучшим распалителем мужественного духа. Непревзойденные лакедемоняне не только шли с такого рода пением на поле брани, но и дома им тешились, и песни эти слагались так, что все охотно становилось певцами, ибо в них сильные мужи пели о том, что делают, старцы — о том, что делали, а юноши — о том, что собираются сделать. А ежели

^а Старинная шотландская народная баллада, повествующая о распре двух феодальных родов.

кто скажет, что Пиндар зачастую превозносит победы маловажные ^а, то на сие мы ответим: в том вина поэта, а не поэзии. И в самом деле, главный недостаток его времени в том заключался, что слишком высоко ценили такие забавы, и даже Филипп Македонский считал победу на олимпийском ристалище одним из трех высших блаженств. И все же (как сие не раз удавалось неподражаемому Пиндару) этот род поэзии весьма помогает и отменно спешествует пробуждению мыслей от праздной сонливости и обращает их к славным подвигам.

За сим следует поэзия героическая, самое название коей, по моему, должно смирить всех зоилов. Ибо каким ухищрением можно побудить язык опорочить ту поэзию, что преподносит нам таких витязей, как Ахилл, Кир, Эней, Турн, Тидей и Ринальдо? Она не только учит и приобщает нас какой-либо истине: нет, она заставляет великодушие и справедливость пронизывать лучами туманы трусости и мглу вожделий. И ежели справедливо изречение Платона и Туллия ^б, будто удостоившийся лицезреть добродетель будет чудодейственно восхищен любовью к ее красоте, то героический поэт наряжает ее, дабы она в праздничном своем убранстве предстала еще прекраснее перед очами всякого, кто соизволит воздержаться от презрения, пока не достигнет понимания. И когда что-либо говорилось в защиту сладчайшей поэзии, то все согласно отстаивали род героический, ибо это — не только один из видов, но наилучший и наисовершеннейший вид стихотворства. Ведь ежели картина любого деяния оживляет и воспитывает дух, то возвышенные образы людей столь доблестных воспаляют его сильнейшим желанием самому стать доблестным и наставляет советом, как стать доблестным. Носите запечатленным на таблицах своей памяти хотя бы образ Энея ^в, как вел он себя при гибели отечества, как спас престарелого отца и предметы богопочитания, как повиновался бессмертным, покидая Дидону, хотя не только нежная страсть, но даже общечеловеческое чувство благородной признательности, казалось, требовало от него иного; каким был он в буре, каким на игрищах, каким на войне, каким в мире, каким в бегстве, каким в час победы, каким при осаде города, каким сидя в осаде, каким для чужеземцев, каким для союзников, каким для врагов, каким для своих, каким, наконец, по внутреннему облику и каким во внешнем обхождении. И я полагаю, что всякий ум, не предубежденный нарочитым предубеждением, почтет его пример до чрезвычайности плодотворным и даже более того, как сказал Гораций:

Melius Chrysispp et Crantore ^г.

^а Древнегреческий поэт Пиндар воспевал победителей на «играх» (гимнастических состязаниях).

^б Туллий — Цицерон.

^в Эней — герой поэмы Вергилия «Энеида».

^г «Лучше, чем Хрисипп и даже Крантор» — «Послания», 1. 2. 4.

Но поистине мне кажется, что все наши поэтобойцы сильно напоминают тех кумушек, у коих всегда что-нибудь болит, но только неизвестно, в каком месте. Так и самое имя поэзии им ненавистно, но ни источник ее, ни действие, ни то общее, в чем она содержится, ни те частности, что из нее вытекают, не дают опоры для их придиричивой хулы.

ПОХВАЛА ПОЭЗИИ

Итак, поелику вечнодостохвальная поэзия преисполнена доблестеродной усладительности и не лишена ни одного из качеств, присущих высокому понятию учености; поелику хуления, на нее воздвигаемые, либо ложны, либо бессильны; поелику непочитание ее в Англии происходит по вине стихоплетствующих мартышек, а не стихотворцев; поелику, наконец, наш язык отменно к тому приспособлен дабы сделать честь поэзии и от поэзии честь воспринять,— то заклинаю вас всех, имевших несчастье прочесть эту мою чернилоизводительную безделку, заклинаю же именем всех девяти муз: не презирайте долее священных таинств поэзии, не смейтесь более при звуке имени поэтов, словно они — ближайшие наследники шутов, не издевайтесь более над почтенным званием рифмотворца, но вместе с Аристотелем верьте, что поэты были древнейшими хранителями эллинской святыни; верьте вместе с Бембо^а, что они были родоначальниками всяческого вежества, верьте вместе со Скалигером^б, что ни одно философское учение не наставит вас, как стать честным человеком, лучше и скорее, чем чтение Вергилия, верьте вместе с Клаузером, переводчиком Корнута^в, что высшее божество соизволило, при посредстве Гесиода и Гомера, под покровом баснословия ниспослать нам всяческое знание: логику, риторику, философию естественную и нравственную — et quid non^г. Верьте вместе со мною, что в поэзии сокрыты многие тайности, нарочито туманно написанные, дабы их во зло не употребили умы непосвященные. Верьте вместе с Лонгином^д, что поэты суть любимцы богов и что все, ими сочиняемое, проистекает от боговдохновенного умоиступления. Верьте, наконец, им самим, когда они обещают обессмертить вас в своих стихах.

Тогда-то расцветет имя ваше на прилавках книгопродавцев, тогда-то породнитесь вы не с одним поэтическим предисловием, тогда-то станете вы прекраснейшими, богатейшими, мудрейшими и, вообще... ейшими — словом, возьяжете на превосходной сте-

^а Бембо — см. Хрестоматию, т. I, стр. 131.

^б Скалигер (1484—1558) — филолог, автор «Поэтики» (1561), пользовавшийся большим авторитетом в литературных кругах XVI в.

^в Корнут — стоический философ, поэт и ученый I в. н. э.

^г И еще бесконечно многое.

^д Лонгин — неоплатонический философ, ритор и грамматик из Афин (ок. 220—273 гг. н. э.). Ему приписывали анонимный трактат «О возвышенном», оказавший значительное влияние на развитие европейской эстетической мысли.

пени всех прилагательных. Тогда-то, будучи *libertino patre natus*^а, внезапно превратитесь в *Herculea proles*^б.

Si quid mea carmina possunt^в.

Тогда-то душа ваша будет помещена рядом с Дантовой Беатриче или Вергилиевым Анхизом.

Но ежели (да будет проклято такое «но»!) вы родились столь близко от притупляющего ум Нильского водопада, что неспособны внимать планетарной музыке поэзии; ежели ум ваш так низко пресмыкается по земле, что не в силах воспарить и заглянуть в небо поэзии, или вернее, ежели вы, в силу некоей неблаговоспитанной брезгливости, превратитесь в столь презренного мима, что захотите разыгрывать роль Мома^г, высмеивающего поэзию, — тогда я (хоть и не пожелаю вам ни отрастить ослиные уши Мидаса, ни, подобно Бубонаксу, быть доведенным стихами поэта до самоповешения, ни быть зарифмованным до смерти, как говорят, делается в Ирландии), но от имени всех поэтов поражу вас таким проклятием, чтобы всю жизнь свою вы прожили влюбленными и не добились взаимности из-за неумения сложить сонет и чтобы по смерти память о вас исчезла с лица земли из-за отсутствия эпитафии.

^а Дети вольноотпущенника.

^б Гераклово семя.

^в Если песни мои в силах что-либо сделать.

^г *Мом* — в греческой мифологии бог насмешки и порицания.

ШЕКСПИР

Вильям Шекспир (William Shakespeare, 1564—1616) — великий английский писатель. Родился в г. Стратфорде, где отец его занимался ремеслом и торговлей. Учился в местной классической школе, некоторое время помогал отцу в его занятиях. Около 1585 г. он переселился в Лондон, где в качестве актера вступил в знаменитую труппу Бербеджа. Вскоре он начал писать для театра, став постоянным «автором» труппы, на обязанности которого лежало не только создание новых, но и подновление старых пьес. В 1599 г., когда был основан театр «Глобус», он был принят в число пайщиков театрального предприятия. В столице Шекспир сблизился с группой молодых аристократов, увлекавшихся театром (фаворит королевы Елизаветы граф Эссекс, граф Соутгемптон, граф Рэтленд и др.). В 1599 г. он получил дворянский герб. Около 1612 г. он покинул Лондон, отошел от театра, поселился в своем родном городке, где и умер.

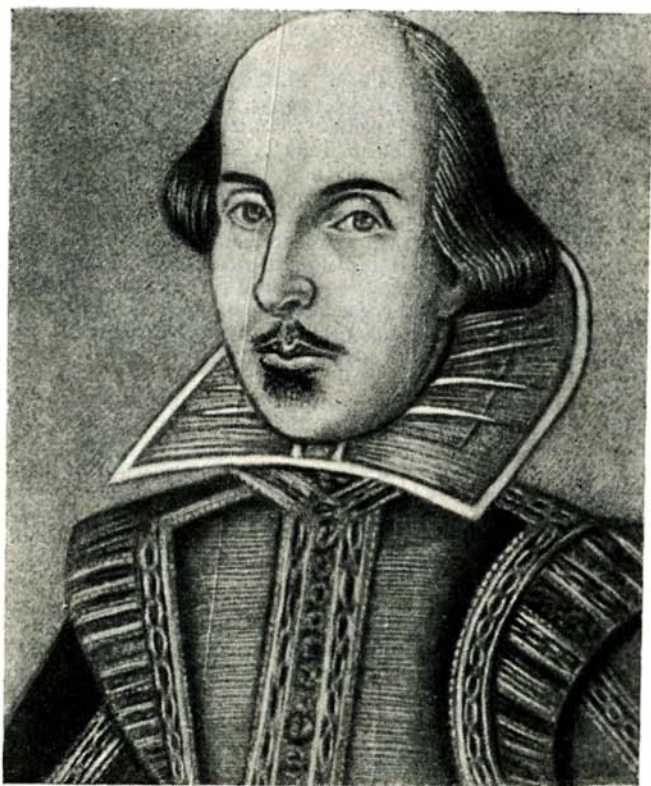
Творчество Шекспира можно условно разбить на три основных периода. К раннему периоду, помимо пьес, относятся поэмы «Венера и Адонис» (изд. в 1593 г.) и «Лукреция» (изд. в 1594 г.), обе на популярные в ренессансной литературе античные сюжеты, а также сборник сонетов (изд. в 1609 г.). Пьесы располагаются в следующем хронологическом порядке. Исторические хроники: «Генрих VI» (1590—1591), состоящий из трех частей, «Ричард III» (1592), «Ричард II» (1595), «Король Джон» (1596), две части «Генриха IV» (1597) и «Генрих V» (1598); комедии: «Комедия ошибок» (1592), «Укрощение строптивой» (1593), «Два веронца» (1594), «Бесплодные усилия любви» (1594), «Сон в Иванову ночь» (1595), «Венецианский купец» (1596), «Виндзорские кумушки» (1597), «Много шума из ничего» (1598), «Как вам это понравится» (1599), «Двенадцатая ночь» (1600) и трагедии: «Тит Андроник» (1593), «Ромео и Джульетта» (1594) и «Юлий Цезарь» (1599). Второй период характеризуется явственным преобладанием трагедий: «Гамлет» (1601), «Отелло» (1604), «Король Лир» и «Макбет» (1605), «Антоний и Клеопатра» (1606), «Кориолан» и «Тимон Афинский» (1607). Из комедий в этот период возникли: «Троил и Кресида» (1602), «Все хорошо, что хорошо кончается» (1602), «Мера за меру» (1604) и «Перикл» (1608); впрочем, принадлежность Шекспиру последней пьесы крайне сомнительна. И наконец, третий, заключительный период. К нему относятся пьесы: «Цимбелин» (1609), «Зимняя сказка» (1610), «Буря» (1612) и «Генрих VIII» (1612), принадлежащий Шекспиру лишь частично.

Современники ценили Шекспира не только как драматурга, но и как замечательного поэта-лирика. Его сонеты вызывали восхищение знатоков. Первое печатное известие о них относится к концу XVI в. Первое полное собрание их было опубликовано лишь в 1609 г. Всего Шекспиром написано 154 сонета. Содержащиеся в сонетах намеки на обстоятельства интимной жизни поэта до сих пор историками литературы не разгаданы.

На русском языке: многочисленные издания произведений Шекспира.

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES
COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies

LONDON
Printed by Ifaac Iaggard, and Ed. Blount. 1611.

СОНЕТЫ

44

Когда бы мыслью плоть моя была,
Тогда б разлука не была тяжка:
Мысль расстоянье бы превозмогла
И принеслась к тебе издалека.
Ведь, где бы я ни оставлял мой след,
Как далеко мне от тебя ни быть,
В воде, в земле препон для мысли нет —
Лишь стоит место ей вообразить.
Но мысль, что я не мысль, меня убьет.
Ах, не сумею я тебя догнать,
И, сотворенный из земли и вод,
Могу я только плакать и стонать.

Мне от медлительных стихий пришлось
Один лишь дар принять — дар тяжких слез.

55

И мрамор, и надгробья королей
Злаченные переживет сей стих.
Поверь, ты воссияешь в нем сильней,
Чем в камне, черном от столетий злых.
Когда низвергнет статуи война,
Мятеж — творенья зодчества сметет,
Ни Марса меч и ни огня волна
В моих строках твой облик не сотрет.
Наперекор и смерти, и врагам
Жизнь вечная твоя — в моей хвале;
Твои черты отрадны всем векам,
Навеки будут явлены Земле:

Они, пока не снидет Страшный Суд,
В стихах и в любящих сердцах живут.

66

9

Я смерть зову, глядеть не в силах боле,
Как гибнет в нищете достойный муж,
А негодяй живет в красе и холе;
Как топчется доверье чистых душ,
Как целомудрию грозят позором,
Как почести мерзавцам воздают,
Как сила никнет перед наглым взором,
Как всюду в жизни торжествует плут,
Как над искусством произвол глумится,
Как правит недомыслие умом,

Как в лапах Зла мучительно томится
Все то, что называем мы Добром.
Когда б не ты, любовь моя, давно бы
Искал я отдыха под сенью гроба.

106

Найдя в деписанье лет былых
Перечисленье и хвалу красам,
Что возглашает старомодный стих
В честь милых рыцарей и мертвых дам,
В строках, старинным писанным пером,
Я зрю восторг пред чудом красоты —
Устами, взором, поступью, челом —
Всем, чем владеешь в наше время ты.
Та похвала подобна ворожке,
Которой о тебе сказать хотят,
Но неумела песня о тебе:
Слепой догадкой был провидца взгляд;
А разве мы достойней? Ведь у нас
Речь скована, хотя и зорек глаз.

130

Взор госпожи моей — не солнце, нет,
И на кораллы не походят губы;
Ее груди не белоснежен цвет;
А волосы, как проволока, грубы.
Я видел много белых, алых роз,
Но их не вижу на ее ланитах,
И не сравнится запах черных кос
С усладой благовоний знаменитых;
Мне речь ее мила, но знаю я,
Что музыка богаче благостыней;
Когда ступает госпожа моя,
Мне ясно: то походка не богини;
И все же, что бы ни сравнил я с ней,
Всего на свете мне она милей.

132

Люблю твои глаза за то, что в них
Участье вижу я к моим страданьям;
Они как будто из-за мук моих
Не расстаются с черным одеяньем.
Не лучше солнца юного лучи
Востока красят серые ланиты,
Не лучше красит небеса в ночи
Луна, плывущая со звездной свитой.
Чем эта пара скорбных глаз твой лик.

О, если б жар такого же участия
И в сердце черствое твое проник
И овладел бы каждой тела частью!
Тогда сказал бы я: нет красоты
В тех женщинах, что не черны, как ты

133

Проклятье той, что все мгновенья дня
Жестоко мне и другу отравила.
Ей мало мучить одного меня, —
В раба она и друга превратила.
Из-за тебя сперва утратил я
Себя, потом того, кто всех мне ближе,
И, наконец, тебя. Ах, жизнь моя
Не трижды ли несчастна, посуди же!
Замкни меня в своей стальной груди,
Но сердце друга дай мне скрыть в темнице
Груди моей, хоть сам я взаперти:
Тогда ты перестанешь так яриться.
Но нет! Принадлежу тебе я весь,
И все твое, что у меня лишь есть.

137

Слепой Амур, что сделал ты со мной?
Не вижу я того, что вижу ясно.
Я разбираюсь в красоте людской,
Но восхищаюсь тем, что не прекрасно.
Пусть мой ослабленный пристрастьем взор
Прибила буря в гавань наважденья,
Зачем ты сделал из него багор,
Влекущий сердце к ложному суждению?
Зачем незаурядным сердце мнит
Созданье, столь обычное для света?
Зачем глаза мои красой манит
Лицо непривлекательное это?
Опутала глаза и сердце ложь,
И к правде путь теперь уж не найдешь.

139

Могу ли оправдать тебя я в том,
Что ты терзаешь сердце мне всечасно?
Не тронь глазами, — лучше языком
Убей меня; не истязай напрасно.
Скажи, что мил тебе другой, но глаз
Ты от меня, когда иду я мимо,
Не отвращай жестоко всякий раз:

Такая пытка мне невыносима.
Но, может быть, ты поступаешь так,
Исполненная помысла благого?
Быть может, зная, что твой взор мне враг,
Его ты направляешь на другого?
Не надо. Посмотри, я еле жив;
Избавь меня от мук, меня добив.

141

Тебя любить внушает мне не взор,
Изъянов видит он в тебе не мало;
Но сердце, зрению наперекор,
К тебе давно любовью воспыало.
Мне слух твоя не услаждает речь,
Не будит кожа жажду осязанья,
Ничем, ничем не можешь ты увлечь
Ни вкуса моего, ни обонянья;
Но все пять чувств моих разубедить
Не могут сердце глупое, в котором
Горит желание тебе служить,
В глазах людей покрыв меня позором.
И все ж на пользу мне беда моя:
За тяжкий грех страдаю тяжко я.

143

Как домовитая хозяйка, с рук
Спустив дитя, в погоню за пернатой
Питомицей бросается, что вдруг,
Взметнувшись и крича, бежит куда-то;
Ребенок плачет, к матери своей
Протягивая жалобно ручонки,
А та спешит за мчащейся пред ней
Беглянкою, забывши о ребенке, —
Так ты за некой гонишься мечтой,
Меня, свое дитя, оставив сзади.
Вернись ко мне и будь нежна со мной,
Как мать, что о своем печется чаде.
Свою мечту скорей, скорей схвати ж
И, возвратясь, мой горький плач утишь.

147

Моя любовь — уродливый недуг,
Не помышляющий об исцеленье,
Питаемый ключом несчетных мук —
Болезненным стремленьем к угожденью.

Мой разум, врач моей любви, сердясь,
Что предписания его забыты,
Меня покинул, и я вижу: страсть
Подобна смерти, никогда не сытой.
Без разума я обречен на бред,
Безумная тревога сердце гложет,
В моих словах и мыслях связи нет,
И правду высказать язык не может.
 Была ты так чиста, светла на взгляд,—
 А ты темна, как ночь, мрачна, как ад.

С эстетическими взглядами Шекспира знакомят нас отдельные места его пьес. Так, в комедии «Бесплодные усилия любви» (1594) Шекспир осмеивает далекий от жизни крохоборческий педантизм латинистов, а также увлечение модным в то время вычурным литературным стилем, так называемым эвфуизмом (от названия романа Джона Лили «Эвфуэс», 1579—1580), имевшим ярко выраженный аристократический характер. Пародией на эвфуизм с его прециозной риторикой, блестящими классической эрудиции, обилием метафор, сравнений и т. п. является приводимое ниже любовное письмо «великолепного» дон Адриано де Армадо, который, по словам одного из персонажей комедии, «говорит не так, как все прочие люди» (V, 2). Дон Адриано влюблен в крестьянскую девушку. К ней он и обращает свое высокопарное письмо, которое ей, разумеется, не может быть понятным.

В трагедии «Гамлет» (1601) Шекспир вкладывает в уста датскому принцу свои мысли о театре. Предостерегая актеров от погони за чисто внешними эффектами, Гамлет ратует за правду жизни, без которой, по его мнению, не может быть подлинного искусства.

ИЗ КОМЕДИИ «БЕСПЛОДНЫЕ УСИЛИЯ ЛЮБИ»

ПИСЬМО ДОН АДРИАНО ДЕ АРМАДО

«Клянусь небесами, несомненно, что ты прекрасна; истина, что ты красива; чистейшая истина, что ты привлекательна. Ты, что прекраснее самой прекрасности, красивее красоты, истинней самой истины, жгалься над твоим героическим вассалом! Великодушный и преславный король Кофетуа обратил свои взоры на пагубную и несомненную нищенку Зенелюфон. И он имел полное основание сказать: *veni, vidi, vici*, что в передаче на язык черни — о, низкий и темный язык! — означает *videlicet*^a: пришел, увидел, победил. Пришел — раз, увидел — два, победил — три. Кто пришел? Король. Зачем пришел? Чтобы увидеть. Для чего он увидел? Чтобы победить. К кому он пришел? К нищенке. Кого увидел? Нищенку. Кого победил? Нищенку. В результате — победа. На чьей стороне? На стороне короля. Добыча обогатилась. С чьей стороны? Со стороны нищенки. Катастрофа заключается в браке. С чьей стороны? Со стороны короля. Нет, со стороны обоих в одном или со стороны одного в обоих. Я — король: на это указывает срав-

^a Следовательно, то есть (лат.).

нение. Ты — нищенка: об этом свидетельствует твое низкое происхождение. Прикажу ли я тебе любить? Имел бы возможность. Употреблю ли насилие для этого? Мог бы. Буду ли умолять о любви? Намерен. Что ты получишь в обмен на лохмотья? Наряды. В обмен на убожество? Блеск. В обмен на себя? Меня. В ожидании твоего ответа я оскверню свои губы твоими ногами, свое зрение — твоим изображением, сердце — всеми частями твоего тела.

Твой с нежнейшей готовностью к служению дон Адриано де Армадо».

(Акт IV, сцена 1.)

ИЗ ТРАГЕДИИ «ГАМЛЕТ»

Зал в замке.

Входят Гамлет и несколько актеров.

Гамлет

Говорите, пожалуйста, роль, как я показывал: легко и без запинки. Если же вы собираетесь ее горланить, как большинство из вас, лучше было бы отдать ее городскому глашатаю. Кроме того, не пилите воздуха этак вот руками, но всем пользуйтесь в меру. Даже в потоке, буре и, скажем, урагане страсти учитесь сдержанности, которая придает всему стройность. Как не возмущаться, когда здоровенный детина в саженном парике рвет перед вами страсть в куски и клочья, к восторгу стоячих мест, где ни о чем, кроме немых пантомим и простого шума, не желают слышать. Я бы отдал высечь такого молодчика за одну мысль переизродить Ирода. Это уж какое-то сверхсатанинство. Избегайте этого.

Первый актер

Будьте покойны, ваша светлость.

Гамлет

Однако и без лишней скованности, но во всем слушайтесь внутреннего голоса. Двигайтесь в согласии с диалогом, говорите, следуя движениям, с тою только оговоркой, чтобы это не выходило из границ естественности. Каждое нарушение меры отступает от назначения театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ее истинное лицо и ее истинное — низости, и каждому возрасту истории его неприкрашенный облик. Если тут перестараться или недоусердствовать, непосвященные будут смеяться, но знаток опечалится, а суд последнего, с вашего позволения, должен для вас перевешивать целый театр, полный первых. Мне попадались актеры, и среди них прославленные, и даже до небес, которые, не

во гнев им будь сказано, голосом и манерами не были похожи ни на крещеных, ни на нехристей, ни на кого бы то ни было на свете. Они так двигались и завывали, что брало удивление, какой же это поденщик природы смастерил людей, и притом так неважно, до того чудовищным изображали они человечество.

Первый актер

Надеюсь, у себя, принц, мы как могли это устранили.

Гамлет

Устраните совершенно. А играющим дураков запретите говорить больше, чем для них написано. Некоторые доходят до того, что хохочут сами, для увеселенья худшей части публики, в какой-нибудь момент, существенный для хода пьесы. Это недопустимо и показывает, какое дешевое самолюбье у таких шутников. Подите приготовьтесь.

(Акт III, сцена 1)

РАЛЕЙ

Уолтер Ралей (Walter Raleigh, 1552—1618) — поэт и государственный деятель, один из ярких представителей ренессансной Англии. Отважный мореплаватель и храбрый воин, овеянный духом авантюризма, он основал первую английскую колонию в Америке (Виргиния), участвовал в смелом нападении англичан на Кадикс (Испания) и в битве английского флота с «непобедимой Армадой». Отличался вольномыслием в вопросах религии (трактаты «Душа» и «Скептик»), которое поколебалось лишь к концу его жизни. Возглавлял кружок вольнодумцев, среди которых мы находим ряд видных ученых, просвещенных аристократов и писателей, в том числе драматургов Дж. Чапмена и К. Марло. Королева Елизавета благоволила к нему. Яков I бросил его в Тауэр, где Ралей провел 12 лет. В 1618 г., после возвращения Ралея из неудачной экспедиции в Америку, он был казнен по приказу короля. Творческое наследие Ралея невелико. Наибольший интерес представляют его стихотворения (в частности, знаменитое стихотворение «Напутствие душе»), обнаруживающие в авторе незаурядное поэтическое дарование, остроту мысли и творческий темперамент.

СОНЕТ

К «КОРОЛЕВЕ ФЕЙ» СПЕНСЕРА

Виденье было мне: я — в храме Славы,
Лаурина^а гробница предо мной,
И с двух сторон склонились величаво
Любовь и Добродетель над плитой.
Вдруг из-под свода свет блеснул мне яркий,
И я увидел королеву фей;
И горестно заплакал дух Петрарки;
Благие стражи устремились к ней,
А на гробницу возлегло Забвенье.
Тут камни кровью обагрили храм,
И не одной, в нем погребенной, нею
Был брошен вопль к высоким небесам,
Где дух Гомера, скорбно негодуя,
Клял похитительницу неземную.

^а Лаура — героиня лирики Петрарки.

НАПУТСТВИЕ ДУШЕ

Шлю душу, гостью тела,
В неблагодарный путь:
Иди по свету смело,
Всегда правдива будь.
Умру я. Мне служи:
Мир обличи во лжи.

Скажи, что двор сияет—
Свечением гнилым;
Что церковь прославляет
Добро, а служит злым;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи, что потентаты,
Владельцы страны,
Любимы ради платы,
Чужим трудом сильны;
А крикнут: «Докажи!» —
Их обличи во лжи.

Скажи, что господа,
Кто правят государством,
Одним берут всегда:
Тщеславьем и коварством;
А крикнут: «Докажи!» —
Их обличи во лжи.

Скажи разгульным мотам,
Что им не след кичиться:
Хвалы своим щедротам
Хотят они добиться;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи: закон — глумленье,
А послушанье — страх,
А время — лишь движенье,
И плоть — всего лишь прах;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи, что честь забвенна,
Что дружба быстротечна,
Что красота мгновенна,

Что страсть недолговечна;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи, что медицине
Уменья не хватило;
Скажи, что мудрость ныне
Совсем перемудрила;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи, что мзде послушно
Двуличное усердье;
Скажи, что равнодушно
К страданиям милосердье;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи, что счастье слепо,
Что нет в природе сил,
Что искренность нелепа,
Что ум позорно хил;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи: парадны школы,
Но в них науки ложны;
Скажи: деревни голы,
А города безбожны;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Скажи, что разноречье
Нейдет искусству впрок,
Что сердце человешье
Давно пленил порок;
А крикнут: «Докажи!»—
Их обличи во лжи.

Когда ж в конце концов
Все скажешь без боязни —
Хоть смысл подобных слов
Заслуживает казни —
Пусть каждый точит нож,
Но душу не убьешь!

РОМАН АНГЛИЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ЛИЛИ

Джон Лили (John Lyly, 1553 или 1554—1606) — драматург и романист, один из предшественников Шекспира. Принадлежал к группе так называемых «университетских» (т. е. гуманистически образованных) писателей. В качестве драматурга писал преимущественно для придворной сцены мифологические пасторали («Женщина на луне», «Эндимион», 1591). Значительный успех имела его комедия «Александр и Кампаспа» (1584). Он первый ввел в свои пьесы прозаический диалог взамен стихотворного, а также положил начало комической интриге, параллельной главному действию, — прием, широко развитый впоследствии Шекспиром. Однако слава Лили зиждилась главным образом на его романе «Эвфуэс, или Анатомия остроумия» («Euphues, the Anatomy of Wit», 1579—1580), оказавшем очень большое влияние на английскую литературу XVI в. и имевшем огромный успех в придворных кругах. Современников привлекал в романе манерный, изысканный слог, получивший наименование «эвфуизма». Автор обильно уснащает роман всевозможными риторическими фигурами, прециозными метафорами, сравнениями и антитезами, прихотливой игрой слов и аллитерациями, всемерно стремясь поразить читателя своими обширными познаниями в области античной мифологии, истории, искусства и т. п. Содержанием романа является история молодого афинянина Эвфуэса, путешествующего по Италии и Англии. В Неаполе он ведет разгульную жизнь, влюбляется в легкомысленную Луциллу, которую оставляет, когда ее ветреность становится для него очевидной. Пребывание Эвфуэса в Англии дает автору повод к описанию страны, нравов и придворной жизни. Друг Эвфуэса, Филавт, влюбляется здесь в добродетельную Камиллу, сочетается с ней узами брака и остается навсегда в Англии, в то время как Эвфуэс возвращается в родные Афины. В романе мало действия, зато большое внимание уделено переживаниям героев, их сердечным излияниям, речам, переписке, рассказам различных персонажей, в которых Лили проявляет всю свою прециозную виртуозность. «Эвфуэс» оказал значительное влияние на развитие европейского галантно-психологического романа XVII в.

ИЗ «ЭВФУЭСА»

ПОСТОЯНСТВО В ЛЮБВИ

Когда прибыла моя дама и узрела меня за месяц столь изменившимся, до самых костей отошавшим, более на призрак похожим, нежели на живое создание, то после многих речей утешительных (в кои женщины никогда не откажут больному) она, улучив

удобный миг разговора, спросила, от меня ли послом приходил итальянец, и ежели от меня, то правдивы ли его вести, на какой вопрос я отвечал так:

«Госпожа! Притворство в сем мире (в час расставания с оным) не принесет мне пользы перед людьми и много повредит перед богом; претворение смертного ложа в обитель обмана может и кончину мою ускорить и опасность для души моей приумножить.

Я любил вас долго и вот, наконец, вынужден разлучиться с вами, чье жестокосердие не припишу я недостатку вежества, но одному токмо злосчастию. С меня же довольно того, что умираю в верности, хоть и не мог жить в милости, и не сильнее жажду я начала своей любви, чем ныне жажду конца своей жизни. То, что изменить невозможно, надлежит сносить, а не поносить; безумства прошлого легче вспоминаются, чем исправляются, а потерянное можно оплакать, но не вернуть. Мук, мною выстраданных, описывать не стану, — сдается мне, что вид мой достаточно о них повествует, — мне же сейчас более приличествует молиться о новой жизни, нежели вспоминать о прежней. Одно только добавлю (что хоть и недостойно благодати спасения, но заслуживает благодарности друга): любил я только тебя, жил для тебя и ныне умираю из-за тебя».

И с сими словами, на левый бок повернувшись, испустил я глубокое вздыхание.

Иффида же с очами увлажненными, руку мою в своей сжимая, так ответствовала с печальным видом:

«Добрый мой Фидус! Ежели умножение моих горестей может смягчить остроту твоих страданий, то рада была бы я в слезах растопиться, лишь бы тебя избавить от сих терзаний. Но даже свежая рана на теле моем бессильна была бы исцелить гнойную язву, в тебя внедрившуюся; ибо такие недуги под конец излечиваются своими же причинами. И, как от базилика скорпион зарождается и силою той же травы умерщвляется, так и любовь, временем и воображением взлелеянная в досужем уме, временем же и воображением изгоняется из сердца. Или как саламандра, долгий срок в огне вскармливаемая, под конец тот огонь угашает, так и сердечная страсть, угнездившаяся в воображении и длительно обитающая в уме влюбленного, с течением времени изменяет и преобразует жар свой, претворив его в холод.

Не малое для меня огорчение, о Фидус, что считаюсь я причиною твоего недуга, а сама не могу быть от этой болезни лекарством. А потому я открою тебе больше, чем благоразумие мне разрешает и чем стыдливость моя дозволяет, но ровно столько, чтоб отвести от меня обвинение в неблагоприятности по отношению к тебе, а в тебе уничтожить подозрение против меня.

Случилось так, о ты, мой Фидус и добрый мой друг, что года два тому назад жил при дворе некий благородный человек, тебе неизвестный, а чаятельно, и не весьма ненавистный, чьего имени

Скрывать я не стану, дабы ты не подумал, будто я все сие измыслила или же он недостоин быть названным. Итак, дворянин сей именовался Тирсом и всеми достоинствами столь был изукрашен, что, не будь он влюблен в меня, я бы сама первая в него влюбилась.

Но его поспешность опередила мою горячность, и начал он жаждать того, что я сама готова была ему поднести; мне же хотелось, чтобы сладкие его речи оказались правдивыми, но поначалу не смела я им поверить. Ибо в делах любовных есть у мужчин столько же обманных уловок, сколько слов на языке. Я притворилась неприступной, будто и к подобным домогательствам непривычна и такого поклонника при себе держать не намерена, однако же так вяло оборонялась, что, как бы отстраняя его одним мизинцем, всею рукою к себе привлекала.

Ибо я пребывала в великом колебании, не зная, как мне себя вести: чрезмерную застенчивость он может почесть гордостью, а излишнюю предупредительность, пожалуй, назовет легкомыслием. Итак, долгое время держала я его в неизвестности, полагая таким путем либо прочно испытать его верность, либо полностью удостовериться в его лукавстве. Так препровождала я жизнь свою без малого год, пока от частых свиданий и многообразных беседований не почувствовала я себя столь тяжело раненной, что хоть не чаяла для себя блаженного рая, но поистине жила, как в аду, пока не оправдались мои надежды.

Ибо подобно тому, как черное дерево зажжено быть не может, однако же горит и сладостное расточает курение, так и душа моя, хоть и не могла воспламениться (потому что почитала я себя благоразумной), все же почти в пепел истлела от любезных приятств и сладких мечтаний, так что приключилось со мною, как с оными деревьями, пораженными молнией, у коих кора не тронута, но вся сердцевина сокрушена, ибо по внешности казалась я невреждимой, но, заглянув в душу, находила оную не без ранений.

Тогда заметила я, что уже настала пора прибегнуть к тому врачу, что всегда под рукою, и решила при ближайшем свидании заключить такой верный и несокрушимый сердечный союз, коего ни длительность времени, ни дальность расстояния, ни угрозы родни, ни превратности фортуны, ни даже страх смерти не нарушат и не умалят, — что подлинно тогда же было скреплено и до сей поры свято соблюдается.

Тирс, как тебе известно, с той поры все время пребывает за морем, но память о его верности составляет единственное утешение моей жизни. И ничем я столько не услаждаюсь, как постоянством доброго моего Тирса.

И вот, Фидус, я в сем случае взываю к твоему благородству; да будет оно судьей над моею честью. Хотел ли бы ты видеть меня изменившей старому другу и преданной новому? Или тебе неведомо, что подобно тому, как миндальное дерево в старости

больше плодов приносит, так и любовь становится тем вернее, чем она старше. Так же с любовью бывает, как с виноградником, ибо от молодых лоз вино обильнее, а от старых — лучше; также и первая нежная любовь пышнее щеголяет цветами, но любовь испытанная сладчайший сок источает.

А теперь еще добавлю (но не для того, чтобы придать смелости твоим домогательствам), что в твоём обществе было мне приятнее, чем в чьем-либо ином (за изъятием одного моего Тирса), отчего я нередко то вопросами побуждала тебя к разговору, то размовками распаяла твою запальчивость, ибо замечала в тебе разум, отвечавший моим желаниям, каковой намерена я была еще тщательней изощрить в искусной беседе. Но будь ты по внешности Александром, а мой Тирс Терситом, будь ты Улиссом, а он Мидасом, ты Крезом, он Кодром, — я не покинула бы его ради тебя. Нет! — если бы даже могла тем продлить твою жизнь или спасти свою; ибо столь прочные корни пустила в моем сердце верная любовь, что, чем крепче разрывают, тем глубже она врастает, чем чаще обрезают, тем меньше она кровоточит, чем больше дает она плодов, тем свободнее несет их тяжесть.

Что на сем брэнном свете больше заслуживает женской похвалы, нежели постоянство влюбленного? Не ум его я ценю, хоть он и блестящ; не род его, хоть он и знатен, не благовоспитанность, хоть неизменно вежлив он в обхождении, — нет, только его постоянство и свою верность, которых ни один тиран, ни самая смерть не сломят вовеки. Ибо никто никогда не скажет, что Иффида изменила Тирсу, если даже Тирс (чего не попусти, боже!) покинет Иффиду.

Ибо подобно тому, как Амулий, хитроумный живописец, так изобразил Минерву, что, с какой стороны на нее ни взгляни, она всегда смотрела прямо на зрителя, — так и Купидон с таким совершенством начертал в сердце моем образ Тирса, что, куда я ни погляжу, все кажется, будто Тирс не спускает с меня пристального взора. И даже, видя, как люди любят мою красотой (хотя, бог свидетель, в ней нет ничего выдающегося), я нередко желала обладать взглядом Августа Цезаря, дабы ослеплять их острыми и жгучими лучами своих очей.

Такую мощь сообщили моей любви время и привычка, что ежели бы умер Тирс, то я хотела бы быть вместе с ним погребенной в подражание тому орлу, возвращенному девою Сестой, который, узрев останки девы на погребальном костре, бросился в огонь и вместе с нею сгорел, или подобно тем Гиппократовым близнецам, что родились вместе, смеялись вместе, плакали вместе и умерли вместе.

Ибо, как Александр свое изображение никому не доверил вырезать на драгоценном камне, кроме одного Перготала, так и я хотела бы, чтобы никто, кроме Тирса, не запечатлел моего образа в своем сердце.

Прими в рассуждение, Фидус, что прекрасная женщина без постоянства уподобляется пышнозеленому дереву без плодов и напоминает изваяние Флоры, созданное Праксителем^а: если стать прямо против статуи, то она казалась плачущей, если стать слева — то смеющейся, а справа — спящей; этим он хотел показать непостоянство ее повадок, единым оттенком не передаваемое.

И все же из-за великого твоего ко мне благорасположения я не могу отринуть твоей службы, хоть я не допущу до себя твоей любви. Но ежели моя родня или я сама, или богатства мои, или добрая моя воля могут тебе заменить любовь, то все это — к твоим услугам. Или ежели постоянное пребывание в моем обществе может сколько-нибудь удовлетворить твои желания, то я готова ухаживать за тобою столь же преданно, как твоя сиделка, и буду заботливее твоего врача. Больше этого я, без нарушения своей верности, обещать не могу; больше этого ты, не прослывши безумцем, не можешь требовать.

Прими же от меня, Фидус, сей алмаз, коему старухи, как я слышала, приписывают великую силу против праздных мыслей, суетных мечтаний и безумных фантазий, и ежели он не принесет тебе пользы, то, будь уверен, и вреда не причинит, мне же представляется он более действительным в борьбе с околдованным воображением, нежели Гомерово моли^б или Плинийев кентаврион».

Когда моя дама закончила сию необыкновенную речь, я был поражен изумлением и в течение почти получаса лежал, как бы оцепенев, с глазами в орбитах неподвижными, с лицом обескровленным, с устами бездыханными, так что Иффида громкими возгласами принялась звать людей, которые и привели меня в чувство, после чего я слабым и заплетающимся языком произнес нижеследующие слова:

«О госпожа! Я не в силах ни выговорить столько слов, сколько бы мне хотелось (ибо, как видите, я очень слаб), ни воздать вам столько благодарений, сколько бы следовало, ибо вы заслужили их несметное множество. Ежели Тирс посадил лозу, то не мне собирать гроздья, и незаконно было бы мне там пожинать с наслаждением, где он сеял с мучением. С меня сего довольно, и немалая мне в том отрада, что вы столь постоянны, а он столь счастлив. И все же, добрая госпожа моя, даруйте мне небольшую милость, ни в чем не предосудительную для неизменной любви вашей, а посему без сомнения законную, а именно, дозвоьте мне за время моей болезни наслаждаться вашим обществом, а в случае исцеления примите меня в качестве служащего рыцаря: первое ускорит мое выздоровление, а второе продлит мой век».

^а Флора — богиня цветов и весны. Пракситель — гениальный греческий ваятель IV в. до н. э.

^б Моли — чудодейственный цветок («Одиссея», X, 305).

Она любезно согласилась на то и другое и так заботливо ухаживала за мною во время болезни, что от ее веселых шуток и хорошего питания стал я поправляться и вскоре уже прогуливался на галерее, примыкавшей к самой моей горнице, а она не брезгала меня водить и все время обходилась со мною, словно бы я был Тирсом.

Каждый вечер она, бывало, предлагала к разрешению какую-нибудь изящную контроверсу^a или другой веселой игрой ума выводила меня из меланхолии. Суп я ел только ее варения, мясо — только ее изготовления, сон смежал мои очи только под ее пение, поелику была она мне и сиделкой, и поваром, и лекарем. Так-то будучи ею в течение месяца ублажаем, стал я вновь сильным и здоровым, точно вовек не хворал.

А теперь, Филавт, рассуди нелицеприятно, что в этой даме более примечательно: постоянство ли в любви к Тирсу или любезность в отношении меня?

Филавт ответил: «Воистину, Фидус, по моему разумению, не менее надлежит восхвалить ее за нерушимую верность, нежели прославить за оказанные тебе благодеяния, каковым добрым обхождением превесьма отличается она от наших итальянских дам, которые, ежели уж верны одному, то презирают всех прочих, проявляющих к ним любовь. Однако же я жажду услышать конец, ибо сдается мне, что дело, начатое с такой горячностью, не должно завершиться горькой холодностью».

Филавт! окончание было кратко и плачевно, но, каково бы оно ни было, ты его услышишь. Не малое время прохладившись в деревне, возвратилась она ко двору, и я поехал туда же и жил там (подобно слону, питающемуся воздухом) единым лицезрением своей дамы, она же всегда пользовалась мною в самых потайных делах, как наиндежнейшим своим наперсником. Но радости мои слишком были сладки, чтоб продолжаться вечно, — и вот, в самый расцвет моего благополучия, дошла до Иффида весть, что Тирс, сражаясь под знаменами испанского короля, убит турками в кровавой сече, в коей многие благородные люди простились с жизнью.

Иффида помутилась в рассудке и от этих вестей впала в некое умоисступление, причем из уст ее исходило только: «Тирс убит, Тирс убит»... каковые слова повторяла она со столь жалостными стенаниями и воплями, что могла бы растрогать даже воинов Улисса. Под конец силой рачительного ухода и мер, принятых врачебным искусством, она пришла в чувство, я же в то время написал ей множество посланий, уговаривал сносить терпеливо кончину возлюбленного, чью жизнь вернуть уже невозможно, каковые письма я покажу тебе на досуге.

^a *Контроверса* — спорный вопрос.

Но особливо примечательно то, что никакие утешения не могли вновь привлечь ее к любви, и неизменно ходила она в черном одеянии, никогда не появлялась там, где больше всего жаждали ее присутствия. Однако по прошествии пяти лет начала она понемногу прислушиваться к давним моим любовным изъяснениям, в искренности коих получила такие доказательства, что не могла уже считать любовь мою построенной на сластолюбии или обмане.

Но судьба пресекла мою любовь, пресекши жизнь Иффида, ибо, захворав вредоносной горячкой, она скончалась, — и как сие меня поразило, о том я не намерен рассказывать, но, немедля покинув двор, я с того времени проживаю в здешних местах и тут намерен оставаться, покуда не призовет меня смерть.

ЛОДЖ

Томас Лодж (Thomas Lodge, ок. 1558—1625) — видный представитель прециозной школы Лили. Окончил Оксфордский университет. Штудировал в Авиньоне медицину, был врачом. В поисках приключений совершил путешествия на Канарские острова (1588) и в Южную Америку (1591). Творческое наследие Лоджа многообразно. Он был драматургом, поэтом, романистом, критиком. Защищал поэзию и театр от нападков пуритан. В историю литературы вошел главным образом как автор романа «Розалинда, золотое наследие Эвфуэса» («*Rosalynde, Euphuus his Golden Legacie*», 1590), из которого Шекспир заимствовал сюжет своей комедии «Как вам это понравится». Подобно автору «Эвфуэса», Лодж уснащает текст своего романа изысканными антитезами, сравнениями, цитатами из античных и французских поэтов. Однако прециозный элемент играет в «Розалинде» несколько меньшую роль, чем в романе Лили. От «Эвфуэса» роман Лоджа отличается также наличием в нем авантюрного элемента, которым пренебрегал Лили. В этом отчасти сказывается влияние эллинистического романа, весьма ценившегося в литературных кругах Европы XVI—XVII вв. Характерны для романа и пасторальные мотивы, восходящие как к античной, так и европейской пасторальной литературе эпохи Возрождения (Саннадзаро, Спенсер, Сидней и др.). Галантные пастухи, живущие в Арденнском лесу, устраивают между собой поэтические состязания, как в эклогах Вергилия, изливают в изысканных стихотворениях свои чувства к пастушкам, вырезают любовные мадригалы на коре деревьев. Шекспир в своей комедии «Как вам это понравится», опустив ряд эпизодов «Розалинды», все же весьма близко следует за развитием действия в романе, сравнительно мало изменяя его сюжет.

ИЗ «РОЗАЛИНДЫ»

Едва Розалинда окончила свой мадригал, как вошел Торисмонд со своей дочерью Алиндой и со многими пэрами Франции, которые были влюблены в красоту его племянницы^а. Торисмонд, зная это и боясь, что ее совершенство послужит ему во вред и что его надежды погибнут в завязи, решил изгнать ее из своего двора: «Ее лицо, — говорил он про себя, — исполнено такой прелести, что оно возбуждает жалость во всяком, а красота ее столь божественна и дивна, что она может стать для меня тем, чем была Елена для Приама. Кто-нибудь из пэров добьется ее любви

^а *Розалинда* — дочь короля, несправедливо изгнанного из своих владений жестокосердным узурпатором Торисмондом.

и брака с ней, а затем, по праву своей жены, будет покушаться на мое королевство. Чтоб не допустить этих действий, я решил не оставлять ее при дворе: пусть она, как изгнанница, отправляется к отцу или выберет себе другую долю». В таком настроне и с лицом суровым и гневным он в присутствии пэров повелел ей в ту же ночь покинуть столицу: «ибо,—сказал он,—я слышал о твоих честолюбивых речах и предполагаемой измене». Этот приговор показался странным Розалинде, и она, покрытая щитом своей невинности, немедленно и смело в почтительных выражениях попыталась оправдаться, но Торисмонд не пожелал допустить никаких возражений, а его лорды, видя гнев на его лице, не посмели ходатайствовать за Розалинду, хотя некоторые были влюблены в нее. Когда они стояли молча, а Розалинда пребывала в изумлении, Алинда, любившая ее больше самой себя, с горестью в сердце и со слезами на глазах, упав на колени, стала так умолять своего отца:

РЕЧЬ АЛИНДЫ В ЗАЩИТУ РОЗАЛИНДЫ

«Могущественный Торисмонд, если я преступна, моля о своем друге, пусть закон любви просит прощенье за мою смелость: там, где приязнь глубока, дружба дает такое право. Розалинда и я повиты с детства и взлелеяны под кровом взаимного содружества и такой близости, что привычка создала единенье нашей природы, а сочувствие и привязанность наши — такую тайную любовь, что у нас два тела, но одна душа... (Розалинда) почитала в вас своего приемного отца, не выражала неудовольствия в словах, не питала его в мыслях, как ясно всем, не выковывала мести, во всем стараясь лишь угодить вам и заслужить мою любовь. О ее мудрости, скромности, чистоте и других отменных качествах мне нет нужды говорить. Мне только остается заключить в одном слове, что она невинна. Поэтому, коль судьба, торжествующая в наших несчастьях, нашла для выполнения своих козней завистника, готового запятнать Розалинду подозрением в измене, пусть он встанет перед нею лицом к лицу и со свидетелями подтвердит свое обвинение. Если он докажет свое обвинение, пусть она умрет, и сама Алинда выполнит эту казнь...»

Лицо Торисмонда при речи Алинды нахмурилось так, что, казалось, тиранство победоносно царило на его челе, и он остановил ее такими угрозами, что заставил дрожать лордов, хотя они были только свидетелями:

«Гордая девушка,—сказал он,—ужели мои взоры сделали тебя настолько болтливой или моя милость поощрила тебя быть столь дерзкой, что ты осмелилась поучать отца? Разве мои годы не дали мне больше опыта, чем твоя юность, и зима моих лет на научила меня большей мудрости в государственных делах, чем твои цветущие дни? Старый лев избегает капкана, а молодой прыгает в

сеть; заботливость старости предвидит многое; подозрение — добродетель там, где человек держит на своей груди врага. Ты, безумная девчонка, меришь все по привязанностям минуты и, как внушает тебе любовь, так и судишь. Но если бы ты знала, что, любя Розалинду, ты высиживаешь птицу, которая выклюет твои же глаза, ты умоляла бы об ее удалении так же горячо, как теперь наслаждаешься ее присутствием. Но что говорить с тобой о государственной мудрости? Займись хозяйством и садись за иглу; если праздность делает тебя настолько распушенной, а свобода — настолько наглой, я наложу на тебя более тяжелую задачу. А ты, девушка, сегодня же убирайся в Арденнский лес к своему отцу или, коль хочешь, куда-нибудь в другое место: ты не останешься при моем дворе».

Этот суровый ответ Торисмонда совсем не смутил Алинду, и она продолжала ходатайствовать за друга, прося отца, коль он не отменит своего приговора, позволить ей быть товарищем Розалинды по изгнанию. В случае его отказа она или тайно уйдет и последует за ней, или покончит свои дни насильственной смертью. Когда Торисмонд увидел, как непреклонна его дочь, его сердце окаменело, и он окончательно и непреложно решил изгнать обеих, что немедленно было исполнено. Тиран предпочитал утрату единственной дочери случайности потери власти. Так подозрительна и боязлива совесть похитителя престола... Огорченная Розалинда села и заплакала, но Алинда улыбнулась и, усевшись рядом с подругой, начала утешать ее так:

УТЕШЕНИЕ АЛИНДЫ

«Неужели, Розалинда, лишь только превратная судьба посмотрела на тебя хмуро, ты уже смущена? Другим, жалующимся на беды, ты обычно говорила, что лучшая целительная мазь для несчастья — терпение и что единственное врачевание нужды — драгоценный пластырь довольства. Коль ты такой хороший врач для других, не применишь ли ты свое лекарство к себе? Но, может быть, ты скажешь:

Consulenti nunquam caput doluit^a

Ну, что ж, коль больные этой болезнью не находят ни разума, чтоб убедить себя, ни искусства, чтобы излечить, ты все-таки, Розалинда, послушай совет друга и примени лечение, чтобы успокоить горе. Если ты скорбишь о том, что зависть довела до такой крайности тебя, дочь короля, то вспомни, что королевская власть — недурная цель, что корона имеет свои горечи, когда в хижине царит радость, что в красивейшей розе скорее заводится гусеница, и чем драгоценней жемчуг, тем легче он подвергается порче, что с самым высоким происхождением связаны и большая

^a У дающего советы голова никогда не болит.

честь, и большая зависть. Если судьба поражает прекраснейшую, будь терпелива, Розалинда, и утешься хоть тем, что благодаря изгнанию ты отправляешься к своему отцу: природа — бóльший дар, чем богатство, и любовь родителей должна быть дороже высокого сана. Почему моя Розалинда огорчена гневом Торисмонда, который, желая ее обидеть, дает ей радость? Еще большее безумство, милая, в том, что ты грустишь, когда с тобой Алинда, твой друг, которая будет делить с тобою все несчастья, которая покинула своего отца, чтобы идти с тобой, предпочитая перенести все крайности, но не покидать тебя.

Solamen miseris socios habuisse doloris^a

Будь веселее, дорогая: мы в величии делили ложе, мы будем вместе в бедности, вечно я буду твоей Алиндой, как ты останешься навек моей Розалиндой, так что свет превознесет нашу дружбу и будет говорить о Розалинде и Алинде, как он говорит о Пиледе и Оресте^b, и если судьба снова нам улыбнется и мы вернемся к былой почести, то мы, отдавшиеся нежной дружбе, вспоминая минувшие беды, весело скажем:

«Olim haec meminisse juvabit»^b

Тут Розалинде стало не так грустно, и, поплакав на груди Алинды, она от всего сердца поблагодарила ее, а затем они сели, чтобы потолковать о путешествии. Алинду более всего смущало, что с ними не будет мужчины и что возникнет предубеждение к ним, двум женщинам, странствующим без проводника и без слуги.

«Пустое! — ответила Розалинда, — разве ты не женщина и нет у тебя выдумки, чтоб отворотить беду? Я, как ты видишь, высокого роста, и мне очень пристало бы звание и одежда пажа. Ты будешь моей госпожой, а я буду изображать мужчину так удачно, что, поверь мне, в каком обществе я ни буду, меня не уличат. Я куплю мужской наряд и буду изящно носить рапиру, и если какой-нибудь неуч будет дерзок, твой паж направит на него острие своей шпаги».

На это Алинда улыбнулась, и они так порешили; немедля они собрали все свои драгоценности, которые они уложили в ларчик; Розалинда поспешила достать себе одеяние, и Алинда сменила свое королевское платье на более скромное. Переодевшись, два друга отправились в путь, переименовав свои имена: Алинда назвалась Алиеной, а Розалинда — Ганимедом. Они путешествовали вдоль виноградников и, наконец, проселками добрались до леса, по которому они шли два или три дня, не видя живого существа, подвергаясь опасности от диких зверей и очень часто отдаваясь

^a Несчастливым утешение — иметь товарищей по несчастью.

^b Орест и Пиллад — герои античного мифа, неразлучные друзья.

^b Некогда будет полезно вспомнить это.

страстному горю. Иногда тяжкая забота шла по их следам, и Алинда вспоминала свое бывшее величие, но, когда она бросала взгляд на свою Розалинду, она считала, что каждая опасность — ступень к чести. Так подвигаясь вперед, они как-то в полдень подошли к источнику, окруженному рощей кипарисовых деревьев, столь искусно растущих, что казалось, будто какая-нибудь богиня упростила природу воздвигнуть ей беседку. У этого источника Алиена и Ганимед сели и, достав свои припасы, стали весело есть, словно они были в Париже, окруженные королевской роскошью, хотя Алиена печалилась, что им не удастся встретиться даже с пастухами, чтоб расспросить их о месте, где они могли поселиться. Тут Ганимед, взглянув вверх, заметил, что на дереве были вырезаны какие-то стихи, усмотрев которые, он воскликнул:

«Не унывайте, госпожа, я чувствую присутствие людей, ибо здесь, на этих деревьях, вырезаны стихи какого-то пастуха или другого поселянина, живущего поблизости».

.....

«Посмотрим», — сказал Ганимед, и тут они прочли фантазию такого содержания.

ФАНТАЗИЯ МОНТАНУСА

Пускай исчезла б ночью тень,
 Поблекли все цветы в апреле,
 Пускай навек затмился день,
 Лучи бы солнца нас не грели,
 Но, не поддавшись злой судьбе,
 Я был бы верен, друг, тебе.

Коль воцарится здесь любовь,
 Коль злобы на земле не будет,
 Коль литься перестанет кровь,
 Коль смерть губить нас

позабудет,

Внимая жалостной мольбе,
 Все ж верен буду я тебе.

Скорей в морях не будет волн,
 Скорей замолкнут все поэты
 И будет мир наш скуки полн,
 Скорей померкнут все планеты
 В ужасной меж собой борьбе,
 Но я не изменю тебе.

Пусть время остановит бег
 И хлеб сожнем мы средь зимы,
 Пускай в июле будет снег,
 Весны пусть не увидим мы,
 Не замолчит моя хвала,
 Хотя б жестокой ты была.

«Без сомнения, — сказал Ганимед, — это признание вылилось у человека, преисполненного страсти».

«Я это также полагаю, — сказала Алиена, — но посмотри, как мужчины многими ложными обещаниями улещают несчастных женщин, когда те стремятся сохранить чистоту. Они завлекают их нежными словами, подобно сиренам, а потом оказываются вероломными, как Эней. Так обещал Демофон своей Филиде, а кто оказался обманщиком?»

«Причина этого, — ответил Ганимед, — была та, что они были сыновьями женщин и унаследовали этот порок от своих матерей,

ибо, родись мужчина от мужчины, как Адам родился от земли, они бы никогда не грешили непостоянством».

«Замолчи, — сказала Алиена, — не насмехайся так язвительно, а то я стащу с тебя одеянье пажа и выпорю тебя крапивой, как порет Венера своих шалунов».

«Так ты хочешь склонить меня к лести, но в этом нет нужды, — сказал Ганимед. — Мы нашли тут у источника следы пастухов — их мадригалы и песни. Пойдем дальше; мы найдем или стада и овечьи загоны, или какие-нибудь хижины, где отдохнем день или два».

«Согласна», — сказала Алиена, и затем они встали и продолжали свой путь до вечера.

.

В этой роскошной куше сидели два пастуха, наблюдая за пастищимися овцами, приятно играя на свирелях и после музыки и пения дружески беседуя. Приблизившись, мы увидели, что выражение одного было исполнено печали, его лицо было олицетворением неудовольствия, и его глаза были полны скорби: он, живя, казалось, умирал. Мы, дабы узнать, кто они, спрятались в чаще, откуда подслушали следующий разговор.

ПРИЯТНАЯ ЭКЛОГА МЕЖДУ МОНТАНУСОМ И КОРИДОНОМ

К о р и д о н.

Мой пастушок, к чему твоя печаль?
Оставил ты свирель. Забыл ты радость.
К чему тоска? Так мимолетна младость!
Ужель тебе бегущих дней не жаль?
Сосной ты полюбуйся, белым маком,
Сулят они покой, зовут нас в тень.
Так пой, доколь нам Феб дарует день,
Доколе ночь не скрыла все под мраком.

М о н т а н у с.

Ах, Коридон, я скорбен по вине
Надменной Фебы. Так к чему напевы?
Погублен я презрением юной девы.
Пропала радость. Все докучно мне.

.

Покоя нет. Теперь я с горем дружен.
Себе я враг, и сам себе постыл.
Могу ль я петь? Я песни позабыл.
Тоскою и печалью я недужен.

Коридон.

А что любовь? Она не небо — ад,
Прекрасный вред иль сладкая отравка;
В ней правды нет, лишь яркая оправа,
Прекрасный гроб, а в нем гниющий клад.

Цветок красивый, что увянет вскоре,
Пленительные сети для ума,
Для радости — тлетворная чума,
Немного счастья и печали море.

Монтанус милый, послушай совет:
Я много жил, и я постиг немало.
Любовь — обман, безумству покрывало.
Знай, доблести в горячке страсти нет.

Монтанус.

О Коридон, хоть прожил ты немало,
И к старости ты опыт накопил,
Поверь ты мне, в любви я полон сил,
Тебе же ее порочить не пристало.

Сплетаются мечты в волшебный лад
При мысли о любви. Спадают узы.
Чело мое венчают лавром Музы.
Святых восторгов нахожу я клад.

Тебя пою, тебя я славлю, Феба;
В моих созвучьях мира красота,
И сфер надзвездных глубь и чистота,
И все величье и безгрешность неба.

Стихи текут. Оттенки дальних гор,
И ропот волн, и листьев легкий трепет
Несу к твоим ногам. Прими и лепет
Тоски, что вызвал твой лучистый взор.

. .

За милую мне дорога тревога
И безнадежность, что звучит в мольбе.
Тот славен лишь, кто победил в борьбе;
Через дол печали — к небесам дорога.

Хоть я скорблю, о милый Коридон,
Но верь, блаженство для меня в печали,
Что Феба и любовь мне ниспослала.
Пусть будет мне уделом плач и стон.

Коридон.

Не верь любви. Она лишь наважденье,
Затмившее твой взор; она лишь бред;
Не медли, друг мой, и беги от бед.
Пускай скорей настанет пробужденье.

Нет счета рыбам в глубине морей,
Иль овцам, что пасутся по равнинам,
Иль пчелам, что роятся по долинам,
Иль бурям, что на землю шлет Борей,
Возможно ль звезды подсчитать наукам,
Цветы ль, что порождает блеск лучей,
Исчислит муки ада разум чей?
Так и в любви нет счета нашим мукам.

Монтанус.

Нет, Коридон, любовь ты не вини.
Не убеждай. Я буду верен Фебе.
Уже заря, смотри, алеет в небе.
Пора! Свои стада домой гони.

Лишь только пастухи кончили свою эклогу, Алиена и Ганимед выступили из чащи. При их внезапном появлении пастухи встали, и Алиена приветствовала их так:

«Привет вам, пастухи, ибо таковыми мы вас считаем, глядя на ваши стада. Привет вам, влюбленные, ибо таковыми вы кажетесь по страстям. Свидетелями одного — наши глаза, другого — наши уши. Хотя не по любви, но по доле я — скорбная дама, столь же печальная, как вы страстны, и полная тоски и недоуменных мыслей. Блуждая одна со своим пажем, истомленная дорогой, я желала бы найти место отдыха. Можете ли вы назначить нам место спокойного приюта; будь оно смиренно, я буду признательной вам, довольна и благодарна тому, кто будет моим хозяином».

Коридон, слыша, как учтиво говорит с ними дама, ответил дружелюбно и почтительно:

«Прекрасная госпожа, мы говорим тебе «добро пожаловать» так же сердечно, как ты нас приветствовала. Да, я пастух, а он влюбленный, равно заботливый в угождении милой, как в пастьбе своих овец, полон мечты, а потому, говорю я, способный на всякие безумства. Убеждать я его могу, но убедить я не в силах, ибо любовь не допускает ни совета, ни разума. Но, предоставляя его страстям, я скажу, что я скорблю, коль такое прекрасное существо, как ты, впало в несчастье. Молиться за тебя я могу, но облегчить тебя я не в силах. Конечно, коль ты нуждаешься в пристанище и удостоишь искать приют в хижине пастуха, мой дом на эту ночь будет твоим убежищем».

Алиена горячо благодарила Коридона и немедля села, а Ганимед — рядом с ней. Коридон, внимательно рассмотрев ее и с любопытством видя все ее совершенства, мысленно хвалил ее достоинство; сочувствуя ей и желая узнать причины ее бедствий, начал вопрошать ее так:

«Коль я, прекрасная барышня, не наношу тебе беды и не оживляю твои печали, трогая рану, я умоляю тебя милостиво поведать мне свои печали и почему ты странствуешь в таком опасном лесу и куда держишь путь со своим пажем?»

Алиена, столь любезная, сколь прекрасная, дала такой ответ:

«Пастух, дружественный вопрос никогда не бывает оскорбительным, и, коль он учтив, прощенье дается заранее. Знай, коль я поведаю тебе о своей доле, я оживлю свою печаль, и, говоря о своих невзгодах, я из пепла выгребаю огонь. Но довольно об этом, любезный пастух: мое несчастье столь же велико, сколь мое путешествие опасно; я странствую по этому лесу в поисках хижины, где я могла бы проживать вместе со своим пажем, ибо я хочу купить хутор и стадо овец и, став пастушкой, жить скромно и довольствоваться деревенской жизнью. Я слышала от поселян, что они пьют без подозрений и спят без забот...

НЭШ

Томас Нэш (Thomas Nash, 1567—1600) — английский писатель. В 1586 г. получил степень бакалавра в Кембриджском университете. Путешествовал по Франции и Италии. Вел жизнь, полную лишений. Писал пьесы, а также сатиры и памфлеты, в которых смело бичевал пороки современной Англии. Нэш обнаруживает неукротимое остроумие, пишет языком сочным и сильным, близким к народному, являя собой полную противоположность эвфуизму. Его наиболее значительное создание — первый английский реалистический плутовской роман «Злополучный путешественник, или жизнеописание Джека Уильтона» («The unfortunate Traveller, or the Life of Jack Wilton», 1594), написанный под известным влиянием испанской плутовской повести (английский перевод «Ласарильо с Тормеса» появился в 1568, 1576 и 1586 гг.). В этом романе, обильном всевозможными происшествиями, то занимательными, то мрачными, Нэш описывает похождения плутоватого Джека Уильтона в Англии и за ее пределами (главным образом в Германии и Италии). Сперва Уильтон — паж при дворе Генриха VIII, повествует о своих проделках в английском лагере под Турне во Франции (отрывок «Джек Уильтон и маркитант»). Возвратившись в Лондон, Уильтон становится пажем графа Серрей, с которым он направляется в Виттенберг (Германия). В день приезда им пришлось присутствовать при торжественном приеме герцога Саксонского (отрывок «Джек Уильтон в Виттенберге»). В Италии Уильтон переживает ужасы чумы, сопровождаемой ростом насилий, убийств и прочих преступлений. Похождения его приобретают мелодраматический, мрачный характер. В финале романа он раскаивается в совершенных им дурных поступках, хотя и не возвращает украденных денег, женится и доживает свои дни в довольстве и покое.

Приводимые отрывки взяты из статьи В. Лесевича «Происхождение романа в Англии. Томас Нэш» («Русская мысль», апрель, 1901).

ИЗ «ЗЛОПОЛУЧНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА»

ДЖЕК УИЛЬТОН И МАРКИТАНТ

[Первая проделка, обозначившая пребывание пажа в армии, была направлена против маркитанта, выдававшего себя за лорда. Рассказ идет от лица Джека Уильтона.]

...«Пусть он так и останется лордом — лордом сумятицы и бесчинства! И вот этот-то великий лорд, достойный лорд, благородный лорд, вовсе не считал унижением для себя (сохрани бог!), если его широкие плюсовые штаны оказывались залитыми тем вос-

хитительным напитком, которым он торговал, а ведь он считался старым служакой, представителем знатного дворянского рода, как то и подтверждалось гербом его предков, тщательно нарисованным мелом на внутренней стороне двери его шатра. Его именно, а не кого другого, избрал я жертвою моей бесстыдной затеи. Придя к нему однажды, как раз в то время, когда он считал свои бочонки и на каждом отмечал мелом его цену, я почтительно раскланялся и объявил, что желаю сообщить ему некоторое секретное дело, если только ему угодно будет принять меня в частной аудиенции. «Ты хочешь поговорить со мною, юный Уильтон; пожалуйста! Пусть подадут нам пинту сидра из только что откупоренного бочонка, поставят стаканы и вымоют кувшин». С этими словами он ввел меня в другую комнату и здесь, поплевав на пальцы, сперва почистил покрытую пылью бархатную шапочку, потом отбер слюну со своей невзрачной козлиной бородки, и тогда уж, выпив за мое здоровье, он попросил меня рассказать о том деле, ради которого я к нему пришел. Приступая к делу мешкотно и с хитрецей семнадцатилетнего юнца, я повел прежде всего речь о том расположении, которое я всегда питал к нему отчасти благодаря его высокому происхождению, отчасти под влиянием того трогательного участия, с которым он относился к бедным солдатам, доводимым иной раз нуждою до последней крайности. Теперь же благодаря ему, снизошедшему до положения маркитанта (редкий пример щедрости и редкий образец высокой благовоспитанности!), всякий, не пускаясь в дальние розыски, может за свои деньги наполнять свое брюхо и сидром и сыром. Притом же, сидр и сыр продаются тут не только оптом, но и в розницу, так как хозяин добровольно унижает себя до того, что берет в руки нож (орудие, не достойное такой высокой особы) и с точностью строго блюстителя правосудия отрезывает им тончайшие ломтики ценою в один пенни, так что сердце радуется на него глядя. То же самое можно сказать и о сидре: бедный человек может получить свою умеренную порцию (умеренность надо ведь соблюдать во всем) точно так же, как и богатый; всякий получает за свои деньги, сколько ему надо... «Уже один этот простой полотняный передник, который ради сохранения вашего костюма от забрызгивания вы надеваете, точно какой-нибудь заурядный разливальщик пива, уже он один в достаточной мере выдает вашу скромность. Так как вы принимаете по-товарищески всякого посетителя, то, кто бы ни явился сюда — будь то солдат или просто какой-нибудь добрый малый, — вы усаживаетесь с ним и держите компанию до последнего стакана. Если же кто-нибудь вздумает запросо выпить: «За ваше здоровье, хозяин!», вы принимаете это приветствие так, как будто при этом были перечислены все титулы, подобающие вашему баронству. Эти соображения, — говорю я, — уносимые у большинства потоком равнодушия, во мне возбудили заботу о вашем благополучии и побудили меня предупредить вас об опасности, угрожающей вам и вашим бочонкам».

При слове «опасность» он вскочил и ударил кулаком по столу с такою силою, что прислужник, полагая, что этот стук следует отнести на его счет, крикнул: «Сейчас!», и, войдя с поклоном, спросил, что требуется. Он готов был приколотить его, досадуя за перерыв столь интересовавшего его повествования, но из опасения произвести на меня неприятное впечатление он укротил свое раздражение и, ограничась тем, что помянул черта, послал прислужника за свежей пинтой сидра. Приказав ему вслед за тем присматривать за лавкой, он велел не приходить, пока его не позовут. Теперь, подчиняясь его требованиям и пропустив глоток сидра, который должен был облегчить доведение моей лжи до конца, я сообщил ему следующее: мне пришлось-де вместе с другими пажами быть при заседании совета, на котором присутствовал король, лорды и многие важнейшие военные начальники. «На этом заседании в ряду других разных серьезных предметов, которые обсуждались, и сведений о неприятеле, которые сообщались, шла также речь и о полученном частным путем извещении, будто вы, именно вы. . . (О, отсохни у меня язык, чтоб я не был в состоянии досказать все это до конца! Нет меры тому, как опечаливает меня этот во хмелю совершенный поступок и до какой степени он лишает меня сил для окончания этого повествования!)»

И вот мой пьяный хозяин, нетерпеливо ожидавший конца рассказа, навалился ко мне на шею и стал умолять меня, точно настоящего джентльмена, вывести его из этого адского напряжения и забыть от томительного ожидания. Потом он упал на колени, начал ломать себе руки и, думается мне, успел за это время выплакать весь тот сидр, который он пил в течение какой-нибудь недели,— все это только для того, чтобы вымолить у меня соболезнование. Наконец, он поднялся, надел мне на палец свое аляповатой работы кольцо, отдал мне свой замасленный кошелек с единственною находившеюся в нем монетою, обещал записать мне все свое имущество, сулил тысячу и других милостей, если я только положу конец терзающей его неизвестности, для выражения которой он не находил слов. Будучи по природе склонен к милости (Mercie), так как, в самом деле, знавал двух-трех прехорошеньких девчонок, носивших имя Mercie, я попросил его побережь до времени свой слух и зрение, потому что, когда я открою ему свою душу, то ему придется услышать такой рассказ, который потребует напряжения последних физических сил, чтобы только дослушать его и не умереть ранее его окончания. «Ну, вот, хоть я сам,— сказал я,— что я такое? Не более, как только младенчески-доброжелательный к вам человек, а сколько я пролил слез от одной мысли, что лицо с таким положением и такими заслугами, как вы, могло быть оклеветано тайком какими-нибудь мужиками или лакеями. Не столько уносится воды под нашим мостом в Сити, сколько мой мозг излил потоков слез. Я плакал так неумеренно и расточительно, что мне думалось, будто слезы мои в самом деле льются ручьем. Что скажу вам еще? Злоба готовит вам погибель.

Не меняйтесь в лице: никто не может очернить чистую совесть, но пока вам приходится сразу взвалить на свои плечи все бремя постигающих вас бедствий.

Королю нажужжали в уши, будто вы втайне дружите с неприятелем и что, прикрываясь доставкой в лагерь сидра и фуража, вы снабжали ими и неприятеля и сверх того посылали ему в пустых бочонках письменные сведения и несметное количество зерна».

(Чтобы предотвратить грозящую маркитанту мнимую опасность, Уильтон советует совсем потерявшему голову бедняге открыть даровую раздачу сидра солдатам и таким образом стать популярным и любимым всеми. Маркитант объявляет, что готов поить их всех, пока они не лопнут, лишь бы только снять с себя наброшенное на него подозрение. Сперва все идет благополучно, но, когда маркитант, предвидя свое разорение, заявляет о желании прекратить торговлю, обман пажа открывается, и с ним расправляются согласно обычаю того времени, что нисколько не препятствует ему, как заправскому пикаро, все-таки похвалиться своей хитрой выдумкой.)

ДЖЕК УИЛЬТОН В ВИТТЕНБЕРГЕ

Так как герцог Саксонский состоит главным покровителем здешнего университета и принял сторону Лютера при упразднении мессы и других подобных папских учреждений, то они пресмыкаются перед ним до чрезвычайности. Главная церемония приема заключается в следующем: во-первых, главы университета — несомненно великие головы — в докторских своих нарядах встретили его «*Secundum formam statuti*»^a, причем университетский оратор произнес свою ученую, или, вернее, полную излияний, речь (и в самом деле, дождь лил все время, пока она изливалась), выражая тем в достаточной мере, что речь эта по крупинке да по зернышку была выкрадена у Туллия^b, в чем герцог должен простить их, так как они поступили таким образом вовсе не для того, чтобы тщеславиться своим разумом (которого у них не имеется), а с одним только намерением показать ту необыкновенную преданность, которую они питают к герцогу (стоявшему перед ними под дождем, пока не промок совсем). Когда оратор окончил свою речь, выкрикнув «*dixi*»^b, и когда все пышное торжество таким образом завершилось, тогда шумное сборище злосчастных представителей низших степеней бросилось, как толпа нищих, к герцогу с криком: «Господь да спасет ваше высочество, господь Иисус да сохранит ваше высочество, будь то хоть на один час!»

Грошовой обрывки латыни были при этом снова брошены ему в лицо, но эти обрывки — уверяю вас — были подобраны так, как можно подобрать даже и тряпье в сорной яме. При входе в город герцога встретили граждане и дурацкие корпорации Виттенберга

^a Согласно требованиям статута.

^b Туллий — Цицерон.

^b Я сказал.

в их особенных ливреях и с их особенными физиономиями, обличавшими в них завзятых пьяниц. И в самом деле, цвет физиономий у всех их был тот же, что и цвет их ливрей: кроваво-красный, багровый, пурпуровый. Эти мерзкие плуты не останавливались ни перед какими расходами, которые приходилось нести городу для этого приема, припрятали еще кое-что для окраски заново своих питейных и публичных домов, которые у них лучше церквей. На городских воротах они поместили городской герб и надпись: «Vanhotten, slotten, irk bloshen glotten gelderslike», смысл которой, каково бы ни было значение заключенных в ней слов, был следующий: «Пьянство — лучшее лекарство против всех болезней».

Выставленный такою компанией толстобрюхий чернильный оратор бюргер Вандергульке является ее истинным представителем: лицо у него широкое, толстое, пухлое, как у сарацина, глаза похожи на две кентские устрицы, рот — своего рода подобие люка — остается открытым все время, пока он говорит; его борода как будто сделана из растрепанного птичьего гнезда, состоящего из соломы, шерсти и навоза, перемешанных между собою. Одет он в обложенный мехом черный кожаный кафтан без складок на спине. Оратор этот, уснастив речь свою цветами красноречия и отборными цитатами, закончил приглашением принца посетить их попойки и убедиться, что чеснок имеет три свойства, заставляющие человека щурить глаза, пить и издавать дурной запах. «Так и мы, — закончил он, — будем щурить глаза на твои несовершенства, пить за твоих фаворитов, и тогда твои враги будут вынуждены издавать дурной запах в нашем присутствии. И да будет так!»

ДЕЛОНИ

Томас Делони (Thomas Deloney, 1543(?)—1600) — английский писатель. По профессии — ткач. В свое время пользовался значительной известностью, но впоследствии был забыт и «воскрешен» лишь в XX в. В романах «Джек из Ньюбери» («Jack of Newbery», 1594), «Славное ремесло» (1597) и «Томас из Рединга» (1602) он воспроизводит быт ремесленных корпораций в переходный период. Эпоха становления мануфактуры нашла в нем своего выдающегося изобразителя. «Славное ремесло» посвящено обувному делу, другие названные романы повествуют о производстве сукна. По своей манере Делони — реалист. Подобно Грину и Нэшу (мастерам английского реально-бытового романа), он умеет видеть и в выразительных образах живописать окружающий его городской быт. Делони известен также как автор баллад на различные злободневные темы.

На русском языке: «Джек из Ньюбери», перевод О. М. Новиковой; «Томас из Рединга», перевод С. А. Полякова, вступительные статьи П. С. Когана и Л. П. Гроссмана, Гиз, 1928.

ДЖЕК ИЗ НЬЮБЕРИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всем славным работникам английского сукна желаю я счастья в этой жизни, благосостояния, братского содружества. Между всеми ручными ремеслами страны ни одно не может сравниться с самым славным, самым выгодным и самым необходимым ремеслом суконщика. Оно столь же выгодно, сколь занимающиеся им достойны всяческой похвалы и поддержки. Многие люди, разумные и догадливые, хорошенько поразмыслив об этом вопросе, щедро вносили средства свои на процветание и поддержку этой чудесной промышленности, которая давала и дает возможность прокормить несколько тысяч бедняков. Вам, достопочтенные суконщики, я посвящаю мой грубый труд, который лежит перед вами. Он извлекает из-под пыли забвения достойного и славного человека по имени Джон Уинчкомб, по прозвищу Джек из Ньюбери. Жизнь и любовь его я изложил кратко, смиренно и просто, дабы лучше быть понятыми теми, ради которых я взял на себя труд составить его жизнеописание, т. е. благонамеренными суконщиками Англии, которые смогут убедиться, каким почетом и

признанием пользовались некогда члены их корпорации. Если вы примете мое произведение благосклонно, мое желание исполнено и мой труд достаточно вознагражден. Но если ваше благородное великодушие ответит на мои надежды, то оно также побудит меня представить вам давние и забытые истории Томаса из Рединга, Джорджа из Глучейстера, Ричарда из Ворчейстера, Вильяма из Салюсбери и многих других, бывших среди самых почетных членов нашей ассоциации, людей очень известных и достойных. Пока же оставляю вас на волю всевышнего, и да поможет он преуспеянию и благоденствию промышленности суконщиков Англии.

Ваш смиренно готовый к услугам Т. Д.

ГЛАВА ВТОРАЯ

О большом богатстве Джека из Ньюбери

Джек из Ньюбери был вдов и мог выбирать между многими женщинами, дочерьми весьма влиятельных людей и очень богатыми вдовами. Но он имел склонность лишь к одной из своих служанок; в продолжение года или двух он испытал ее способности в управлении домом. Зная, насколько она была старательна в делах, добросовестна в счетах и какая она была хорошая хозяйка, он решил, что лучше жениться на ней, хотя у нее не было ничего, чем на другой с целым богатством. Кроме всего прочего, она была стройна телом, красива и свежа лицом. В один прекрасный день он поделился с ней своими намерениями и спросил ее, хочет ли она за него выйти замуж. Принимая с благодарностью это предложение, молодая девушка заявила, что не может ни на что решиться без согласия своих родителей. Тогда было отправлено письмо к ее отцу, бедному крестьянину, жившему в Айльсбюри, в графстве Бюкингам. Весьма обрадовавшись такому счастью для своей дочери, он очень скоро приехал в Ньюбери и был дружески принят Джеком. Хорошенько его накормив, Джек повел показать ему всех своих людей за работой и все службы своего дома.

В большой и широкой мастерской стояло двести станков, и двести человек работали за этими станками. Рядом с каждым из этих рабочих сидел хорошенький мальчик и весело управлял челноками. Совсем близко отсюда в другой зале двести веселых кумушек изо всей своей силы чесали шерсть и, работая, все время пели. В соседней комнате работали двести молодых девушек в красных юбках с белыми платками на голове; их рукава были белы, как снег, падающий зимой на западные горы, а у кисти каждый рукав грациозно стягивался лентой. Эти хорошенькие девушки никогда не прерывали своей работы, целый день они пряли. Во время работы они пели своими нежными голосами подобно соловьям. Наконец, они подошли к другой мастерской, где находи-

лись бедно одетые дети. Каждый из них сортировал шерсть, отделяя грубую от тонкой; их было числом сто пятьдесят человек. Это были дети бедняков, за работу им платили по пенни^а каждый вечер, не считая того, что их кормили в продолжение всего дня, и это было для них огромною помощью. В другой комнате они увидали еще пятьдесят человек красивых мужчин, все это были гладильщики; их ловкость и умение можно было тут же наблюдать; совсем рядом с ними находились восемьдесят тачечников, которые также усердно работали. У Джека была еще красильня, которая давала работу около сорока человекам, и сукновальня, где было занято двадцать человек. Чтобы прокормить всех служащих в его предприятии, ему нужно было каждую неделю десять хороших жирных быков, не считая хорошего масла, сыра, рыбы и всякой другой провизии. У него был отдельный мясник на весь год, также и пивовар для эля^б и пива и пекарь, чтобы печь хлеб, необходимый в таком большом предприятии. Пять поваров в его обширной кухне были заняты весь год приготовлением этого мяса, шесть поварят им помогали и мыли посуду, горшки и кастрюли. еще несколько бедных детей приходило каждый день вертеть вертел.

Увидав все это, старый крестьянин был весьма поражен, как этого и можно было ожидать: значит, это был великий суконщик, слава о котором останется навеки.

Когда старик осмотрел этот огромный дом и всю эту семью, его повели по кладовым; одни из них были полны шерстью, другие — руном, третьи — синильником и мареной; наконец, другие еще были наполнены штуками тонкого и толстого сукна, совершенно готового и выкрашенного, там же находилось большое количество других штук, вытянутых на тендерах, повешенных на шестах и лежащих еще мокрыми на полу.

— Сударь,— сказал старый крестьянин,— я вижу, что вы отчаянно богаты, как говорят у нас, и я буду рад отдать вам свою дочь. Да благословит вас обоих бог так же, как я благословляю вас. . .

ГЛАВА ПЯТАЯ

О картинах, которые Джек из Ньюбери имел в своем доме и как при посредстве их он поощрял своих служащих в достижении почестей и званий

В большой и красивой гостиной Джек из Ньюбери повесил пятнадцать картин; они были задернуты зеленой шелковой занавеской с золотой бахромой, и он имел обыкновение часто их показывать своим друзьям и подмастерьям.

^а Пенни — мелкая английская монета, равная $\frac{1}{12}$ шиллинга.

^б Эль — крепкое пиво.

Жизнь города XVI в. (с современной гравюры).

Первая картина изображала пастуха, перед которым стоял на коленях какой-то король, это был Вириат¹, некогда монарх португальского народа.

— Смотрите, — говорил Джек, — отец — пастух, сын — король. Этот король управлял Португалией и завладел Испанией; он был изменнически убит.

Следующий портрет изображал Агафокла, который благодаря своей несравнимой храбрости и мудрости был сделан королем Сицилии и поддержал войну против Карфагена. Его отец был бедным горшечником, перед которым он часто становился на колени. Когда этот король устраивал пиршество, он имел обыкновение приказывать ставить на стол рядом с золотой посудой глиняные горшки, дабы это напоминало ему не только скромность его происхождения, но также дом и семью его предков.

Третья картина изображала Исикрата, уроженца Афин, победившего спартанцев в правильном бою. Он был заместителем Артаксеркса, царя персидского, хотя его отец был всего только сапожником; он тоже был изображен на картине.

Четвертый портрет изображал Аетиуса Пертинакса, некогда римского императора, хотя отец его был всего только ткач. Для того чтобы дать людям низкого состояния пример уважения к людям, достойным этого уважения, он велел причудливо изукрасить мрамором мастерскую, где раньше работал его отец.

Пятым был портрет Диоклетиана, прославившего Рим своими блестящими победами. Это был великий император, хотя и сын простого переплетчика.

Затем следовал Валентиниан, нарисованный с большим искусством. Он тоже был коронован императором, хотя и был сыном бедного канатчика. Его отец был изображен рядом с ним за своим ремеслом.

Седьмым был портрет Проба², отец которого, бедный садовник, был представлен рядом, с лопатой в руках.

Восьмым был портрет Марка Аврелия, столь чтимого во все века, таким он был мудрым и осторожным императором. Он был сыном скромного ткача.

Девятым изображал доблестного императора Максима, сына кузнеца, изображенного тут же за своей наковальней.

На десятой картине был изображен император Габриан, бывший раньше пастухом.

После этой картины были помещены портреты двух римских пап; их знание и мудрость доставили им тиару. Один из этих портретов очень живо изображал папу Иоанна XXII, отец которого был сапожником. Избранный папой, он значительно увеличил доходы и имущество этой корпорации. Другой портрет изображал папу Сикста, четвертого с этим именем; он был сыном бедного моряка.

Тринадцатым был портрет Ламазия, короля Ломбардии; он был всего только сыном простой проститутки. Изображен он был

еще ребенком, совсем нагим, идущим в воде. Он держал за конец копые, которое было оружием его спасения. Вот как это было. После того как мать произвела его на свет, она, вопреки всяким законам природы, бросила его в глубокий вонючий овраг, по которому протекал ручей. Король Агильмон проезжал в тех местах и увидел почти утонувшего ребенка. Чтобы лучше его разглядеть, он тихонько потрогал его концом копья. Ребенок, хотя и новорожденный, ухватился за конец копья своими ручонками и не выпустил его. Король был удивлен этой необычайной силой; он велел его взять и тщательно воспитать; он назвал его Ламазием — по месту, где он его нашел, — Лама. Впоследствии этот ребенок оказался таким храбрым и был так одарен богами, что его провозгласили королем Ломбардии. Он прожил очень долго, всеми почитаемый, а после него царствовали его преемники, до времен несчастного короля Альбанины. Тогда его царство впало в расстройство и разрушение.

Четырнадцатая картина изображала с большим искусством Примислава, короля Богемии. Перед ним стояла лошадь без узды и седла. Там же, в поле, работали земледельцы.

— Вот почему, — говорил Джек, — этот король изображен таким образом. Монарх Богемии умер, не оставив потомства, и сильные войны возгорались между благородными вельможами, оспаривавшими друг у друга его наследство. Наконец, они сговорились выпустить на поле битвы лошадь без узды и седла и обязались признать королем того, перед кем остановится лошадь. Лошадь остановилась перед Примиславом, бедным крестьянином, работавшим с плугом. Они выбрали его тогда королем, и он управлял с большою мудростью. Он установил справедливые законы, окружил Прагу крепкими стенами и заслужил вечные похвалы еще многими другими своими поступками.

Пятнадцатый портрет изображал Теофраста, философа, который был советником нескольких королей и другом многих вельмож. Его отец был портным.

— Вот видите, добрые товарищи, — говорил Джек, — как благодаря мудрости, знанию и прилежанию все эти люди сделались богатыми и могущественными. Подражайте их добродетелям, и вы достигнете тех же почестей. Кто из вас может сказать, что бог не имеет для него в запасе той же судьбы? Как бы скромно ни было ваше происхождение, люди еще более низкого рождения добивались самых высоких почестей. Ленивый будет всегда ходить в лохмотьях, нерадивый — жить в бесчестии. А всякий, кто поступает по чести и ведет себя благоразумно, будет пользоваться в жизни общественным уважением и умрет, оплакиваемый всеми.

БЭКОН

Френсис Бэкон (Francis Bacon, 1561—1626) — выдающийся философ эпохи Возрождения, «истинный родоначальник английского материализма и вообще опытных наук новейшего времени» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. III, стр. 157). В историю английской литературы Бэкон входит как автор неоконченного утопического романа «Новая Атлантида» («Nova Atlantis»), а также как создатель на английской почве (по образцу Монтеня) жанра эссе (Essay), стяжавшего впоследствии такую большую популярность в английской литературе («Нравственные и политические опыты», 1597 и 1625). В романе «Новая Атлантида» (написанном на латинском языке) Бэкон примыкает к литературной традиции Томаса Мора (описание идеальных порядков на неведомом острове, затерявшемся среди океана, куда прибывают отважные мореплаватели, в числе их — мнимый автор произведения, рассказывающий обо всем виденном и слышанном). Однако в отличие от автора «Утопии», видевшего залог счастья человечества в коренном изменении существующих имущественных и социальных отношений, Бэкон в «Новой Атлантиде» ставит главный акцент на развитие точных наук, которые, по мысли автора, дадут человеку власть над природой и ее богатствами и тем самым заложат основы всеобщего блага. Лейтмотивом романа Бэкона является восторженный апофеоз неограниченных возможностей человеческого знания и энергии. Будучи гениальным и разносторонним ученым, Бэкон предвосхищает многое из того, что лишь в новейшее время претворено в жизнь мировой научной мыслью.

Бэкон (с гравюры XVII в.).

ИЗ «НОВОЙ АТЛАНТИДЫ»

ПРИБЫТИЕ НА ОСТРОВ НОВАЯ АТЛАНТИДА

Мы отплыли из Перу, где пробыли год, в Китай и Японию по Южному морю, взяв с собой запасы продовольствия на год; мы шли при попутном западном ветре, хотя мягком и слабом, бо-

лее пяти месяцев, но когда ветер переменился и стал дуть с востока, мы двигались очень медленно или совсем не двигались и иногда думали о том, чтобы вернуться. Но затем вновь поднялся сильный ветер с юга, с уклоном на восток, который понес нас, несмотря на все наши усилия, к северу. К этому времени все наши съестные припасы истощились, хотя мы и сделали большой запас их. Таким образом, оказавшись среди величайшей водной пустыни мира, мы считали себя погибшими и приготовились к смерти. Мы вознесли наши сердца и голоса к богу, «который показал чудеса в пучине», умоляя о милосердии его, который при сотворении мира разверз пучину и создал сушу, мы просили его показать нам землю, чтоб избавить от гибели. Случилось так, что на следующий день, к вечеру, на расстоянии 20 миль по направлению к северу мы увидели как бы густые облака, что дало нам надежду достигнуть земли; мы знали, что эта часть Южного моря совершенно неизвестна и что в ней могут быть острова и материки, до сих пор еще не открытые. По этой причине мы направили курс туда, где всю ночь мы видели полоску земли; на рассвете следующего дня мы могли ясно различать с того места, где находились, что это была равнина, вся покрытая кустарником, который заставлял ее выглядеть темнее, чем она была на самом деле; через полтора часа мы вошли в хорошую гавань, которая была портом прекрасного города, небольшого, но хорошо построенного и имевшего прекрасный вид с моря...

(Далее описывается радушная встреча путешественников на острове, их пребывание на нем, беседы, которые они ведут с жителями Новой Атлантиды. Они знакомятся с историей и социальным устройством острова, которым управляет мудрый законодатель, основавший посредством применения естественных наук цветущую и счастливую общину. В центре Новоатлантического общества находится «Дом Соломона», названный так по имени мудрого монарха, некогда управлявшего островом. Это грандиозное научное учреждение, находящееся в столице государства, которое ставит своей целью — до крайних пределов расширить границы человеческого знания и тем самым поднять общественное благосостояние Новой Атлантиды.)

ДОМ СОЛОМОНА

Мы пришли в назначенный день и час, и я был избран своими спутниками для частной беседы. Мы нашли его^a в прекрасной комнате, завешанной богатыми коврами по стенам, подножие трона без ступенек было покрыто ковром. Он сидел на низком троне, богато украшенном; над его головой был вышитый балдахин из голубого атласа. Он был один, если не считать двух пажей, стоявших по обе стороны трона; один из них был в прекрасном белом одеянии. Его одежда была похожа на ту, в которой он был в колеснице, но вместо халата на нем была мантия с пелериной того же самого красивого черного цвета.

^a Имеется в виду один из отцов Соломонова дома, один из руководителей государства.

Когда мы вошли, мы низко поклонились, как нас научили; а когда мы приблизились к его креслу, он встал, протянув свою руку без перчатки как бы для благословения; каждый из нас наклонился и поцеловал кайму его меховой пелерины. Сделав это, все ушли, и я остался один. Затем он приказал пажам удалиться, пригласил меня сесть рядом с ним и заговорил со мной на испанском языке следующим образом: «Благослови тебя бог, мой сын, я дам тебе величайшую драгоценность, какую только имею, так как я тебе расскажу, из-за любви к богу, об истинном состоянии Соломонова дома.

Сын, для того чтобы ты узнал истинное положение Соломонова дома, я буду придерживаться следующего порядка: сначала я изложу тебе цель нашего учреждения, во-вторых, расскажу о тех условиях и приборах, которые есть у нас для работы, в-третьих, расскажу о некоторых занятиях и обязанностях, которые должны выполнять наши люди, и, в-четвертых, расскажу об обрядах и ритуалах, которые мы совершаем.

Цель нашего учреждения есть исследование причин и тайных движений вещей и расширение границ власти человека для того, чтобы воздействовать на всевозможные вещи.

Условия работы и приборы следующие. У нас есть большие и глубокие пещеры разной глубины; самые глубокие имеют 3600 футов глубины, и некоторые из них выкопаны и сделаны под большими холмами и горами, так что, если вы сложите вместе глубину холма и глубину пещеры, то некоторые пещеры будут иметь 3 мили глубины, так как мы считаем, что глубина холма и глубина пещеры от уровня равнины — одно и то же, ибо они обе равно отдалены от солнца, небесных лучей и от свежего воздуха. Эти пещеры мы называем «нижняя область» и пользуемся ими для свертывания, закаливания, замораживания и сохранения тел; мы пользуемся ими также как имитацией естественных копей и для производства новых искусственных металлов из составов и материалов, которые мы используем и кладем туда на много лет. Мы пользуемся иногда этими пещерами (что может показаться странным) для лечения некоторых болезней и для продления жизни некоторых отшельников, которые хотят жить там, будучи хорошо снабжены всем необходимым, и которые действительно живут очень долго, от них мы тоже узнаем много вещей.

У нас есть кладбища в разных местах, куда мы кладем различные скрепляющие вещества так, как это китайцы делают с фарфором, но у нас этих веществ большое разнообразие и некоторые из них тоньше, чем китайский фарфор. У нас есть также много удобрений и почвы различных сортов для того, чтобы сделать землю плодородной.

У нас есть высокие башни, самые высокие свыше полмили, некоторые из них построены на высоких горах, самые высокие башни, стоящие на холмах, достигают вместе с вышиной холма по крайней мере трех миль. Эти места мы называем «верхней областью»,

рассматривая пространство между высокими и низкими областями как среднюю область. Мы используем эти башни, в зависимости от их высоты и положения, для изоляции, охлаждения и сохранения веществ и для наблюдения разных явлений природы — ветров, дождя, снега и огненных метеоров. На некоторых из этих башен имеются жилища отшельников, которых мы иногда навещаем и даем им указания, что наблюдать. У нас есть большие озера, соленые и пресные, в которых водятся рыба и дичь. Мы используем их также для погребения тел, так как мы находим разницу между предметами, погребенными в земле или в воздухе под землей, и предметами, погребенными в воде. У нас есть также небольшие пруды, в которых мы путем фильтрования делаем пресную воду из соленой, а с другой стороны — такие пруды, где при помощи искусства обращаем пресную воду в соленую.

У нас есть также скалы посреди моря и несколько заливов, которые мы используем для работ, требующих морского воздуха и испарений моря. У нас есть могучие потоки и водопады, которые дают нам разного рода движение; кроме того, мы имеем машины для умножения и усиления ветров, чтобы вызвать различные движения. У нас есть также искусственные колодцы и фонтаны, сделанные в подражание естественным источникам и местам для купания, вода в них содержит купорос, серу, сталь, медь, свинец, селитру и другие минералы. Затем у нас есть небольшие колодцы для вливания многих веществ, где воды подвергаются воздействию этих веществ лучше, чем в сосудах и чашах. Среди этих вод у нас есть «райская вода», которая благодаря нашей обработке хорошо действует на здоровье и способствует продлению жизни. У нас также есть большие и просторные дома, где мы имитируем и демонстрируем явления природы, как снег, град, дождь, искусственные дожди тел, а не воды, гром, молнию; также зарождение тел в воздухе, как лягушек, мух и разных других насекомых.

У нас есть также некоторые комнаты, которые мы называем «комнатами здоровья», где мы определяем, какой именно воздух хорош и пригоден для лечения разных болезней и сохранения здоровья.

У нас есть также прекрасные и большие здания с ваннами, в которые впускаются разные смеси для лечения болезней и восстановления человеческого тела от сухотки и другие для укрепления мышц, жизненных органов, самих соков и вещества тела.

Мы имеем также большие и разнообразные сады и фруктовые сады, в которых мы ценим не столько красоту, сколько разнообразие грунта и почв, подходящих для разных деревьев и трав; некоторые из этих садов весьма обширны, там мы сажаем деревья и ягоды, из которых делаем разные напитки, помимо тех, которые получаем из винограда. В этих садах мы также делаем выводы из пересадок и прививок как диким, так и плодовым деревьям; прививки эти приносят много пользы. В некоторых цветниках и фруктовых садах мы искусственно заставляем деревья и цветы по-

являться раньше или позже, чем это полагается по времени года, и вырастать и плодоносить быстрее, чем естественно; мы делаем растения при помощи искусства гораздо больше и плоды их больше и слаще, чем они бывают от природы, а также придаем им вкус, запах, цвет и форму, отличающиеся от природных, многие из растений мы выращиваем так, что они употребляются в медицине.

У нас есть также средства заставлять разные растения расти без семян, смешивая почвы, а также создавать разные новые растения, отличающиеся от обычных, и заставлять одно дерево или растение обращаться в другое.

У нас есть также парки и огороженные места со всякими видами зверей и птиц; мы их держим не только как редкие экземпляры, но также для вивисекции и опытов, имеющих целью пролить свет на то, что может быть сделано с телом человека, при этом мы замечаем много странных явлений, как например продление жизни, хотя различные органы, которые вы считаете жизненными, погибают и потом восстанавливаются, оживление некоторых органов, которые кажутся мертвыми, и тому подобное. Мы также пробуем на животных разные яды, лекарства и хирургию. Искусственно мы делаем их выше и больше, чем их порода, и, наоборот, уменьшаем их и останавливаем их рост; мы делаем их более плодовитыми, чем их порода, или, наоборот, бесплодными, непроизводительными. Мы также многими способами делаем их различными по цвету, виду, деятельности. Мы находим способы смешения и скрещивания разных пород, что производит новые породы, и они не являются бесплодными, как это принято думать. Мы создаем ряд видов змей, червей, мух, рыб из гниения, некоторые из этих существ становятся более совершенными, подобно зверям и птицам, имеют пол и размножаются. Мы делаем это не случайно, но знаем заранее, из какого вещества и смеси какой род из этих созданий возникает.

У нас есть также особые пруды, где мы делаем опыты над рыбами так же, как я уже сказал раньше, над зверями и птицами.

У нас также есть места для разведения тех видов червей и мух, которые приносят специальную пользу, как у вас шелковичные черви.

Я не буду утруждать вас перечислением наших пивоваренных заводов, пекарен и кухонь, где готовятся различные напитки, сорта хлеба, мясные изделия, редкие и имеющие специальное действие. Мы делаем вина из виноградных лоз и напитки из другого сока или плодов, из зерен или корней; мы делаем также смеси меда, сахара, манны и сушеных и вареных фруктов, из древесного сока, из мякоти тростника. У нас есть также напитки, сваренные с травами, кореньями и пряностями и даже с жирами и белым мясом, причем некоторые напитки таковы, что они, по своему действию, представляют собой и напиток и мясо, почему некоторые люди, особенно пожилые, предпочитают питаться этими напитками, употребляя очень мало мяса и хлеба или не употребляя их вовсе.

И, прежде всего, мы стремимся иметь напитки из очень тонких частей, так чтобы они проникали в тело и притом без всякой едкости, остроты или раздражения; они настолько тонки, что если некоторые из них пролить на тыльную сторону кисти, то они, с небольшой задержкой, пройдут до ладони; при этом они очень мягки на вкус. У нас есть также воды, которые мы готовим таким образом, что они становятся действительно превосходными напитками, и многие не хотят употреблять других напитков. Хлеб мы делаем из разных зерен, корней, а некоторые сорта даже из мяса и сушеной рыбы с разными видами листы и приправами; некоторые сорта этого хлеба сильно возбуждают аппетит, а некоторые так питательны, что есть люди, питающиеся только ими, без мяса, и живущие очень долго.

Что касается мяса, то мы отбиваем его некоторые сорта и делаем их столь нежными (однако не скоропортящимися), что слабая температура желудка обращает их в млечный сок, так же как это сделала бы высокая температура желудка с мясом, приготовленным иначе.

У нас есть также сорта мяса, хлеба и напитков, после которых люди могут долго поститься; некоторые из них делают человеческие тела значительно более твердыми и крепкими и силу их гораздо больше, чем она была бы в другом случае.

У нас есть аптеки, в которых, как вы легко можете себе представить, ввиду богатства и разнообразия растений и живых существ большего, чем у вас в Европе (а мы знаем, что у вас есть), лекарственные травы, лекарства и составные части лекарств должны быть в соответствии больше разнообразия, чем у вас.

Мы имеем также лекарства разных возрастов и как результат брожения. Что касается их приготовления, то у нас есть не только все способы тонких перегонки и анализов, особенно при слабом нагревании, и процеживания через разные фильтры и вещества, но также точные формы составов, посредством которых лекарства готовятся почти такими, как если бы они были естественными лекарственными травами.

У нас есть также различные механические приемы, которых у вас нет, и вещества, сделанные при помощи этих приемов, как бумага, полотно, шелка, ткани, изящные изделия из перьев удивительного блеска, замечательные краски и многое другое; у нас есть также мастерские для таких изделий, которые не идут в общее пользование наряду с магазинами для тех изделий, которые идут в общее пользование. Вы должны знать, что многие из упомянутых вещей идут в употребление по всему государству, а некоторые, если они нами изобретены, мы оставляем как образцы.

У нас есть также разнообразные печи с разной степенью нагрева: резким и быстрым, сильным и постоянным, тихим и мягким, приводимым в действие раздуванием, сухим, влажным и т. д.

Кроме того, у нас есть способы создавать тепло в подражание солнечному теплу и теплу небесных тел, которое имеет разные

степени и как бы описывает орбиту, усиливается, возвращается,— чем мы можем производить удивительные эффекты. Затем у нас есть тепло от навоза, от желудков и утроб живых существ, а также от их крови и тел, от сена и сырой травы, от негашеной извести и т. д. Мы имеем приборы, которые производят тепло только движением, места для полной изоляции тепла и, наконец, места под землей, которые от природы или благодаря искусству производят тепло.

Эти различные виды тепла мы используем в зависимости от того, какого тепла требует природа того или иного действия, которое мы собираемся совершить.

У нас есть также перспективные дома, где мы демонстрируем разного рода освещение и излучение всех цветов; мы можем показать, как мы делаем цветными бесцветные и прозрачные предметы не путем спектрального разложения, как в драгоценных камнях и призмах, но используя эти предметы сами по себе.

Мы показываем также увеличение силы света, который достигает больших расстояний, и мы делаем его настолько сильным, что можем различать мелкие точки и линии; мы демонстрируем все окраски света, все иллюзии и обманы зрения в фигурах, движениях, красках, всевозможные демонстрации теней. Мы находим также разные средства, еще не известные вам, для получения света непосредственно из разных тел. Мы создаем приборы для созерцания далеких предметов как на небе, так и вообще в далеких местах и представляем близкие вещи как далекие, а далекие как близкие, создавая воображаемое расстояние. У нас есть средства помочь зрению гораздо лучше, чем очки и стекла, употребляемые обычно. У нас есть стекла и приборы для того, чтобы видеть маленькие и крошечные тела прекрасно и отчетливо, как например формы и окраску маленьких мух и червей, мелкие частицы и трещины в драгоценных камнях; эти приборы позволяют делать наблюдения в моче и крови, иначе невозможные. Мы делаем искусственные радуги, сияния и круги вокруг света. Мы даем все способы отражения, рефракции и мультипликации видимых лучей предметов.

Мы имеем также драгоценные камни всех родов, многие из которых весьма красивы и вам неизвестны; кроме того, у нас есть кристаллы и стекла разных видов, среди них некоторые из металлов, превращенных в стекло, и из других материалов, помимо тех, из которых вы делаете стекло. У нас есть также ряд ископаемых и необработанных минералов, которых у вас нет, а также магниты редкой ценности, как естественные, так и искусственные.

У нас есть также дома звука, где мы производим и демонстрируем все звуки и их происхождение. У нас есть гармонии, которых у вас нет, построенные на четверти тона и меньших долях звука, разные инструменты, неизвестные вам, некоторые из них нежнее, чем ваши, с колокольчиками и звонками, которые звучат изысканно и нежно. Мы производим маленькие звуки, как боль-

шие и глубокие, и, наоборот, большие звуки, как тонкие и острые. Мы производим разные дрожания и трели звуков, которые по своему происхождению целны; мы производим и имитируем все звуки и буквы, голоса и звуки животных и птиц. У нас есть известные приборы, которые, будучи приставлены к уху, значительно усиливают слух. Мы имеем также различные странные и искусственные эхо, отражающие голос много раз и как бы разбрасывающие его, и некоторые эхо, возвращающие звук громче, чем он был дан, и даже некоторые, делающие звук более пронзительным или глубоким, и некоторые эхо, изменяющие звуки и их артикуляцию по сравнению с тем, что было произнесено.

Мы имеем также дома запахов, где мы, кроме того, производим испытание вкуса; мы умножаем запахи, которые могут показаться странными; мы имитируем запахи, заставляя все запахи исходить из других смесей, чем те, которые обычно дают их.

Мы делаем также различные имитации вкуса так, что они обманывают вкус любого человека. В этом доме мы содержим кондитерскую, где мы делаем сласти сухие и влажные, разные приятные вина, разного сорта молоко, супы, салаты в гораздо большем разнообразии, чем вы.

У нас есть также дома техники, где готовятся машины и приборы для всякого рода движения. Там мы имитируем движения и стараемся создать более быстрые движения, чем те, которые производите вы посредством ваших мушкетов или какой-либо машины, которая есть у вас, и производим движения и умножаем их посредством колес и других приспособлений более легко и с небольшой затратой сил; мы стараемся сделать движения более сильными, чем у вас, так что они превосходят скорость выстрелов из ваших величайших пушек. Там представлены артиллерия и разного рода оружие, а также машины всякого рода, новые смеси и составы пороха, греческий огонь, горящий в воде, и неугасимые фейерверки всякого рода как для удовольствия, так и для пользы. Мы имитируем также полеты птиц; у нас есть несколько способов летания по воздуху; мы имеем корабли и лодки для плаванья под водой и на воде, плавательные пояса и другие средства держаться на воде. У нас есть разные замечательные часы и другие заводные приборы, а также несколько перпетуум-мобиле^а. Мы имитируем движение живых существ в изображениях людей, зверей, птиц, рыб и змей, а также имеем множество других движений, исключительных по качеству, красоте и тонкости.

Есть у нас дом математики, где представлены все приборы, геометрические и астрономические, сделанные с величайшей точностью.

Мы имеем также дома с обманами чувств, где мы демонстрируем все виды фокусов, ложных явлений, плутовства, иллюзий и их обманчивости. И, конечно, вы легко поверите, что мы, которые

^а Вечный двигатель.

имеем столько вещей, так похожих на естественные, которые вызывают удивление, могли бы обманывать чувства, если бы замаскировали эти вещи и поработали над ними, чтобы сделать их более чудесными. Но мы так ненавидим всякие мошенничества и ложь, что мы строго запретили их всем нашим людям под угрозой бесчестия, так что они не показывают никакой естественной работы или вещи в приукрашенном или преувеличенном виде, но только в чистом виде, как они есть, без всякого искажения и придания им таинственности.

Таковы, мой сын, богатства Соломонова дома.

Для некоторых институтов наших людей у нас есть двенадцать человек, которые ездят за границу под именами других наций, так как имя нашей нации мы скрываем; они привозят нам книги и извлечения из книг и образцы опытов из других стран; мы их называем «продавцами света».

У нас есть трое лиц, собирающих эксперименты, помещенные во всех книгах. Таких лиц мы называем «грабители».

У нас есть трое, которые собирают эксперименты из всех областей техники, свободных наук, а также те эксперименты, которые не использованы практически. Этим мы называем «люди тайн».

Затем у нас есть трое, проверяющие эксперименты, которые они сами считают хорошими. Этим людей мы называем «пионерами» или «рудодокопами».

У нас есть трое лиц, которые вычерчивают для экспериментов первых трех заглавие и таблицы для того, чтобы лучше осветить выводы из аксиом и наблюдений этих экспериментов.

У нас есть трое, которые склоняются, всматриваясь в эксперименты их товарищей, и обдумывают, как извлечь из них вещи, полезные и практичные для человеческой жизни и науки, а также для работ как ясную демонстрацию причин, средств естественных предсказаний и легкое и ясное обнаружение действий и частей тел. Этим людей мы называем «талантливые люди» или «благотетели».

Затем, после различных собраний и совещаний всех нас, которые рассматривают прежние труды и коллекции, мы имеем трех людей, которые заботятся о том, чтобы направить новые эксперименты на более высокую ступень знания, глубже проникающую в природу, чем прежде. Этим людей мы называем «светильники».

У нас есть трое других лиц, которые выполняют опыты, направленные предыдущими тремя, и делают доклады об этих опытах. Этим людей мы называем «делающими прививки».

Наконец, у нас есть трое, которые дополняют прежние открытия путем экспериментов более обширными наблюдениями и выражают их в аксиомах и афоризмах. Этим людей мы называем «толкователями природы».

У нас есть также, как вы сами понимаете, новички и ученики для того, чтобы прежние успехи не пропали; кроме того, много помощников и слуг, мужчин и женщин.

Мы также делаем следующее: совещаемся о том, какие изобретения и опыты должны быть опубликованы и какие нет, и берем со всех участников совещания клятву хранить в тайне те изобретения, которые считаем нужным держать в секрете, хотя некоторые из них мы иногда сообщаем государству, а некоторые не сообщаем.

Для наших обрядов и ритуалов мы имеем две очень длинные прекрасные галереи. В одной из них мы помещаем модели всевозможных редких и прекрасных изобретений, в другой — ставим статуи всех главных изобретателей. Там у нас стоит статуя вашего Колумба, который открыл Вест-Индию, затем изобретателя кораблей, статуя вашего монаха, который изобрел артиллерию и порох, статуя изобретателя музыки, изобретателя букв, изобретателя книгопечатания, изобретателя астрономических наблюдений, изобретателя работ из металла, изобретателя стекла, человека, открывшего шелк, изобретателя вина, человека, открывшего зерно и научившего печь хлеб, изобретателя сахара — всех их мы знаем по более достоверным традициям, чем вы.

Затем у нас много собственных изобретателей превосходных вещей, которые было бы слишком долго описывать, так как вы их не видели, кроме того, вам трудно было бы понять эти описания. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем статую изобретателю и даем ему щедрую и почетную награду. Некоторые из этих статуй — из желтой меди, некоторые — из мрамора и базальта, некоторые — из кедра и другого специального дерева, позолоченного и украшенного, некоторые — из железа, а некоторые — из золота.

У нас есть гимны и службы, которые мы произносим и совершаем ежедневно в хвалу и благодарность богу за его чудесные дела; мы имеем формы молитв, умоляющих его о помощи и благословении, о том, чтобы он просветил нас в наших трудах и помог бы нам хорошо и свято использовать их.

Наконец, мы совершаем объезды или посещения разных главных городов нашего государства, где, если это нужно, мы публикуем те новые полезные изобретения, которые мы считаем выгодными. Мы также объявляем научные предсказания болезней, чумы, появления масс вредителей, голода, бури, землетрясения, больших наводнений, кометы, температуры года и разных других вещей и даем советы относительно того, что люди должны делать для предотвращения этих явлений и борьбы с ними».

Сказав это, он встал, а я, как меня научили, опустился на колени, и он положил свою правую руку мне на голову и сказал: «Бог благослови тебя, мой сын, и бог благослови тот рассказ, который я произнес, я даю тебе разрешение опубликовать его на благо других наций, так как мы здесь под покровительством бога и страна наша неизвестна».

И так он покинул меня, назначив сумму около двух тысяч дукатов в пользу меня и моих товарищей, так как жители этой страны очень щедры, когда представляется случай проявить эту щедрость.

ДРАМАТУРГИЯ АНГЛИЙСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

ХЕЙВУД

209519

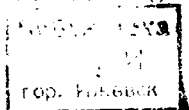
Джон Хейвуд (John Heywood, 1495 — ок. 1580) — один из пионеров английской ренессансной драмы. Обучался в Оксфордском университете. В качестве музыканта и поэта принимал деятельное участие в организации придворных празднеств. Большое значение имели его веселые интерлюдии, внесенные в елизаветинскую драму яркую струю народного театра. Это небольшие бытовые комедии, осмеивающие попов, монахов и продавцов индульгенций. Значительную роль играет в них буффонный элемент (потасовки, перебранки, лубочный комизм диалогов и пр.). Между прочим, традиционная для средневековых аллегорических представлений (моралитэ) фигура Греха (vice) трансформируется у Хейвуда в фигуру шута, клоуна, столь популярную в английской драматургии эпохи Возрождения (аптекарь из интерлюдии «Четыре П» или муж Джоан из «Забавной комедии о муже Джоане Джоане, о жене его Тиб и о священнике сэр Джане» («A merry play betweene Johan Johan the husbande, Tyb his wyfe, and syr Jhan the preest», 1533), которую мы и приводим с некоторыми сокращениями.

ЗАБАВНАЯ КОМЕДИЯ О МУЖЕ ДЖОАНЕ ДЖОАНЕ, О ЖЕНЕ ЕГО ТИБ И О СВЯЩЕННИКЕ СЭР ДЖАНЕ

Джоан Джоан — муж.

... Бог вам на помощь, господа,
Сбежала жена. Не знаю куда.
Молю, чтоб черт подрал бродягу.
Ну, попадетса она в передрягу.
Шатается только туда да сюда,
Найти не могу ее никогда.
Так бегают Антоньев боров
За ведьмой старой. Таков уж норов
Моей супруги, но лишь домой
Она вернется, о боже мой!
Клянусь я святою девой Крума,
Услышать придется вам много шума.

Пусть только она откроет дверь,
Готов уж я бить ее теперь.
В аду и в небе, скажу я, други,
Такой не найдете вы битой супруги.

А вдруг она сдохнет? Что тогда?
Меня повесят. Вот в чем беда.
Но коль ее бить, хоть задымится,
Все ж пользы мне этим не добиться,
Она не изменится совсем.
Так бить-то ее тогда зачем?
Ужели же бить ее не буду,
И будет она таскаться всюду,
И будет она строптива и зла?
Ну, как не бить за такие дела?

А бить ее буду рукой и ногой
С одной стороны, а потом с другой;
Жестокой лупцовки она добьется,
Небось, у меня не увернется.

Я денег в заклад поставлю немало,
Что она к своему попу убежала.
Боюсь, я обманут, словно дурак.
Я очень рад, коль это не так.
Готов я взбеситься, что невозможно
О барыне знать, что правда, что ложно.
Но знаю ведь я, что ходит туда
Немало и честных баб, когда
Угодно им скоротать в болтовне
Часок-другой, но моей жене
Желательно бегать слишком часто,
А я боюсь, неровен ведь час-то.

Коль это попробую я запретить,
На зло она будет к попу ходить,
Иль бегать к другому ей станет повадно.
А это будет мне также накладно.
Возможно и то, что болтают вздор,
И все уж окончено с давних пор.
Когда возвратится, начнутся упреки,
Но терпезу прошли все сроки.
Настала пора покаянья дуры:
Она разводиться перестанет амурь.

Т и б — ж е н а (входит).

Кого колотить ты собрался, дурак?

Д ж о а н .

О нет, нет, Тиб, ты слыхала не так.

Т и б.

Кому угрожал ты лупцовкой такою?

Д ж о а н.

Соленою мы запаслися трескою,
Ее колотить собрался я, когда
Настанет пост. Хороша, Тиб, еда.

Т и б.

Готов ты кричать, как мартовский кот,
Но нет никаких о хозяйстве забот.
Твое-то, скажи, хорошо поведенье?
К делам я не вижу ни толка, ни рвенья.

Д ж о а н.

Ну, что ты, жена? Какие дела?
Я рад, что ты, Тиб, здорова, цела.
Садись поудобней. Затоплена печка.
Согрейся скорее, родная овечка.

Т и б.

Джоан, не ладно с твоей женой,
И ночью я буду, конечно, больной.

Д ж о а н (в сторону).

Понятно теперь, где шлялась жена:
От сэра Джана вернулась она:
Когда у него она побывает,
То мне говорит, что она страдает.

Т и б.

Что ты бормочешь, Джоан, едва?

Д ж о а н.

Что барыне в гости на час иль два
Прилично ходить, чтоб развлекаться.

Т и б.

Да, сударь галантный, может статься.

Д ж о а н.

Ну, Тиб, пусть не будет меж нами ссор.

Т и б (в сторону).

Обычен меж нами такой разговор.
Не терпится все ж ему, коль нельзя
Ругаться иль бить.

Д ж о а н (в сторону).

Скажу я не ложно,
Что если б с сэром Джаном жена иногда
Не виделась тайно, стряслася беда.
Поп в постели дает ей грехам отпущенье,
А то бы издохла она, без сомненья.

Т и б.

Так знай, Джоан, испекли мы пирог.
Сэр Джан, священник, деньгами помог.
Пекла я его с своею кумой,
Ты знаешь, с Марджери. Ею самой
И маленькой Анной размешано тесто.
Своей прогулки не скрыла я место.

.
Мы попируем. Пирог — вот он.
Ты полюбуйся, как он испечен.

.
Я знаю, смущает тебя небылица,
Но лжи доверять, Джоан, не годится.

Д ж о а н.

Довольно раздоров, скажу я в ответ.
Тебя, Тиб, люблю я, а ты меня — нет.
Но чтоб не остыл отличный пирог,
Его мы поставим на теплый шесток.

Т и б.

Мы попируем теперь отлично,
Но, я так думаю, было б отлично
Позвать сэра Джана, чтоб съесть кусок.

Д ж о а н.

Я рад, чтоб он в этом нам помог.

Т и б.

А коль желаешь его угостить,

Тебе надлежит к сэру Джану сходить.
Чтоб вечером он пришел к нам на ужин.

Дж о а н (в сторону).

Какого черта священник нужен?
Но так как уже я дал ей ответ,
Я не решусь возразить ей: «нет»,
Такая начнется у нас перепалка.
Ах, черт возьми, мне было б не жалко,
Коль поп провалился с моей женой.

Т и б.

Что говоришь ты?

Дж о а н.

А то, что мной

Почтен он, и с ним я связан духовно.
Иди же за ним, а я любовно
Пирог сохраню до прихода назад.

Т и б.

Джоан, ты отправишься, рад иль не рад.
С какой же стати идти мне самой.
Ну, отправляйся!

Дж о а н.

О боже мой!

Нет, мне отправляться к нему неприлично.

Т и б.

Я так хочу, и это отлично.

. . .

Дж о а н.

Скажу я тебе: коль остынет пирог,
Ты не получишь соломы пучок.

Т и б.

Ты все еще здесь иль вернулся? Ну, ладно!
Иди же, иль будет тебе накладно.
Дождешься, мерзавец, ты тумака
Такого, что будет звенеть башка.

Джоан (в сторону).

Ну, вот! Коль она ругаться стала,
Я вижу, идти мне пора настала.
Пословицу знаю: коль черт схватил,
То лезь ты в пекло, не тратя сил.

(Он идет к дому священника.)

Позволит ли сыну отец духовный
Войти иль это поступок греховный?

Сэр Джан — священник.

Я слышу в дверях какой-то стук.
Джоан Джоан, это ты, мой друг?

Джоан.

Мы просим вас, сэр, весьма умильно,
С женой мы это желаем сильно,
Чтоб вы, сэр Джан, удостоили нас —
На ужин пришли к нам в вечерний час.

Сэр Джан.

Прошу извинить. Не могу явиться.

Джоан.

Я умоляю вас, сэр, потрудиться,
А коль уговоры мои не сильны,
Исполните просьбу моей жены,
Хотя бы, сэр Джан, из чувства приязни.

Сэр Джан.

Прийти не могу я в твой дом по боязни
Внести к вам раздор. Извинись пред женой,
А ужинать будешь ты здесь со мной.

Джоан.

Иль пробежала черная кошка
Меж вами? Повздорили вы немножко?
Ужели, сэр Джан, у вас с нею вражда?

Сэр Джан.

Скажу по секрету — не в этом беда.
Жену нелегко найти такую —

Умную, дельную и незлую.
Все знаю. Ведь я ее духовник,
И взглядом я в сердце ее проник.
В ней нет порока, она честна,
И только одна у нее вина.
Но дело в том, что она недовольна:
Бранить мне ее приходилось невольно,
Но делал я это ради добра.

Д ж о а н.

Коль это возможно, скажите: вражда
Ужели возникла?

С э р Д ж а н.

К несчастью — да.
Тебе поведаю все по секрету.

Д ж о а н.

Не проболтаю я тайну эту.

С э р Д ж а н.

Я все открыто скажу теперь,
А ты мой рассказ, Джоан, проверь.
Ее упрекал я неоднократно,
Что поступает она превратно
Тем, что не может без ссоры прожить,
О вечных раздорах с тобою забыть.
Гнев на меня ее сильно гложет.

Д ж о а н.

О нет, сэр Джан, это быть не может.

.
А теперь, сэр Джан, ответ мне нужен:
К кому вы пойдете сегодня на ужин?

С э р Д ж а н.

Признаться, Джоан, мне все равно.
С моими друзьями у нас решено.
Их двое иль трое... То было в субботу...
Явилась у них большая охота
Сегодня вечером вместе сойтись.
Тогда мы достать угощенье взялись.

Вот каждый решил принести, что мог.
А я обещал, что дам им пирог.

.

Д ж о а н.

Ну, вот, для меня все стало ясно,
Я все понимаю теперь прекрасно.
Друзья эти были — жена сама
И Марджери с нею, ее кума,
И Анна, младшая дочь соседа,
И ваша милость, сэр Джан. Беседа
Велась у вас, кто купит еду.

С э р Д ж а н.

Теперь, Джоан, я охотно пойду.

Д ж о а н.

Давно все готово, и время пришло...
Лишь за задержку мне б не влетело.

(Они возвращаются в дом Джоана.)

Т и б.

Ты долго шатался, как всегда.
Скажи мне на милость, — где вода?
Пред ужином нужно умыть нам руки,
Застыл ты, дурень! Ох, много скуки
С тобой, Джоан. За водой иди.

Д ж о а н.

Ох, снова брань! Да ты погляди:
Мы с сэром Джаном явились вместе.

Т и б.

Иди, проклятый, не стой на месте.

Привет тебе, мой ненаглядный!
Ну, ужин будет у нас изрядный.

Д ж о а н (в сторону).

Вот поглядите, как поп к ней льнет.
Постой, приятель, придет твой черед.

(Уходит.)

Сэр Джан.

Клянусь я небом, надул я болвана,
Не раскусил Джоан обмана.
Нарассказал я дурню чудес,
Попал он будто б в дремучий лес.
Ну, посмеемся мы, друг мой, славно.

Тиб.

Ну, расскажи, чтоб мне было забавно.

Сэр Джан.

Я все расскажу, но не теперь;
Ты слышишь — он открывает дверь.

(Джоан входит.)

Джоан.

О, черт подери! Что здесь творится!
Я об заклад готов с вами биться,
Что ластился поп.

Тиб.

Уж ты прилез!
Давай же воду!

Джоан.

Попутал бес.
Вода в ведерке была по краю.
Я видел отлично, я это знаю.
Потом посмотрел, воды уж нет.
Поднял я ведро. Посмотрел на свет,
А с боку-то щель, да еще большая,
Да ты посмотри, жена, какая!

Тиб.

А ты заткнул бы дыру.

Джоан.

Но как?

Т и б.

Да воском, конечно. Вот дурак!

Д ж о а н.

А воск-то где?

С э р Д ж а н.

Да вблизи от печки
Там, на столе, лежат две свечки,

Джоан Джоан, мудрено ужель
Взять этот воск и заткнуть им щель?

Д ж о а н.

Да он, что камень.

С э р Д ж а н.

Да воск от свечки
Погрей немного у этой печки.

Т и б.

Что ты ворчишь?

Д ж о а н.

Вот твердый воск!
Ломаю я пальцы, кладу себя в лоск.
Возьмите пирог. Подгорит, коль дольше
Он будет стоять. Будет места больше.

Т и б.

Да мни же ты воск.

Д ж о а н.

Что стоять у стола?

(В сторону.)

Боюсь натворю я беды со зла.

(Сэр Джану.)

Садитесь, сэр Джан, прошу вас умильно.

Т и б.

Да мнешь ты воск недостаточно сильно.
Садитесь за ужин, прошу вас, сэр Джан.

Д ж о а н (в сторону).

При чем я останусь, глупый баран,
Ужель не дадут мне хоть малый кусочек?

Т и б.

Мни воск усердней, милый дружок.

С э р Дж а н.

Джоан Джоан, ты порадуй меня.
Скажи, хорошо ль тебе там у огня?

Д ж о а н.

Благодарю вас, сэр Джан почтенный.
Здесь мне удобно, а воздух отменный.

Т и б.

Воск рогоносец усердно мнет,
Сюда и лицо он не повернет.

С э р Дж а н.

Скажи, куманек: как идет работа?

Д ж о а н.

Идет. (В сторону .) Навязалась лихая забота.
Болят мои руки. На жарком огне
Глаза растопились, и душно мне.
Вот так придумали затею!
А я повернуться к ним не смею.

Т и б.

А он там усердно все мнет свой воск.
Готов уложить себя он в лоск,
Чтоб не было в старом ведре изъяна.
Да, недурна у меня обезьяна!

Дж о а н (в сторону).

Пускай обоих пожрал бы ад —
Ее и его. Я был бы рад,
Чтоб они пирогом своим подавились,
Чтоб в преисподнюю они провалились.

Т и б.

Джоан Джоан, не пойму никак,
О чем ты ворчишь, чем обижен так?

Дж о а н.

Да разве не бьюсь над ведром довольно?
Так мну я воск, что пальцам больно.

С э р Дж а н.

Не ворчи на ярмо, Джоан Джоан!
Смирись! Такой тебе жребий дан.

Дж о а н (в сторону).

Вот, бритый, жрет! Не лопнет утроба,
Пускай, проклятый, дожрался б до гроба.

Скажи, сэр Джан, хорош был пирог?
Урвать я малый кусочек не мог.

Пирог-то вы съели весь без остатка.
Вы пьете вместе, едите сладко.
Вам хорошо за столом вдвоем,
А мне-то как торчать пред огнем.

Эх, черт возьми! А воск холодный.
Ужели и спать я уйду голодный?

Т и б.

Пока свой воск ты мял при огне,
Тебя мы кормили. Ты сыт вполне.

Дж о а н.

Какое же вы давали мне блюдо?

С э р Дж а н.

Тебя, Джоан, мы кормили не худо,
И пивом, и хлебом. Ты ел пирог,
Ужель ты насытиться этим не мог!

Д ж о а н.

Нет, сударь.

Т и б.

Мы к печке носили пиво.
Ты ел пирог. Не помнишь? Вот диво!

Д ж о а н.

С ума ль я сошел? Да что они врут?
Ничего я не пил. Я работал тут.

Т и б.

А мясо не ел ты, Джоан? Неужели?

Д ж о а н.

Нет, ни кусочка. Вы сами все съели.

Т и б.

И пиво не пил ты?

Д ж о а н.

Ни росинки.
От голода я слабее былинки.

С э р Дж а н.

Как жаль мне тебя. Клянусь головой!

Т и б.

Да правда ль! А где же ужин твой?

Д ж о а н.

Не ел я.

Т и б.

Ты лжешь!

Д ж о а н.

Нет, это верно.
Себя я чувствую очень скверно.

Т и б.

А где ты был?

Д ж о а н.

Я здесь стоял.

Т и б.

А что ты делал?

Д ж о а н.

Да воск я мял.
Эх, я женат. Прошло мое время,
Нести я должен тяжелое бремя.
Лицо я свое у огня опалил,
Одежду прожег я, глаза ослепил.
Терпеть мне все это нет уж мочи.
Ужели у печки торчать мне до ночи,
Чиня ведро — этот сгнивший хлам?
Оно развалилось, смотри, пополам.
Пока голодал я, вы, подлая пара,
Меня не кормили, держали у жара.
Нет! Будет! Довольно! Уж я не дурак.
Возьмите ведро. Посмотрю я, как
Чинить вы приметесь эту гнилость.

Т и б.

Ах ты, бездельник! Скажите на милость,
Ведро сломал. Так постой, болван.
Где прялка? Где ножницы? Ну, баран,
Острижен ты будешь. Кровь потечет.

Д ж о а н.

Ну, нет, подожди! Настал расчет,
Не двигайся с места, иль ждет оплеуха
Тебя, проклятая, мерзкая шлюха.
Получишь ты в морду лопату углей.

Т и б.

Из дома гони подлеца смелей.

Д ж о а н.

Сама убирайся ты с бритым хрычом.

С э р Д ж а н.

Тебе подлецу солгать нипочем.

Д ж о а н.

Ну, убирайся, иль в морду я дам.

.

Т и б.

Ну, сунься!

Д ж о а н.

Попробуй!

С э р Д ж а н.

Нет, сунься сам!

.

Т и б.

Бей его, сэр Джан! Бей его с размаху!

Д ж о а н.

Святой Георгий! Не знаю я страха.

(Тут они дерутся некоторое время, а затем сэр Джан и Тиб уходят.)

Ах, господа, а бил я их как!
Над ними трудился здоровый кулак,
Их обработал по милости бога.
У них синяков, наверно, много.
Отсюда они убежали вдвоем.
Теперь я хозяин в доме своем!
Куда ж убежал священник с нею?
К себе, должно быть. Думать не смею,
Что она там осталась и что рога
Они мне наставят. Мне честь дорога,
Однако ж, какого дал я маху!
И натерплюсь теперь я страху.
Ну, вот, побегу скорее туда.
Прощайте же, знатные господа.

К о н е ц.

ГРИН

Роберт Грин (Robert Greene, ок. 1560—1592) — один из наиболее талантливых предшественников Шекспира. Учился в Кембридже и Оксфорде, в 1583 г. получил степень магистра искусств. Путешествовал по Европе, вел беспорядочный образ жизни, умер в нищете. Как писатель Грин испытал свои силы в самых разнообразных жанрах. Он писал прециозные романы в подражание Лили, новеллы, пасторали, а также памфлеты и драмы, в которых особенно полно обнаружил свою творческую самобытность. Из новеллы «Пандосто» Шекспир заимствовал сюжет своей «Зимней сказки». К 1591 и 1592 гг. относятся его памфлеты, направленные против преступного мира Лондона, с жизнью и повадками которого он был хорошо знаком. В замечательном памфлете «Щелчок выскочке придворному, или остроумный спор между бархатными и полотняными штанами» (1592) Грин поднимается до острой социальной сатиры, обрушиваясь на праздную знать, высасывающую последние соки из трудового народа. Обличительные памфлеты Грина полны бытовых реалистических черт, в них мы не найдем следов эвфуизма, господствующего в прециозных романах и новеллах писателя. Из числа пьес Грина наибольший интерес представляют те, в которых он изображает жизнь родной Англии, черпая свои сюжеты из английских народных сказаний, легенд, хроник, песен и пр. Это «Шотландская история короля Иакова IV», «История монаха Бэкона и монаха Бонгея» (1591), написанная по мотивам английской народной книги конца XVI в. о чудесных деяниях чернокожики Бэкона, и, наконец, крупнейшее и, видимо, самое позднее создание Грина «Занимательная причудливая комедия о Джорже Грине, полевом стороже Векфильда» («A Pleasant conseyled comedie of George a Greene, the Pinner of Wakefield»). Источником этой пьесы послужили народные предания и песни о Джорже Грине, который наряду с Робин Гудом принадлежал к числу наиболее любимых народных героев Англии. Комедия изображает восстание графа Кэндала и других английских феодалов в союзе с шотландским королем Иаковом против Эдуарда III (XIV в.). Восстание терпит неудачу из-за находчивости и смелости Грина. Последний рисуется в пьесе с большой теплотой. Он храбр, великодушен, предан своему долгу, а также исполнен чувства собственного достоинства. Когда благодарный король хочет возвести его в рыцарское звание, он отказывается от этой монаршей милости, желая остаться простым йоменом, каким был и его отец. В пьесу введен ряд побочных мотивов (любовь шотландского короля Иакова к прекрасной Ржэн Барлей, бегство Беттрис, возлюбленной Грина, из отцовского дома), а также эпизоды, рисующие жизнь народа (в одном из них выступает Робин Гуд).

Демократические симпатии Грина ярко проступают в этой комедии, в которой впервые в английской литературе крестьянин изображен в героических тонах. Народный характер творчества Грина был ясен и современникам, считавшим его единственным народным драматургом Англии (отзыв Генри Четтля, 1593).

ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ ПРИЧУДЛИВАЯ КОМЕДИЯ О ДЖОРЖЕ ГРИНЕ, ПОЛЕВОМ СТОРОЖЕ ВЕКФИЛЬДА

Действующие лица

ЭДУАРД, король Англии.	НЭД БАРЛЕЙ.
ИАКОВ — король Шотландии.	ГРАЙМ.
ГРАФ КЭНДАЛЬ.	ДЖЭНКИН, помощник Грина.
ЛОРД БОНФИЛЬД.	УИЛИ, мальчик у Грина.
ЛОРД ХЬЮМС.	ДЖОН.
Сэр ДЖИЛЬБЕРТ АРМСТРОНГ.	СУДЬЯ.
Сэр НИКОЛАС МЭННЕРИНГ.	Горожане, солдаты, вестники и пр.
ДЖОРЖ ГРИН.	ДЖЭН БАРЛЕЙ.
МОСГРОВ.	БЕТТРИС, дочь Грайма.
КОДДИ, его сын.	

АКТ I

СЦЕНА 1-я. В БРЭДФОРДЕ

(Входят граф Кэндаль, с ним лорд Бонфильд, сэр Джильберт Армстронг и Джон.)

Кэндаль.

Приветствую я в Брэдфорде обоих,
Лорд Бонфильд и Сэр Джильберт Армстронг, вас.
И все войска вплоть до последних слуг.
Добро пожаловать! Нас ждет успех.
За Англию мы поднимаем меч.
Идем же в бой и за нее падем!

Все.

Готовы мы.

Кэндаль.

Согласнем своим, друзья, почтили
Вы Момфорда, владетеля Кэндаля,
И здесь я на мече своем клянусь
Спасти всех угнетенных иль погибнуть.
Так знайте, лорды, что король шотландский
Уж выступил и перешел границу.
Его посланник здесь. Скажи, Джон Тэйлор,
С какими ты вестями?

Джон.

Поистине я с добрыми вестями:
Двадцать шестого, коль господь позволит,
Король Иаков будет здесь.

Кэндаль.

Друзья мои, должны мы одолеть.
Джон, передай привет мой королю.
Двадцать шестого встречу я его
С вожжами, а теперь — счастливый путь.

(Джон уходит.)

Скажи мне, Бонфильд, почему ты мрачен?
Будь веселей. Когда я, Генри Момфорд,
Воссяду на престол, то будь покоен,
Ты герцогом над Ланкаширом будешь,
Донкастерским же лордом будет Армстронг.

Бонфильд.

Меня смущает более всего,
Что не хватает пищи для солдат.
Недурно нам пограбить мужичье.
Тогда другие станут опасаться
И нам припасы будут доставлять.

Армстронг.

Лорд Бонфильд нам дает благой совет.
Они упорно не дают припасов,
А что у нас, то взято нами силой.
Пусть Мэннеринг ответит.

Кэндаль.

Ну, Мэннеринг, что нам ответишь ты?

Мэннеринг.

Когда приказ твой мною был объявлен,
Какой их был ответ?
Они фураж лишь лошадям прислали.

Кэндаль.

Отправься в город Векфильд и вели
Доставить нам все нужные припасы,
А то, как Тамерлан, я разгромлю
Всю их округу.
Всех непокорных ожидает смерть.

Мэннеринг.

Лишь ты доверься мне, мой лорд, смириться
Я каждого заставляю, кто б он ни был,

Надменный рыцарь иль судья. Так двину
Его я, что другие все смутятся.

Кэндаль.

Ник, сделай так. Скорее отправляйся
И о себе нам завтра сообщи.

Мэннеринг.

Мой лорд, вы остаетесь здесь?

Кэндаль.

Я в Брэдфорде пробуду эту ночь,
А также завтра. Бонфильд, мы пойдем,
Чтоб отыскать веселеньких девчонок.

СЦЕНА 2-я, В ВЕКФИЛЬДЕ

(Входит судья, граждане, Джорж Грин и сэр Николас Мэннеринг со своей грамотой.)

Судья.

Сэр Мэннеринг, отойдите в сторону. Пока мы совещаемся, как лучше поступить. Граждане Векфильда, граф Кэндаль прислал к нам за провиантом, а помогая ему мы становимся изменниками перед королем. Поэтому, сограждане, прошу вас сказать свое мнение.

Граждане.

Как и ты, так и мы,— одного мненья.

Судья.

Итак, сэр Мэннеринг, мы решили.

Мэннеринг.

Что?

Судья.

Конечно, так: мы не пошлем графу Кэндалю никаких припасов, потому что он изменник королю. Помогая ему, мы становимся такими же изменниками.

Мэннеринг.

Послушайте, векфильдцы, вы безумны.
Ужель не заставляет вас опасность

Благоразумно выдать нам припасы?
У графа войско силой в тридцать тысяч,
Он уничтожит и сравнит с землей
Тот город, что ему перечить будет.
Глупцы, к своей вы гибели стремитесь.
Пошлите графу нужный провиант.
Жалея вас, не подойдет он ближе
К Векфильду.

Судья.

Сэр Мэннеринг, ты получил ответ
И можешь удалиться.

Мэннеринг.

Ну, хорошо, Удроф, коль так тебя зовут, ты проклянешь свой дерзкий отказ. Все сидящие на этой скамье оплачут тот час, когда они не исполнили приказ лорда.

Судья.

Делай что хочешь — мы тебя не боимся.

Мэннеринг.

Вы видите печати? До тех пор, как вы вернетесь в город, получу я все, что нам нужно.

Джорж.

Эй, гордый шут, ты судьям поклонись.
В них видишь самого ты короля.
Иль вылетишь ты головой вперед.

Мэннеринг.

А ты-то кто?

Джорж.

Так знай, что Джорж я Грин,
Я верен королю.
Скажи, изменник, как решился ты
Нахальным быть пред этими людьми?
Вы на скамье, сограждане, соседи,
Мы королю Британии верны.
Мы англичане и друзья Эдуарда
С тех пор, как мы зачаты. Наши думы
Принадлежат Творцу, сердца — монарху,
Имущество, почтенье и тела —

Для одного Эдуарда, а для вас,
Изменников, остались лишь мечи,
Готовые умыться вашей кровью,—
Умрем скорей, чем вам дадим припасы.

Судья.

Ну, Джорж наш Грин, ты здорово сказал.

Гражданин.

Пускай же Грин за нас ему ответит.

Джорж.

Ну, сэр, припасов нет. Чтоб вас спасти,
Мы не дадим и бычьего копыта.

Мэннеринг.

Я наглостью твоею поражен.
Итак, решился ты перечить лорду?
Не знаешь ты, как он могуч и силен.
Пойми же, друг, не от себя пришел я.
На грамоту вот эту погляди.

Джорж.

Дай посмотреть. А чьи печати эти,
Скажи ты мне.

Мэннеринг.

Смотри сюда, вот Кэндала печать.
Вот Бонфильд приложил сюда свою.
Вот тут свою печать привесил Армстронг.

Джорж.

А я скажу вам, сэр: если бы сын доброго короля Эдуарда приложил печать к такой грамоте против короля, своего отца, я назвал изменнику разорвал бы ее так.

(Разрывает приказ.)

Мэннеринг.

Как? Ты разорвал порученье моего лорда? Ты раскаешься в этом, а также весь Векфильд.

Джорж.

Что с вами? Иль у вас желчь разлилась? Я вам дам пилюли, что охладят ваш желудок. Теперь клянусь душой моего отца, а он был честным йомэном, вы, гордый рыцарь, проглотите эти печати иль острие моего кинжала.

Мэннеринг.

Это шутка, надеюсь.

Джорж.

Вы это увидите раньше, чем мы расстанемся.

Мэннеринг.

Коль нет другого выхода, ничего не поделаешь. (*Глокает печать.*) Прощу тебя, Джорж, довольно одной.

Джорж.

Если одна прошла благополучно, то и другие не повредят. Ну-ка, сэр.

(*Мэннеринг проглатывает остальные печати.*)

Теперь, сэр, вы можете идти к графу Кэндалю и все рассказать ему. Хоть я разорвал его большую грамоту, но из уваженья к нему посылаю через вас все печати.

Мэннеринг.

Сэр, я исполню ваше порученье. (*Уходит.*)

Джорж.

Пускай он передаст своему лорду, что он говорил с Джоржем Грином, известным полевым сторожем города Векфильда, у которого найдется лекарство для дураков и пилюли для изменников своему государю. Граждане, довольны ли вы тем, что я сделал?

Судья.

Довольны, Джорж.
Достойно отстоял ты честь Векфильда,
Так рыцаря надменного смирил.
Сегодня будь ты гостем у меня.
Награду заслужил ты и почет.

(*Все уходят.*)

(Входят лорд Бонфильд, сэр Джильберт Армстронг, Грайм и Беттрис, его дочь.)

Бонфильд.

Любезный Грайм, ты угостил нас знатно.
Твой стол был царским, и привет — радушным,
Ты так любезно потчевал всех нас,
Что верного найдешь во мне ты друга,
Когда с победой мы сюда вернемся.

Грайм.

Привет по сану, мой любезный лорд.
К чему судьба богатства нам дает?
Не для того ль, чтоб высших нам почитать?

(В сторону.)

Да, тяжело изменникам мне льстить,
Но жизнь сладка. А что могу я сделать?
Надеюсь, покарает их господь.

Армстронг.

Что говоришь ты, Грайм?

Грайм.

Глядя на дочь, сэр Джильберт, проклиная
Тот час, когда я получил ее.
Ей дела нет до женихов богатых,
А много их, но об одном мечтает.
В мужья она желает Джоржа Грина.

(Входят граф Кэндаль и сэр Мэннеринг.)

Кэндаль.

Иди за мною, Ник.

Бонфильд.

Мой лорд, какие вести?

Кэндаль.

Такие вести, что смеяться будешь,
Да и сердиться сильно, услышав,
Как с Ником нашим поступили. Судьи
Упрямылись, а Ник, ты знаешь, дерзок.
Потребовал с угрозой он припасы.

Они, смутясь, смотрели друг на друга,
Готовые поддаться, но явился
Джорж Грин какой-то, сторож полевой,
Кинжал свой обнажил, схватил он Ника,
И, объявив изменниками нас,
Приказ он разодрал, его ж заставил
Под страхом смерти проглотить печати.
Испуганный, сюда вернулся Ник.

Беттрис.

Прекрасный Джорж, о будь всегда счастливым.
Как мыслями высок ты! Пусть судьба
Тебе дает все то, что ты желаешь.

Бонфильд.

Что говорит красotka Беттрис?

Грайм.

За Джоржа Грина молится она,
Любить она согласна лишь его.

Бонфильд.

Его? Ты на меня взгляни, красotka.
Ухаживал вчера я за тобой,
Клялся, что я женюсь, назад приехав.
Моя любовь, ужель ты мне откажешь?

Беттрис.

И граф, и рыцарь мне постылы,
Не нужен мне барон.
Люблю я Джоржа всею силой,
Сердечный друг мой — он.

Бонфильд.

Напрасны разговоры все, мой лорд,
Мы голову пришлем ей Джоржа Грина.

Кэндаль.

Пусть будет так. Спасибо, Грайм, тебе.
Запри ты дочь, смири ее порывы,
Пусть будет тут, когда к тебе вернусь,
И береги ее, как жизнь свою.

Г р а й м.

Мой лорд, даю я слово.

(Уходит Грайм и Беттрис.)

К э н д а л ь.

Его покинув, пусть меня полюбит.
Мне хочется увидеть Джоржа Грина.
Пусть будет так:
Свои войска я Нику поручу,
А мы втроем направим путь свой в Векфильд.
Сегодня Джорж лишится головы.

А К Т II

СЦЕНА 1-я, ОКОЛО ЗАМКА СЭРА ДЖОНА БАРЛЕЙ

(Входит Шотландский король Иаков, лорд Хьюмс с солдатами и Джон.)

И а к о в.

Здоров ли Кэндаль? Как его дела,
Хорошее сюда ведет он войско?

Д ж о н.

Да, государь, войска вполне надежны,
Что вместе с ним идут.

И а к о в

Он встретился с тобой под Скрэбельси.
Когда святой Андрей поможет мне,
Я утром рано повстречаюсь с ним.
Но тише! Чей красивый это мальчик?

(Входит сын Джэн Барлей Нэд.)

Н э д.

Сэр, Джону Барлей прихожусь я сыном,
Один я сын у матери моей,
Зовусь Эдуардом я.

И а к о в.

Куда же ты идешь, мой милый Нэд?

Нэ д.

Охотиться за птицами хочу я.
На время мой учитель нас покинул,
И я могу теперь стрелять из лука.
Когда он тут, я книгами лишь занят.

И а к о в.

Ты на лицо его взгляни, лорд Хьюмс,
По красоте он вышел в лэди Джэн,
Могла родить Елену только Леда.
Скажи мне, Нэд, кто с матерью твоей?

Нэ д.

При ней одни лишь слуги. Коль хотите
С ней говорить, в ворота постучите.

И а к о в.

Стучи в ворота, Джон.

(Джэн Барлей показывается на стене.)

Д ж э н.

Измена! Чьи войска стоят у замка?

И а к о в.

Не бойся, Джэн, — мон все эти люди,
И все — твои друзья, коль друг ты мне.
Король шотландский я, в тебя влюбленный.
Свою любовь я в письмах излагал,
Описывая в них всю страсть свою,
Мое же сердце истекало кровью.
Напрасно было сватовство мое,
Наверное, помехой был твой муж.
О милая, я выбрал это время,
Узнав, что мужа твоего нет дома,
И здесь я, чтоб желанного добиться.

Нэ д.

Потише, сэр, сюда вы не войдете,
Коль повредить хотите Джону Барлей,
Желая обесчестить мать мою.

И а к о в.

Как обесчестить, Нэд?

Нэд.

Хоть молод я,
Но слышал, как отец мой повторял:
«Позора хуже нет, чем быть рогаатым».
Будь взрослым я, будь сильным, я стрелой
Пронзил бы десять королей, когда бы
Отец от них мог получить рога.
Ворота, мать, ему не открывай,
Я к мельнику отправлюсь ночевать.

Иаков.

Держи его.

Джэн.

О, милый Нэд, достойный ты ответ
Дал королю.
Хотя б восстал из гроба Цезарь сам,
В величии минувшем облеченный,
Он не склонил меня обидеть мужа.
Король Иаков, без сомненья, шутит,
Чтоб посмотреть, в каком я настроенье,
Он не привел бы войска, чтоб всю похоть
Шотландскую солдатам показать.

Иаков.

О Джэн, клянусь тебе!

Джэн.

Не продолжай, король, клянуся я
Всевысшим богом,
Карающим грехи, что никогда
Моей любви, король, ты не добьешься.

Иаков.

Так слушай же, клянусь святым Андреем,
С землею я сравню замок твой,
Когда ты мне ворота не откроешь.

Джэн.

Тебя я не боюсь, король Иаков.
Ты силою в наш замок не проникнешь;
К тому ж сэр Джон домой вернется завтра.

И а к о в.

Коль презираешь, Джэн, мою любовь,
Тебя сломлю я страшной, крайней мерой.
Клянусь душой отца, ублюдок твой
Зарезан будет пред твоим лицом,
Коль ворота ты замка не откроешь.

Д ж э н.

Мне кажется, что сердце разорвется.
Малютка Нэд бледнеет от испуга.
Будь смел, мой Нэд, а я не ослабею.

Н э д.

Но только не лишай меня ты чести.

Д ж э н.

Коль ты умрешь, мой Нэд, я жить не буду.

Н э д.

Умри же с честью, умирая чистой.

Д ж э н.

Готова я!
Любовь супруга, честь его и слава
Дает мне силу. Ну, король Иаков,
Коль слезы материнские тебя
Смягчить не могут, пусть погибнет сын,
Но сохраню я честь его отца.

И а к о в.

Так пусть умрет.

(Тревога, входит вестник.)

В е с т н и к.

Король, Мосгров подходит.

И а к о в.

Мосгров? Да, черт возьми, он уж вблизи.
Коня!

(Все уходят.)

СЦЕНА 2-я

(Входят старый Мосгров и пленный король Иаков.)

Мосгров.

Король Иаков, ты теперь мой пленник.

Иаков.

Не твой я пленник, а своей судьбы.

(Входит Кодди.)

Кодди.

Отец, победа наша! Их знамена
Мы захватили.
А Хьюмса я убил своей рукой.

Мосгров.

Бог и Святой Георгий!

Кодди.

Отец, я пить хочу.

Джэн.

Поди сюда, мой Кодди. Пей ты вволю
И короля с собою пригласи.
Не мог войти он из-за нашей ссоры.

СЦЕНА 3-я, в ВЕКФИЛЬДЕ

(Джорж Грин. Входят переодетые граф Кэндаль, лорд Бонфильд и Джильберт Армстронг с отрядом.)

Кэндаль.

Пустив своих лошадей в пшеницу, мы спрячемся и посмотрим,
как станет ругаться полевой сторож.

(Входит Джэнкин, трубя в рог.)

Джэнкин.

Хозяин, у нас добыча!

Джорж.

Какая добыча?

Д ж э н к и н.

Три хорошие лошади в нашем пшеничном поле.

Д ж о р ж.

Три лошади в пшенице? Чьи они?

Д ж э н к и н.

Вот в этом и загадка, черт возьми! Но там они — бархатные жеребцы. Никогда не видал я таких. Как полагается, я снял шапку и сказал им: «Господа, что вы делаете в нашем поле?» Один из них, услышав мой голос, поднял голову и заржал — расхохотался по-своему от всей души, как будто к нему привязали кобылу. «Господа, — сказал я, — тут смеяться нечему. Если хозяин мой вас накроет, то вы отправитесь в загон». Один неподатливый одер, услышав угрозу, начал лягаться, как будто говорил: «Черт с ним, с загоном! Черт подери твоего хозяина!» Услыхав это, я надел свою шапку, начал дуть в рог, обозвал их клячами и пришел к тебе.

Д ж о р ж.

Отправляйся и загни их.

Д ж э н к и н.

Послушай, не лучше ли захватить с собой констэбля?

Д ж о р ж.

К чему?

Д ж э н к и н.

Да эти господские лошади могут обидеться и не пойти со мной.

Д ж о р ж.

Иди и делай, как велено.

Д ж э н к и н.

Иду.

(Граф Кэндаль, Бонфильд и сэр Джильберт Армстронг останавливают Джэнкина.)

К э н д а л ь.

Куда ты?

Д ж э н к и н.

Куда? Иду загонять лошадей.

Кэндаль.

Дурак, эти лошади — наши; мы их пустили в пшеницу, и там они останутся, пока не наедятся вволю.

Дженкин.

Стой, я пойду к хозяину. Послушай, хозяин, у нас еще добыча. Те три жеребца остаются в пшенице, а вот еще три мерина.

Джорж.

Кто они?

Дженкин.

Хозяева лошадей.

Джорж.

Ну, господа, я не знаю вашего сана, но вы не можете быть выше короля. Скажите, почему вы наносите ущерб нашим жителям Векфильда? Я полевой сторож и скажу вам, что прежде, чем отпустить вас, вы должны возместить убыток за потраву.

Кэндаль.

Молчи, нахал! Не болтай! Скажу тебе, сторож, что мы благородные.

Джорж.

И я, может быть, благороден, хотя у меня нет герба.

Джон.

Ладно, полевой сторож. Лошади пущены в пшеницу, и назло тебе будут там есть вволю, пока нам вздумается ехать дальше.

Джорж.

Клянусь душой своего отца, заберись в пшеницу лошади самого доброго короля Эдуарда, он за них уплатил бы, или они попали бы в загон, тем более ваши, кто бы вы ни были.

Кэндаль.

Неужели, малый, ты нас не знаешь? Мы люди Генри Момфорда, графа Кэндаля, люди, которые через месяц будут выше короля Эдуарда.

Джорж.

Выше короля Эдуарда? Лжешь, изменник.

(Джорж ударяет его.)

Бонфильд.

Мерзавец! Что ты сделал? Ты смел ударить графа?

Джорж.

А мне что за дело? Верный бедняк лучше вероломного графа. Изменники всегда получают от меня такую плату.

Кэндаль.

Ну, конечно! А пока ты дорого заплатишь за этот удар. Теперь иль никогда, держите полевого сторожа.

(Солдаты выходят из засады.)

Джорж.

Постойте, мой лорд; поговорим об этой ссоре. И Геркулес с двумя не справится, и я не справлюсь с такой оравой. *(В сторону.)* Если твои войска не появились бы так, я отрезал бы им путь в Лондон. Придется прибегнуть к хитрой политике.

Кэндаль.

Что ты ворчишь, Джорж?

Джорж.

Я думаю, неужели вы, Генри Момфорд, граф Кэндаль, обидите бедного Джоржа Грина и заставите его бороться с целым отрядом?

Кэндаль.

А ты почему меня ударил?

Джорж.

Мой лорд, судите меня по себе. Если кто-нибудь, служивший вам много лет, услышал бы, что ваш враг бранит вас, и не обнажил меча, вы такого слугу прогнали бы. А ведь король Эдуард — мой король, и раньше, чем я потерплю, чтоб его оскорбляли, я умру тут на месте в подтверждение того, что сказал. Хотя, быть может, я неразумно рассуждаю, я все-таки буду отстаивать свои слова.

Бонфильд.

Мой лорд, простите полевого сторожа. Поверьте, он говорит, как достойный человек.

Кэндаль.

Хорошо. Скажи мне, Джорж, покинешь ли ты Векфильд и пойдешь ли ты за мной? Я охотно все забуду и прошу тебя.

Джорж.

Пойду с условием, что вы сложите оружие и будете верны королю.

Кэндаль.

Но, Джорж, я не восстаю против короля Эдуарда, но заступаюсь за обиженных, и если король Эдуард исправит зло, я его осуждать не буду, а наоборот. Теперь все ясно: ты слышал, почему я восстал на него. Отвечай: покинешь ли ты Векфильд и пойдешь ли ты за мной? Я тебя назначу капитаном — над смелым отрядом, а когда одолею, посвящу в рыцари.

Джорж.

А вы надеетесь победить, мой лорд?

Кэндаль.

Я слышал такое пророчество, что король Иаков и я встретимся в Лондоне, и король преклонит колени пред нами.

Джорж.

Коль это верно, мой лорд, это было бы ладно.

Кэндаль.

Это чудесное пророчество, и ошибки быть не может.

Джорж.

Вы меня почти убедили, мой лорд. Джэнкин, поди сюда.

Джэнкин.

Что, сэр?

Джорж.

Иди домой, гони туда этих лошадей и насыпь бушель хорошего овса.

Джэнкин.

(В сторону.) Неужели тратить овес на этих паршивых одров?

(Джэнкин уходит.)

Д ж о р ж.

Не угодно ли будет вам удалить вашу свиту?

К э н д а л ь (солдатам).

Станьте в сторону.

Д ж о р ж.

Так слушайте. Здесь в лесу, недалеко от города, живет старый человек один в пещере, он может предсказать вашу судьбу: уж очень он силен в волшебстве. Отправьтесь к нему втроем рано утром и спросите его. Коль он напророчит вам удачу, я буду у вас впереди всех, когда мы пойдем на Лондон.

К э н д а л ь.

Спасибо, Джорж, за согласие. Где найдем мы старика?

Д ж о р ж.

Мой человек вас проводит, но, лорды, скажите мне без обмана, что мудрый человек скажет.

К э н д а л ь.

Я, граф Кэндаль, даю тебе слово.

АКТ III

СЦЕНА 2-я. В ЛЕСУ

(Входят переодетые граф Кэндаль, Бонфильд, сэр Жильберт Армстронг и Джэнкин. Джэнкин стучит в дверь хижины. Выходит Джорж Грин, переодетый слепым отшельником.)

К э н д а л ь.

Отец, к тебе мы, бедняки, пришли,
Чтоб расспросить тебя о важном деле.

Д ж о р ж.

Скажите, что вам нужно?

К э н д а л ь.

Быть может, вести до тебя дошли,
Что Кэндаль на Эдуарда ополчился.

Дворяне мы по своему рождению.
Но младшие сыны, и нужно нам
Добиться положения и средств.
Коль напророчишь, что Кэндаль победит,
Мы будем с ним.
Коль нет, мы с ним на Лондон не пойдем.
Скажи, отец наш, что должно случиться,
Кто одолеет, Кэндаль иль король?

Д ж о р ж.

Король, мой сын.

К э н д а л ь

И ты уверен в этом?

Д ж о р ж.

Уверен я, как в том, что ты — граф Кэндаль,
Что этот — Бонфильд, и что Армстронг — тот.

К э н д а л ь.

Какая прозорливость у слепого:
Он угадал, кто мы, не видя нас.

А р м с т р о н г.

Да, магия все может предсказать.
Граф Кэндаль сам пришел к тебе, отец,
Поэтому не говори ты сказки.

Д ж о р ж.

Граф Кэндаль, я приветствую тебя,
А также, лорды, вас. Я дам совет —
Смиритесь, позабудьте про мятеж,
Живите в мире.

К э н д а л ь.

Не для совета мы пришли сюда.
Скажи, кто победит, король иль мы?

Д ж о р ж.

Не вы, но не король вас усмирит,
А человек незнатный и простой.

К э н д а л ь.

Скажи, отец, кто этот человек?

Д ж о р ж.

Джорж Грин, векфильдский сторож полевой.

К э н д а л ь.

Ужели он?

Д ж о р ж.

Он осрамит вас и ошпилет перья.

К э н д а л ь.

Но как?

Д ж о р ж.

Конец венчает дело. Будет так.

К э н д а л ь.

Нет, так не будет. Двину я войска.
Клянусь Христом, сожгу я город Векфильд,
Я полевого сторожа схвачу,
Его зарежу пред лицом Эдуарда.

Д ж о р ж.

Не гневайся. Не я так говорю,
А чрез меня так говорит наука,
А чтоб вас убедить,
Слуге велите принести мне посох.

К э н д а л ь.

Иди и принеси ему клюку.

Д ж э н к и н.

Возьми, вот посох твой.

Д ж о р ж.

Теперь свою вы берегите шкуру!
Встречали вы кудесника такого?
Сумел он предсказать паденье ваше,
Никто теперь не помешает мне.
Мне все равно, что я один на трех.

К э н д а л ь.

Ты предал нас, изменник!

Д ж о р ж.

Нет, никогда предателем я не был.
Ты, Момфорд, лжешь; сюда я заманил вас,
Чтоб здесь сразиться.
Убей меня, а там иди уж в Лондон.
Я против всех, но думаю, что справлюсь.

А р м с т р о н г.

Один я на один его убью.

К э н д а л ь.

Получишь фунтов тысячу в награду.

Д ж о р ж.

Плати их мне. Его я одолею.
(Они сражаются. Джорж убивает Армстронга и берет в плен остальных.)

Б о н ф и л ь д.

Стой, Джорж, я милости прошу.

Д ж о р ж.

А у кого?

Б о н ф и л ь д.

У короля Эдуарда.
Пусть приговор нам вынесет король,
А не убьет нас сторож полевой.

К э н д а л ь.

Что сделаешь ты с нами?

Д ж о р ж.

А будет так, как Бонфильд пожелал.
Пошлют вас к королю,
Для этого судья идет сюда.

(Входит судья.)

С у д ь я.

Лорд Кэндаль, где теперь твои угрозы?
Как дело право, справедлив и бой.
А то наш Джорж не справился б с тремя.

Кэндаль.

Довольно, Удроф, не дразни меня.
Я согрешил, я искупаю вину.

Джорж.

Сэр Удроф, я скажу, что нет нужды
В словах.
Солдат мятежных нужно распустить;
Пусть каждый отправляется домой.

Судья.

Да будет так. А ты что будешь делать?

Джорж.

За пленными прошу вас присмотреть,
Меня ж оставить.

Судья.

Со мной идите, лорды.

(Все уходят, кроме Джоржа.)

Джорж.

Ты с ивовым венком сидишь, Джорж Грин.
И вечно вспоминаешь о прекрасной.
Зачем среди приветливых долин
Печалиться тебе всегда, несчастный?
Когда не будет милая женой,
Блаженства не найду я под луной.

(Входит Джэнкин.)

Джэнкин.

Я фокусник, хозяин. Если хочешь,
Твою я Беттрис приведу сюда.

Джорж.

Эй, будет, Джэнкин, врать. Ее отец
За ней следит ревнивыми глазами.
Когда же кто приглянется красоте.
Грайм думает, что это чародей.

Джэнкин.

А что ты дашь, коль приведу ее?

Д ж о р ж.

С зеленой курткой двадцать крон я дам.

Д ж э н к и н.

Мне предоставь, хозяин, больше места,
И дай ты мне, что ты носил недавно.

Д ж о р ж.

Возьми ты этот плащ. Хорош ли он?

Д ж э н к и н.

Да, он хорош. Ты в круг мой не входи,
Не то чертовки раздерут тебя.
Раз, два и три, мисс Беттрис, выходите.

(Он бросает плащ в дверь хижины. Оттуда выходит Беттрис.)

Каков мой фокус?

Д ж о р ж.

Любовь ли ты моя, иль только тень?

Б е т т р и с.

Нет, тень вон там, а тут ты видишь сущность.

Д ж о р ж.

Скажи, моя любовь, как удалось
Тебе уйти?

Да, Джоржу Грину повезло впервые.

Б е т т р и с.

Любовь и счастье привели меня
К тебе, мой Джорж, мой свет, моя отрада.

Д ж о р ж.

Но как ты от отца, мой друг, ушла.

Б е т т р и с.

Была бы лишь любовь, найдется случай,
Но не меня, а Уили ты хвали.

Д ж о р ж.

А Уили где теперь?

Беттрис.

Сидит он у меня, в моей одежде.

Джорж.

Джэнкин, походи сюда. Отправься в Брэдфорд
И там об Уили расспроси.
Мы, Беттрис, в хижину войдем.
Там посидим с тобой и потолкуем.

АКТ IV

СЦЕНА I

(Входит король Эдуард, король Шотландский Иаков, Кодди и свита.)

Эдуард.

Шотландский брат, я оскорблен глубоко.
Меж нами мир недавно заключен,
А между тем, не получив обиды,
На Англию решился ты напасть.
Обеты королей должны быть крепки,
Оракулу подобны. Так велит
И наша честь, и наша верность слову.

Иаков.

Английский брат, не умножай мне горечь.
Я сожалею о своем проступке.
Я побежден: из тысяч тридцати
Спаслось едва пять тысяч человек.

Эдуард.

Без Мосгрова дела неважны были.
Спасибо, Кодди. Мы с тобой сочтемся.

. .

Теперь же, лорды, нужно нам решить,
Как нам сломить на севере крамолу.
Мятежники идут уж на Донкастер.

(Вводят пленного графа Кэндаля.)

Что это значит?

Кодди.

Перед тобой — граф Кэндаль, твой изменник.

Э д у а р д.

Мятежный честолюбец, как ты можешь
Поднять глаза на своего монарха,
Который так к тебе благоволил?
Но ты заплатишь за свою измену.

К э н д а л ь.

Мой государь. . .

Э д у а р д.

Не отвечай, изменник.
Чей это подвиг, ты скажи мне, Кодди?
Кто сокрушил на севере крамолу?

К о д д и.

Джорж Грин, векфильдский сторож полевой.

Э д у а р д.

Но, Кодди, я прошу тебя сказать,
Чем Джоржа Грина мог бы одарить я
И чем его обрадовать я мог?

К о д д и.

Когда мы расставались, Джорж сказал:
Коль наш король похвалит мою службу,
То, милый Кодди, стань ты на колени,
И у него ты попроси награды.

Э д у а р д.

Какой награды?

К о д д и.

Мятежников помиловать он просит.
Пускай живут, хотя и согрешили.

Э д у а р д.

Мне кажется, что к славе он стремится,
Но просит он, и я исполню просьбу.
Другому я, конечно, отказал бы.
Живи же, Кэндаль, но живи в тюрьме.
Всю жизнь свою ты будешь в заточенье.

К э н д а л ь.

Гы милостив и к тем, кто согрешил.

Э д у а р д.

Я Джоржа Грина увидеть хочу:
На севере к тому же не бывал я.
Отправлюсь я туда,
И чтоб никто не мог меня узнать,
Мы явимся туда в чужих нарядах.
Король Иаков, Кодди, три других
Со мной пойдут. Мы будем веселиться.
Отправьте же его скорее в Тауэр.
Пойдем, король, душа веселья просит:
Судьба всех супостатов сокрушила.

А К Т V

СЦЕНА 1-я. В БРЕДФОРДЕ

(Король Эдуард, король Иаков, свита и Джорж Грин.)

. . .

Э д у а р д.

Твою пожать мне руку дай, Джорж Грин,
Отныне под моею ты защитой.
Я, сам король, к тебе сюда приехал,
И вижу я теперь, что слух правдив.

Д ж о р ж.

Благодарю смиренно, государь.
Как подданный, я лишь исполнил долг,
Вступив в борьбу с мятежным гордым графом.
Я милости такой не заслужил.

Э д у а р д.

Я до отъезда даровать хочу
Тебе все то, что в силах я. Скажи,
Что может сделать для тебя Эдуард?

Д ж о р ж.

Мой государь, зазноба у меня
Прекраснее серебряной луны,
А старый Грайм ее не хочет выдать

За полевого сторожа, хотя
Я в ней, она ж во мне души не чаает.

Э д у а р д.

А где она?

Д ж о р ж.

Она в моем доме,
Но не желает выйти за меня,
Пока не разрешит ее отец.

Э д у а р д.

Коль в этом горе, все устроим быстро,
Пошлю за Граймом и его заставлю,
Он мне, не сомневаюсь, не откажет.

*(Входит Мосгров, Кодди, Грайм, Уили в женской одежде
и Беттрис.)*

Э д у а р д.

Где твой отец, мой Кодди?

К о д д и.

Мой государь, отец мой пред тобой.

Э д у а р д.

Не опускайся, Мосгров, на колени:
Невместно это с возрастом твоим.

М о с г р о в.

Да здравствует наш государь!
Живи счастливо много лет.
Принять ты удостой простой подарок
От старого и верного слуги.
Король Шотландский мне вручил его.
Он с честью послужил. Возьми его.

Э д у а р д.

Спасибо, Мосгров, за такой подарок.
Мечом ты этим короля сразил.
Им в рыцари тебя я посвящаю.

Мосгров.

Увы, как быть теперь? Король, я беден.

Эдуард.

Так Медделомский замок получи
Ты от меня. Коль этого не хватит.
Я дам еще, чтоб поддержать твой сан.
Джорж, где твоя зазноба?

Джорж.

Вот, государь, она.

Эдуард.

А ты — ее отец?

Грайм.

Да, государь, отец.

Эдуард.

А выдашь ли ты дочь за Джоржа Грина?

Грайм.

Да, государь, коль он мне разрешит
Вот с нею повенчаться.

(Указывает на Уили.)

Эдуард.

А ты что скажешь, Джорж?

Джорж.

От всей души на это соглашаюсь.

Грайм.

Тогда ему я Беттрис отдаю.

Уили.

Мой брак не может состояться с Граймом:
Я, государь, не женщина, мужчина,
Хозяин мой — Джорж Грин, ему служу,
И для него я Грайма обманул.

Э д у а р д.

Да это мальчик! Что ты скажешь, Грайм?

Г р а й м.

Ну, что же, государь, скажу я только.
Что плутовства в нем хватит на весь мир.
Но все равно теперь. Пусть Джорж получит
И дочь мою, и земли.

Э д у а р д.

Тебя, мой Джорж, я должен наградить
Достойно. Половину получай
Ты состоянья Кэндаля и все,
Чем в Брэдфорде владел я до сих пор.
Я за тобой все это закрепляю.
Стань на колени, Джорж.

Д ж о р ж.

Что вам угодно сделать, государь?

Э д у а р д.

Хочу, чтоб стал ты рыцарем, мой Джорж.

Д ж о р ж.

Я, государь, прошу вас об одном.

Э д у а р д.

О чем?

Д ж о р ж.

Пусть йомэном живу я и умру.
Как жил отец, пускай живет и сын.
Ведь больше чести, коль свершает подвиг
Простец, чем человек в высоком сане.

Э д у а р д.

Пусть будет так.

И а к о в.

Король, прошу, освободи меня.
Определи мой выкуп

Э д у а р д.

Джорж Грин, определи ты королю
Достойный выкуп.

Д ж о р ж.

Нет, государь, куда мне это делать!
Я не привычен.

Э д у а р д.

Не отклоняй ты этой чести, Джорж.

Д ж о р ж.

Пускай король Шотландский восстановит
Все города, разрушенные им,
И пенсии назначит для сирот,
Отцы которых на войне погибли.
Затем, пускай залог он здесь оставит
И едет с миром.

Э д у а р д.

Доволен ты, мой брат?

И а к о в.

Благодарю тебя, мой брат, за это.
В залог тебе я оставляю замки.

Э д у а р д.

Вполне доволен я. К тебе на ужин
Приду я, Джорж. Затем хочу проверить,
Прекрасна ль так Джэн Барлей, как о ней
Король Иаков мне всегда твердит.

МАРЛО

Кристофер Марло (Christopher Marlowe, 1564—1593) — английский драматург, наиболее значительный предшественник Шекспира. Биографические данные о Марло весьма скудны. Он родился в Кентербери в семье башмачника. В 1583 г. окончил Кембриджский университет. Ему присвоена была степень магистра. В 1587 г. он переселился в Лондон, где был связан с вольнодумным кружком сэра У. Ролея. Скептик и вольнодумец, он не скрывал своих «опасных» мыслей (по свидетельству Т. Кида, он читал на собраниях у Ролея разные атеистические книги, насмехался над священным писанием, дерзко пропагандировал свои антирелигиозные взгляды), так что правительство учредило над ним секретный надзор. Избрав себе профессию актера и драматурга, он вошел в самую гущу лондонской богемы. В 1593 г. он был предательски убит агентами тайной полиции, которые заманили его в трактир и там нанесли ему кинжалом смертельный удар в голову. Свою литературную деятельность Марло начал с переводов античных поэтов (Овидий, Лукан, эпиграммы). В Кембридже им, по видимому, написана трагедия «Дидона, царица Карфагенская», выпущенная в свет Т. Нэшом в 1593 г. Классический сюжет лежит также и в основе его поздней (неоконченной) поэмы «Геро и Леандр», пользовавшейся огромной любовью читателей. Но особенно большое значение для судеб английской литературы имели четыре замечательные трагедии

The Tragicall History of the Life and Death of Doctor Faustus. Written by Ch. Mar

LONDON,

Printed for Iohn Wright, and are to be sold at his shop
without Newgate, at the ff... of the
1634.

Титульный лист драмы Марло «Трагическая история доктора Фауста» (Лондон, 1635).

Марло: «Тамерлан великий, скифский пастух» («Tamburlaine the Great» 1587—1588), «Трагическая история д-ра Фауста» («The tragically history of Dr. Faustus», 1588), «Мальтийский жид» («The jew of Malta», 1589) и «Эдуард II» (1592). Эти пьесы оказали очень значительное влияние на развитие елизаветинской драматургии (в частности, на творчество Шекспира). Марло первый создал тип героической трагедии, в центре которой стоит титаническая, исполненная роковой страсти личность. Он также ввел в обиход елизаветинской драмы белый стих. Трагедия Марло «Фауст» представляет собой первую в европейской литературе драматическую обработку знаменитой легенды о д-ре Фаусте, которая стала известна Марло через английский перевод немецкой «народной книги» о д-ре Фаусте, изданной Шписом в 1587 г.

Марло развивает прогрессивные тенденции немецкой легенды. В его Фаусте воплощается гигантский порыв к знанию, характерный для эпохи Возрождения. Герой трагедии жаждет все изведать и всем овладеть. Лишь в здешнем земном мире может, по его мнению, человек обрести подлинное блаженство.

Трагедия Марло «Эдуард II» предвосхищает исторические хроники Шекспира с их широкой разработкой эпизодов английской истории, осуждением деспотизма и феодального своеволия. В этой пьесе Марло персонажи уже не являются титанами, подобно Тамерлану или Фаусту, они ближе к обычным человеческим масштабам.

На русский язык «Фауст» переводился неоднократно (Д. Минаев, К. Бальмонт и др.). Приводимый перевод Н. Н. Амосовой напечатан в книге: «Легенда о докторе Фаусте», М.—Л., 1958; «Мальтийский жид», перевод М. Шелгунова, Спб., 1882; «Эдуарда II» переводили в прошлом столетии Н. Гербель и Родиславский. Мы приводим отрывки в переводе Анны Радловой (М., 1957). Последнее издание Марло — Сочинения, М., Гослитиздат, 1961.

ИЗ «ТРАГИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ДОКТОРА ФАУСТА»

(СЦЕНА I)

(Фауст входит в свой кабинет.)

Фауст.

Пересмотри свои занятия, Фауст,
Проверь до дна глубины всех наук,
По-прежнему будь богословом с виду,
Но знаний всех ты цель определи,
Живи, умри в творениях бессмертных,
Которые оставил Аристотель.
О, логика святая, это ты
Меня в восторг когда-то привела!
Vene disserere est finis logices^a.
Цель логики — уметь рассуждать?
И это все? И нет в ней чуда выше?
Так чтение брось! Ты цели той достиг.
Достоин ты предмета выше, Фауст!
Op sai me op^b, прощай! Приди, Гален¹
Paz Ubi desinit philosophus, ibi incipit medicus^b,

^a Хорошо рассуждать — цель логики (лат.).

^b Сущее и не сущее (греч.).

¹ Где кончается философ, там начинается врач (лат.).

Врачом ты стань и золото копи,
Увековечь себя лекарством дивным,
Summum bonum medicinae sanitas^а.
Так! Здравие телес — цель медицины.
Но разве ты той цели не достиг?
Не стала ли звучать повсюду ныне
Крылатыми словами речь твоя?
Иль не висят, как память о тебе,
Везде твои рецепты, что спасли
От злой чумы немало городов
И тысячи недугов излечили?
И все же ты — лишь Фауст, человек!
Коль мог бы ты бессмертье людям дать
Иль мертвого поднять из гроба к жизни.
То стоило б искусство это чтить.
Прочь знахарство! А где ж Юстиниан?²

(Читает.)

Si una eademque res legatur duobus,
Alter rem, alter valorem rei...^б и т. д.
Вот крючкотворства мелкого образчик.

(Читает.)

Exhaereditare filium non potest pater nisi^в и т. д.
В том содержанье всех судебных актов
И целого собрания законов.
Достойно это слуг и торгашей,
Кого влечет один наружный блеск.
Как ни изменно и тесно для меня!
В конце концов не лучше ль богословье?
Вот библия Иеронима³, Фауст.

(Читает.)

Stipendium peccati mors est^г. Ха! Stipendium... и т. д.
Возмездие за грех есть смерть. Как строго!

(Читает.)

Si pecasse negamus, fallimur, et nulla est in nobis veritas^д.
Коль говорим, что нет на нас греха,
Мы лжем себе, и истины в нас нет.

^а Высшее благо медицины — здоровье (лат.).

^б Если одна и та же вещь завещена двоим, то один — вещь, другой — стоимость вещи... (получает) (лат.).

^в Лишить сына наследства не может никто, кроме отца (лат.).

^г Возмездие за грех есть смерть (лат.).

^д Если мы отрицаем, что согрешили, мы ошибаемся и в нас нет никакой истины (лат.).

Зачем же нам грешить, а после гибнуть?
Да, гибелью должны мы гибнуть вечной!
Ученые хоть куда! *Che sega, sega!*^a

Что быть должно, то будет! Прочь, писанье!

Божественны лишь книги некромантов
И тайная наука колдунов,

Волшебные круги, фигуры, знаки. . .

Да, это то, к чему стремится Фауст!

О, целый мир восторгов и наград,

И почестей, и всемогущей власти

Искуснику усердному завещан!

Все, что ни есть меж полюсами в мире,

Покорствовать мне будет! Государям

Подвластны лишь владенья их. Не в силах

Ни тучи гнать они, ни вызвать ветер.

Его же власть доходит до пределов,

Каких достичь дерзает только разум.

Искусный маг есть всемогущий бог.

Да, закали свой разум смело, Фауст,

Чтоб равным стать отныне божеству.

(Входит Вагнер.)

Мои друзьям снеси привет мой, Вагнер,

Корнелию и Вальдесу скорей

И упроси прийти ко мне.

Вагнер.

Да, сударь.

(Уходит.)

Фауст.

Советы их помочь мне могут больше.

Чем все мои ученые занятия.

(Входят ангелы добра и зла.)

Ангел добра.

Проклятую оставь ты книгу, Фауст!

Закрой ее, не искушай души,

Чтоб божий гнев не грянул над тобой!

Читай, читай писанье! Не кощунствуй!

^a Что будет, то и будет *(итал.)*.

А н г е л з л а .

Нет, далее в искусстве упражняйся,
В котором вся сокровищница мира!
Стань на земле, как на небе Юпитер,
Владыкою, властителем стихий!

(Ангелы уходят.)

Ф а у с т .

Я этого и жажду всей душою!
Смогу ли я незримых духов слать
За чем хочу, во все концы земли?
Я прикажу все тайны мне открыть,
Осуществлять все замыслы мои,
За золотом мне в Индию летать,
Со дна морей собирать восточный жемчуг
И, обыскав все уголки земли,
Чудесные и редкие плоды
И царские мне яства приносить!
Велю открыть нездешнюю премудрость
И тайны иноземных королей;
Германию укрыть стеной из бронзы
И быстрый Рейн направить в Виттенберг;
Наполнить школы я велю шелками,
В которые студенты облекутся;
Найму войска, какие захочу,
На золото, что духи мне доставят;
И изгоню отсюда принца Пармы⁴
И стану всех земель отчизны нашей
Единственным отныне государем!
Военные снаряды похитрее,
Чем огненный антверпенский корабль⁵,
Изобрести велю я духам-слугам!

(Входят Вальдес и Корнелий.)

Корнелий мой и Герман Вальдес, жду вас!
Порадуйте меня советом мудрым!
Друзья мои! Корнелий, милый Вальдес,
Узнайте же, что вашими словами
Я побежден и, наконец, решился
Наукою таинственной заняться.
Но не одни слова — воображенья
Меня влечет, ничем не насыщаясь
Мой полон ум мечтой о колдовстве.)
Постылы мне обманы философий;
Для мелких душ — и знахарство, и право,
А низменной всех трех их — богословье.

Ничтожное, суровое, тупое.
Лишь магия одна меня пленяет!
Друзья мои, мне помогите в этом,
И я, который сжатым силлогизмом
Умел смущать отцов германской церкви
И заставлял ученых Виттенберга
Вокруг моих проблем кружиться роем,
Как адский сонм толпится вокруг Музея⁶
Прекрасного, когда сошел он в ад, —
Я стану всех мудрей, как встарь Агриппа⁷,
Европою столь чтимый за виденья.

Вальдес.

Твой, Фауст, ум, наш опыт, эти книги
Молиться нам заставят все народы!
Как дикари индейские испанцам,
Так будут нам покорствовать все силы.
Оберегать, как львы, они нас станут,
Сопутствовать они нам будут вечно
Как рейтеры с их пиками у седел,
Иль мощные лапландские гиганты,
Иль в образе невинных дев и жен,
В чьем облике красы таится больше,
Чем в белых персях у любви царицы.
Огромные тяжелые суда
Пригонят из Венеции нам духи,
Возьмут руно в Америке златое,
Что каждый год донныне притекало
В сокровищницу старого Филиппа⁸,
Коль будет тверд в решенье мудрый Фауст.

Фауст.

В решении своем я тверд не меньше,
Мой Вальдес, верь, чем ты в решенье жить!

Корнелий.

Те чудеса, что магия свершает,
Увидевши, ты клятву принесешь —
Не изучать других наук отныне.)
Тот, кто знаком с учением о звездах,
Обогащен познанием языков
И выучил все свойства минералов,
Тот изучил основы колдовства.
Верь, будешь чтим ты всеми ныне, Фауст,
И толпами усердней посещаем,
Чем в древности оракул был Дельфийский!

Поведали мне духи, будто могут,
Все высушив моря, достать богатства
Из кораблей, когда-то затонувших;
А из глубин неведомых земли
Сокровища, что прадедами скрыты.
К чему ж еще стремиться нам троим?

Фауст.

Да, не к чему, Корнелий! Как я счастлив!
Явите ж мне магические действия,
Чтоб где-нибудь, в глухой далекой роще,
Я мог начать учиться волхвованью
И радости могущества познать.

Вальдес.

Так поспешим в заброшенную рощу!
Возьми с тобой ты Бэкона, Альбана⁹,
Евангелю и с ним Псалтырь еврейский.
А что еще для волхвованья нужно,
Поведаем тебе в беседе позже.

Корнелий.

Пусть выучит он заклинанья, Вальдес,
А там, когда узнает все приемы,
Пусть силы сам испытывает Фауст.

Вальдес.

Я научу сперва тебя основам,
И ты меня в искусстве превзойдешь.

Фауст.

Пойдемте же со мною отобедать
И лишь затем обсудим все подробно.
Сегодня в ночь, до сна, устрою пробу.
Пусть я умру, а волхвовать начну!

(СЦЕНА III)

Входит Фауст для волхвованья.

Фауст,

В унылый час, в который тень земли,
Чтоб влажный лик увидеть Ориона,
На небо из Антарктики восходит,
Туманя их своим дыханьем мгlistым,
Произнеси свои заклятья, Фауст,
И посмотри, тебе покорны ль бесы
За то, что ты им поклоняться начал.

Здесь Иеговы ¹⁰ в кругу волшебном имя
Начертано обратной анаграммой
И имена святых, но сокращенно,
И образы всех атрибутов неба,
И символы блуждающих светил,
Что духов вызывать способны силой.
Мужайся же, о Фауст, будь же тверд.
И магии ты силу испытай!

Sint mihi dei Acherontis propitii! Valeat numen triplex Iehouae!
Ignis, aëris, aquae, terrae spiritus, saluete! Orientis princeps Belsibub,
inferni ardentis monarcha et Demogorgon, propitiamus vos, ut appareat
et surgat Mephistophilis! Quid tu moraris? Per Iehouam, Gehennam et
consecratam aquam quam nunc spargo, signumque crucis quod nunc
facio, et per vota nostra ipse nunc surgat nobis dicatus Mephistophilis!^a

(Входит дьявол.)

Исчезни, бес, явись в ином обличе,
Ты чересчур уродлив, чтоб служить мне!
Прими-ка вид монаха-францисканца:
Для дьявола подходит вид святоши.

(Дьявол уходит.)

Есть, видимо, в заклетьях этих сила!
Как не хотеть владеть таким искусством?
Как боязлив со мною Мефистофель!
Как полон он угодливости робкой!
Вот чар моих таинственная власть!
Ты, Фауст, маг, венчанный лавром, маг,
Которому сам Мефистофель служит!
Quin regis Mephistophilis fratris imagine!^b

(Входит Мефистофель.)

Мефистофель.

Что хочешь ты, чтоб совершил я, Фауст?

Фауст.

Слугой мне будь всегда, пока я жив;
Все исполняй, что Фауст повелит,
Хотя б велел луну низвергнуть с неба
Иль затопить всю землю океаном!

^a Да будут благосклонны ко мне боги Ахеронта! Да здравствует тройственная божественность Иеговы! Духи огня, воздуха, воды, земли, привет вам! Владыка Востока Вельзевул, монарх пылающего ада, и Демогоргон, молим вас, да явится и поднимется Мефистофель! Что же ты медлишь? Заклинаем Иеговой, геенной и святой водой, коей кроплю, и крестным знаменем, которое ныне творю, и молитвами нашими, да появится здесь и сейчас обреченный нам Мефистофель! (лат.)

^b Ты правишь даже во образе брата Мефистофеля! (лат.)

Мефистофель.

Я лишь слуга смиренный Люцифера
И не могу прислуживать тебе;
Пока на то приказа нет владыки,
Мы ничего не можем совершить.

Фауст.

Что ж, это он велел тебе явиться?

Мефистофель.

Нет, здесь теперь по собственной я воле.

Фауст.

Так вызвали тебя мои заклятья?

Мефистофель.

Причина — в них, верней, случайный повод.
Коль слышим мы, что кто-то имя бога
Использует во зло, и, отрекаясь
От господа Христа и от писанья,
Бросаемся, дабы схватить ту душу,
Но лишь тогда, когда он применяет
Грозящие проклятьем вечным средства.
А потому, чтоб поскорей нас вызвать.
От троицы отречься надо смело
И ревностно молиться князю тьмы.

Фауст.

Но Фауст ведь уже признал всем сердцем
Владыкою единым Вельзевула!
Ему навек душой преданся Фауст,
И не страшит его словцо «проклятье».
Ад для него — Элизиум¹¹, где встретит
Его душа всех древних мудрецов,
Но, праздные оставив рассужденья
О гибели, о душах и о прочем,
Скажи, кто твой владыка Люцифер?

Мефистофель.

Верховный вождь и повелитель духов.

Фауст.

Был ангелом когда-то Люцифер?

Мефистофель.

Да, ангелом — любимейшим у бога!

Фауст.

А почему стал ныне князем тьмы?

Мефистофель.

Тому виной предерзость и гордыня —
За них его низвергнул бог с небес.

Фауст.

А кто же вы, посланцы Люцифера?

Мефистофель.

Сподвижники владыки Люцифера,
Восставшие когда-то с Люцифером,
И прокляты навеки с Люцифером.

Фауст.

Присуждены к чему вы?

Мефистофель.

К аду — вечно.

Фауст.

Так как же ты из ада отлучился?

Мефистофель.

Мой ад везде, и я навеки в нём.
Ты думаешь, что тот, кто видел бога,
Кто радости небесные вкушал,
Не мучится в десятке тысяч адов,
Лишась навек небесного блаженства?
О, свой допрос оставь, лукавый Фауст,
Не мучь мою слабеющую душу!

Фауст.

Как? Страждет сам великий Мефистофель,
Лишившийся божественных восторгов?
Ты мужеству у Фауста учись
И презирай потерянное счастье!
Неси же весть немедля Люциферу,
Что мыслями кощунственными Фауст
На вечную себя обрек погибель.
Скажи, что он ему уступит душу,
Но требует двадцать четыре года
Наполненной роскошествами жизни,
И чтобы ты все годы мне служил,
Мне добывал, чего ни захочу я,
Ответ давал на все, о чем спрошу,

Карал врагов и помогал друзьям
И слепо мне всегда повиновался.
Ступай теперь к владыке Люциферу
И в кабинет мой в полночь возвратись
Поведать мне решенье господина!

Мефистофель.

Да, Фауст.

(Уходит.)

Фауст.

Будь столько душ во мне, как звезд на небе,
Я отдал бы их все за слуг подобных!
Я вместе с ним владыкой мира стану;
По воздуху я перекину мост,
Чтоб проходить над океаном с войском;
Я Африки прибрежные холмы
С Испанией солью в сплошную сушу,
И дань собирать я с них обеих буду!
И никакой ни князь, ни император
В Германии не должен будет жить
Без моего на то соизволения!
А ныне я, желанного добившись,
Над новою наукой поразмыслию,
Пока ко мне вернется Мефистофель.

(Уходит.)

(СЦЕНА XIII)

Входит Вагнер.

Вагнер.

Хозяин, знать, собрался помирать?
Свое добро он все теперь мне отдал,
Но если б смерть была и вправду близко,
Мне кажется, что он не пировал бы
Средь школяров так буйно, как сейчас.
И ужинов таких не задавал бы,
Каких вовек не видел раньше Вагнер.
Смотри, идут! Окончен, видно, пир!

(Уходит. Входит Фауст с двумя студентами.)

1-й студент.

Господин доктор Фауст, обсудив вопрос о том, которая из женщин была красивее всех в мире, мы порешили, что прекраснейшей женщиной, когда-либо жившей на свете, была Елена Греческая. А потому, господин доктор, мы сочли бы себя глубоко

вам обязанными, если бы вы сделали милость и показали нам эту несравненную греческую жену, величием которой восхищается весь мир.

Фауст.

Господа,
Ведь знаю я, что дружба непритворна
У вас ко мне, а Фауст не привык
Отказывать друзьям в их скромных просьбах.
Узрите вы красавицу-гречанку
В величии, в каком она являлась,
Когда Парис с ней пересек моря,
В Дарданию¹² везя свою добычу.
Молчите же! Слова несут опасность.
(Слышна музыка, и по сцене проходит Елена.)

2-й студент.

Мой слишком ум и немощен и прост,
Чтоб вознести достойную хвалу
Той, что навек восторг снискала мира!

3-й студент.

Нет дива в том, что целых десять лет
Вели войну воинственные греки,
Чтоб отстоять прекрасную царицу.
Чьей красоте нет равной на земле.

1-й студент.

Увидевши венец непревзойденный
Творения природы, удалимся!
Благословен будь Фауст наш вовеки
За славное деяние его!

Фауст.

Прощайте же, и вам желаю счастья.

Фауст.

Я к одному стремлюсь, слуга мой добрый:
Дай утолить тоскующее сердце!
Возлюбленной моей пусть станет та,
Которую недавно здесь я видел,—
Прекрасная Елена, чьи объятья
Божественные в силах погасить
Сомнения мои в моем обете —
И буду верен Люциферу!

М е ф и с т о ф е л ь.

Это

И что бы ты еще не пожелал
Исполнится в одно мгновенье ока!

(Входит Елена.)

Ф а у с т.

Вот этот лик, что тысячи судов
Гнал в дальний путь, что башни Илиона
Безверхие сжег некогда дотла!
Прекрасная Елена, дай изведать
Бессмертие в одном твоём лобзанье!

(Целует ее.)

Ее уста всю душу исторгают!
Смотри, летит! Верни ее, Елена!
Я жить хочу — в устах твоих все небо!
Все, что не ты, один лишь тлен и прах!
Я твой Парис! Из-за тебя, как Трою,
Весь Виттенберг отдам на разграбленье.
И я сражусь со слабым Менелаем
И преданно на оперенном шлеме
Твои цвета одни носить я стану.
Я снова поражу в пяту Ахилла
И возвращусь к Елене за лобзаньем.
О, ты прекрасней, чем вечерний воздух,
Пронизанный сияньем тысяч звезд!
Ты солнечней, чем пламенный Юпитер,
Пред бедною Семелой представший!¹³
Милее ты, чем радостный царь неба
В объятиях лазурных Аретузы!¹⁴
Возлюбленной мне будешь ты одна!

Из трагедии «ЭДУАРД II»

Сюжет своей исторической трагедии Марло почерпнул из «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» (2-е изд., 1587) Холиншеда, к которой обратился и Шекспир. Пьеса изображает столкновение английского короля Эдуарда II (1284—1327) с высокомерными феодалами (Ланкастер, Уорик, Мортимер и др.), раздраженными тем, что король приближает к трону людей незнатных (Гевестон, Спенсер). Усматривая в этом поругание своих феодальных прав, они поднимают восстание. Борьба идет с переменным успехом. Мятежникам удается умертвить любимца короля Гевестона. Король посылает на плаху графов Ланкастера и Уорика. Все же в конце концов Эдуард II терпит поражение. Вершить судьбами Англии начинает властолюбивый и жестокий Мортимер, любовник королевы Изабеллы. По его повелению Эдуарда II зверски умерщвляют. Но малолетний король Эдуард III мстит убийцам отца. Мортимер казнен. Вероломная Изабелла заключена в темницу.

Марло мотивирует падение Эдуарда не только происками феодалов, но и его слабостями. Будучи «от природы ласковым и уступчивым» (1,4) он то и дело становится жертвой необузданных страстей. От его легкомыслия и расточительности страна приходит в упадок (см. первый отрывок). Лишь потеряв власть, обретает он душевную чистоту. Переставая быть королем, он становится человеком, страдальцем, изведавшим большое горе (см. второй отрывок).

М о р т и м е р М л а д ш и й.

Не так бедно семейство Мортимеров.
Но, если б земля нам пришлось продать,
Мы подняли б достаточно людей,
Чтоб вам хлопот наделать, государь.
Мы не просить, а требовать привыкли.

К о р о л ь Э д у а р д.

Вы долго будете мне досаждать?

М о р т и м е р М л а д ш и й.

Раз мы теперь одни, я все скажу.

Л а н к а с т е р.

Я тоже. А затем простимся с вами.

М о р т и м е р М л а д ш и й.

Пустые празднества и маскарады,
Развратные спектакли и подарки,
Которыми осыпан Гевестон,
Твою казну и силы исчерпали,
И ропщущий, измученный народ
Впал в нищету.

Л а н к а с т е р.

Жди мятежей, сверженья.

Из Франции уж выбиты твои
Израненные нищие солдаты
И стонут у ворот. О'Нейл^а свирепый
С толпой ирландских кернов на земле
Живет английской, нам не повинясь.
Шотландцы подступают к стенам Йорка
И без сопротивления добычу
Богатую назад к себе уносят.

^а О'Нейл — имя старинного ирландского рода, к которому принадлежало много поколений ирландских вождей. Керны — легковооруженные ирландские пехотинцы.

Мортимер Младший.

Датчанин гордый властвует над морем
Затем, что безоружные твои
Суда стоят в порту на якорях.

Ланкастер.

Из королей кто шлет к тебе послов?

Мортимер Младший.

А кто, кроме льстецов, тебя здесь любит?

Ланкастер.

И жалуется наша королева,
Сестра единственная Валуа,
Что ты ее совсем одну оставил.

Мортимер Младший.

И наг твой двор; лишен он тех, кто славу
Пред миром государю придает.
О пэрах говорю, которых ты
Любить был должен; за тобою пасквиль
Бежит по улице; стихи, баллады
Слагают о падении твоём.

Ланкастер.

И жители на северной границе,
Чьи сожжены дома, а жены, дети
Убиты, мечутся и имена
Твое и Гевестона проклинают.

Мортимер Младший.

Ты с знаменем распущенным лишь раз
Был в поле. И твой солдаты шли,
Будто актеры в блещущих одеждах,
Без лат, а сам ты, золотом залитый,
Верхом, смеясь над всеми, проезжал,
Кивая и тряся султаном ярким,
И с шлема женские свисали ленты.

Ланкастер.

И потому насмешливый шотландец
Про нас такую песенку сложил:
«Английская дева, где суженый твой?
Уж он никогда не вернется домой.

Они все полегли.

Король ваш собрал превеликую рать —
Пришлось ему пятки свои показать.

Алали́, алали́!»

Мортимер Младший.

Чтоб дядю моего освободить^а,
Уигмор продам.

Ланкастер.

Чтоб мы ни потеряли,
Мечами все себе вернем с избытком.
Вы в гневе, государь? Так отомстите!
Увидите знамена наши скоро.

(Уходит с Мортимером Младшим.)

Король Эдуард.

Кровь прилила... От гнева рвется сердце.
Меня травили часто эти пэры,
Но мстить не смел я: велика их сила.
Ужели крик вот этих петухов
Льва ужаснет? Монарх, расправь же когти,
Чтоб кровь их жизнью утолила голод
Всей ярости твоей. Теперь жестоким
Тираном стану я: пускай себя
Благодарят и каются, хоть поздно.

(Акт II, сцена 2.)

Киллингуортский замок.

*Входят король Эдуард, Лестер, епископ
Уинчестерский и сэр Уильям Трессел.*

Лестер.

Терпенье, государь! К чему стенанья?
Вообразите: Киллингуорт — ваш двор,
И здесь остановились вы на время
Лишь для забавы, не по принуждению.

Король Эдуард.

О Лестер, если б ласковое слово
Могло меня утешить, то давно
Твои слова мне облегчили б горе.
Ты любящим и добрым был всегда.
Легко утешить боль простых людей;
У королей не так. Лесной олень,
Когда он ранен, за травой бежит,
Что рану заживит. Когда ж стрела
Пронзает царственное тело льва,
Он рвет его неистовою лапой,

^а Мортимер Старший попал в плен к шотландцам.

Терзает и, пренебрегая тем,
Что кровь его пьет низкая земля,
Ввысь делает прыжки. Вот так и я.
Тщеславный Мортимер мой дух отважный
Согнуть хотел бы. Вместе с королевой,
Чудовищной и лживой Изабеллой,
Меня он заточил. Душа моя
Пресыщена печалью и обидой.
На крыльях ненависти и презренья
Лечу я часто к небу, чтоб богам
На них пожаловаться. Но, когда
Я вспоминаю, что король я, мстить
Хочу ему и ей за всю ту боль,
Которую они мне причинили.
Но что такое короли без власти?
Лишь тени в ясный день. И я — король
По имени: мои дворяне правят;
Венец ношу я, но подвластен им,
Подвластен Мортимеру, королеве
Моей неверной, что постель мою
Бесчестьем осквернила. Я же — здесь,
Вот в этом погребке печали. Горе
Тут за плечами сторожит моими
И жалобой тоскливой вторит сердцу,
Что кровью истекает от обмана
Такого странного. Скажите мне —
Я должен снять венец, чтоб королем
Стал узурпатор Мортимер?

Епископ Уинчестерский.

Ошиблись

Вы, государь. Мы требуем венца
Для блага Англии и в пользу принца.

Король Эдуард.

Для Мортимера, не для Эдуарда!
Ягненок он, волками окруженный,
Что сразу жизнь отнимут у него.
Но, если наглый Мортимер наденет
На голову свою венец, — пусть, боже,
Он станет пламенем неугасимым
Иль, как венчик змеиный Тизифоны^а,
Виски проклятой головы он сдавит.
Пусть не погибнет Англии лоза,
Пусть имя Эдуарда сохранится,
Хотя б он сам был мертв.

^а Тизифона — богиня мести, фурия.

Лестер.

Милорд, зачем
Вы время расточаете? Они
Ответа ждут. Венец вы отдадите?

Король Эдуард.

Подумай, Лестер, как мне тяжело
Терять безвинно и венец, и власть
И честолюбцу Мортимеру право
Свое отдать, которое являлось
Вершиною блаженства моего.
Тоска по нем мне душу убивает.
Ну, вот, возьми венец, с ним — жизнь мою.

(Снимает с себя корону.)

Одновременно в Англии не могут
Царить два короля. Но подождите
И дайте мне быть королем до ночи,
Чтоб мог налюбоваться я венцом
Своим сверкающим. Глазам моим —
Последняя здесь радость, голове —
Последняя присущая ей честь.
Свои права они уступят вместе.
Небесное светило, пребывай
Навеки здесь и молчаливой ночи
Не дай ты этим краем завладеть!
Вы, стражи неба, стойте неподвижно!
Ты, время, на стоянке отдохни,
Чтоб Эдуард остался королем
Прекрасной Англии! Но яркий луч
Дневной уж угасает, вынуждая
Отказ мой от желанного венца.
О вы, бесчеловечные созданья,
Вы, вскормленные молоком тигрицы,
Зачем вы государя своего
Стремитесь погубить? Я о короне
И о невинной жизни говорю.
Смотрите же, чудовища, смотрите,
На голове моей опять венец!

(Надевает на голову корону.)

Вы не страшитесь гнева короля?
Но, бедный Эдуард, уж ты бессилен!
На гнев твой не глядят они, как прежде,
И короля избрать хотят другого.
И это мозг мой наполняет странной,
Отчаянную мыслью; эта мысль

Несет мне бесконечное терзание,
В котором только то мне утешенье,
Что чувствую венец я на себе.
И потому оставьте мне его
Хоть ненадолго!

Т р е с с е л.

Государь, парламент
Ответа ждет; и потому скажите —
Вы отрекаетесь ли от престола?

К о р о л ь Э д у а р д.

(В бешенстве.)

Не отрекусь, пока я жив! Уйдите,
Предатели! Идите к Мортимеру,
Плетите заговоры, избирайте,
Сажайте на престол кого хотите.
Измене этой пусть печатью будет
Кровь ваша и его.

Епископ Уинчестерский.

Передадим

Мы этот ваш ответ. Затем прощайте.

(Направляется с Тресселом к выходу.)

Л е с т е р.

Милорд, обратно позовите их
И вежливо поговорите. Если
Они уйдут, утратит принц права.

К о р о л ь Э д у а р д.

Зови их сам. Сил больше нет для слов.

Л е с т е р.

Милорд, король отречься согласился.

Епископ Уинчестерский.

Пусть нам откажет, если не согласен.

К о р о л ь Э д у а р д.

О если б мог я! Но, чтоб обездолить
Меня, земля и небо в заговоре.
Примите мой венец! Примите? Нет!
Таким позорным преступленьем рук
Своих невинных я не оскверню.
Пусть тот, кто всех жадней на кровь мою
И будет наречен цареубийцей,

Возьмет венец. Как! Жаль меня вам стало?
Тогда пошлите вы за Мортимером
Неумолимым и за Изабеллой.
Ее глаза уж превратились в сталь.
Скорей огонь из них блеснет, чем слезы.
Нет, подождите, лучше, чем их видеть,—
Вот, вот венец!

(Отдаст им корону.)

Теперь, небесный боже,
Дай мне презреть весь преходящий блеск,
Воссев навеки на небесном троне.
Приди, о смерть, рукой сомкни мне веки
Иль, если выживу, дай мне забыться!

Епископ Уинчестерский,
О государь...

Король Эдуард.

Нет, государем не зови... Исчезни!
Ах, нет, прости! От горя я свихнулся,
Вы Мортимеру этому не дайте
Регентом быть при мальчике моем.
Не так опасно в челюстях быть тигра,
Как на груди его. Ты королеве
Отдай платок; от слез моих он влажен
И высушен он вздохами моими.

(Дает епископу платок.)

И если этот вид ее не тронет,
Верни его обратно и в моей
Крови смочи. А сыну моему
Привет мой передай и повеленье
Правителем быть лучшим, чем я был.
Хотя когда закон я преступал,
То не было ль избытком милосердья?

Трессел.

Почтительно прощаемся мы с вами.
(Епископ Уинчестерский и Трессел уходят.)

Король Эдуард.

Прощайте. Следующей вестью будет
Смерть для меня. И эта весть желанна.
Блаженство для людей несчастных — смерть.

(Акт V, сцена 1.)

ВЛЮБЛЕННЫЙ ПАСТУХ СВОЕЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

О, стань возлюбленной моей,
Живи со мной среди полей!
Всем наслаждаться будем мы,
Чем славны доли и холмы.

Увидишь ты со мной тогда,
Как пастухи пасут стада
У мелких речек, возле скал,
Где слышен птичий мадригал.

Постель из роз тебе сложу,
Букетов тысячу свяжу,
Сплету передник из травы
С узором миртовой листвы;

Тончайшей шерсти на наряд
Тебе овечки подарят;
Дам башмачки тебе зимой,
К ним — по застежке золотой;

Еще тебе я приберег
С янтарной пряжкой поясок;
Коль мило то душе твоей,
То стань возлюбленной моей.

Тебе в погожие деньки
Споют и спляшут пастушки;
Коль есть отрада в жизни сей,
То стань возлюбленной моей.

БЕН ДЖОНСОН

Бен (сокращ. от Бенджамен) Джонсон (Ben Johnson, 1573—1637) — выдающийся английский поэт и драматург, младший современник Шекспира, создатель английской комедии нравов. Родился в Лондоне. Учился в Вестминстерской школе, некоторое время помогал своему отчиму-каменщику в его ремесле (отец Джонсона умер за месяц до рождения сына). Покинув семью, он принял участие в военной экспедиции в Нидерландах, затем в качестве актера и режиссера примкнул к бродячей труппе комедиантов. Вернувшись в Лондон, он вошел в труппу Генсло, с которой связано начало его творческой деятельности. В 1598 г. была поставлена и имела большой успех его первая комедия нравов «У каждого свои причуды» («Every man in his humour»), в которой уже ясно проступают особенности его художественной манеры (теория «юмора»). Убив на дуэли одного актера, Бен Джонсон попал в тюрьму (всего ему в течение жизни пришлось трижды побывать в тюрьме). По-

том последовала ожесточенная полемика с литературными противниками. В 1603 г. увидела свет его трагедия «Падение Сеяна» на сюжет из римской истории (падение всемогущего временщика Тиверия). С восцарением на английском престоле Якова I Бен Джонсон становится придворным драматургом, на обязанности которого лежит сочинение так называемых «масок» (драматические аллегории с танцами, музыкой и пением), долженствовавших украшать придворные празднества. В 1605 г. он пишет одно из своих лучших произведений — сатирическую комедию «Вольпоне, или Хитрый лис» («Volpone, or the Fox»), имевшую шумный успех. За ней следует ряд блестящих комедий: «Эппсин, или молчаливая женщина» (1609), «Алхимик» (1610) и «Варфоломеевская ярмарка» («Bartholomew Fair», 1614). Последняя комедия, написанная на национальную тему, также имела огромный успех. В названной пьесе Бен Джонсон достигает выдающегося мастерства в сценической характеристике жизни «старой веселой» Англии. К 1611 г. отно-

Бен Джонсон (с гравюры XVIII в.).

сится вторая его трагедия на античный сюжет — «Заговор Катилины». После двенадцатилетнего перерыва писатель выступает с комедией «Склад новостей», за которой следуют другие, менее значительные. Последние годы жизни Бен Джонсона были омрачены болезнью и нуждой. Бен Джонсон писал также стихотворения (оды, элегии, эпиграммы и пр.). Современники ценили его выдающиеся познания в науке о древностях, его широкую гуманистическую начитанность в античной литературе.

В историю литературы Бен Джонсон вошел прежде всего как сатирик, пожалуй, наиболее талантливый сатирик из числа английских драматургов эпохи Возрождения. Его тревожил все более разрастающийся дух корыстолюбия, бесчеловечного эгоизма, грубо попиравшего благородные идеалы гуманизма, а также религиозный фанатизм пуритан, которые все решительнее выступали против «мирской» культуры Ренессанса.

На русском языке: «Драматические произведения», под редакцией и со вступительной статьей И. А. Аксенова, два тома, изд. «Academia», 1931—1933 (сюда входят: «Сеян», «Алхимик», «Варфоломеевская ярмарка», «Вольпоне», «Каждый по-своему», «Склад новостей»); «Эписин, или молчаливая женщина», перевод Е. Р. Блох, Пг., 1921; «Вольпоне, или Хитрый лис», перевод П. В. Мелковой, М., 1954 (то же в сборнике пьес: «Современники Шекспира», т. I, М., 1959); «Варфоломеевская ярмарка», перевод Т. Г. Гнедич, М., 1957.

Из комедии

«ВОЛЬПОНЕ, ИЛИ ХИТРЫЙ ЛИС»

Комедия «Вольпоне» принадлежит к числу наиболее характерных созданий Бена Джонсона. Это произведение дает очень ясное представление о художественном методе драматурга, который нашел свое теоретическое обоснование в «теории юмора», во многом предвосхитившей эстетические искания эпохи классицизма. В своих теоретических высказываниях (Бен Джонсон — первый теоретик драмы в английской литературе) Бен Джонсон нападает на «романтическую разнузданность» елизаветинской драматургии, отвергает свободную композицию шекспировских драм, настаивает на соблюдении классического единства времени, защищает принципы бытового реализма в противовес патетическому реализму народной драмы. Он видит задачу комедии в том, чтобы исправлять нравы, поучать и наставлять. При этом в центре внимания Бена Джонсона всегда стоят характеры, однако характеры, лишенные той многосторонности и психологической глубины, которые столь показательны для Шекспира и драматургов его круга. Драматический характер Бена Джонсона обычно зиждется на какой-либо одной психологической черте, на одной какой-либо страсти или настроении (*humour*). «Когда одна единственная страсть так сильно овладевает человеком, что все его желанья, мысли, чувства в один поток сливает неразлучно, мы можем говорить о «настроении» (из пролога к комедии «Каждый вне своих причуд»). На этой одной черте или страсти и строится обычно драматический характер Бена Джонсона. В силу этого персонажи Бена Джонсона не знают внутреннего развития, они превращаются в олицетворения того или иного порока или добродетели, либо — в воплощение какого-либо удивительного чудачества. Уже в самых именах действующих лиц нередко содержится указание на особенности их характера. Так, в комедии «Вольпоне» персонажи названы именами, подчеркивающими их хищный нрав:

Вольпоне — значит большой лис, Вольторе — коршун, Корбаччо — старый ворон, Корвино — вороненок, Моска — муха и пр.

В комедии беспощадно осмеяны люди, одержимые духом стяжательства. Бен Джонсон показывает, как алчность уродует человека, лишает его человеческого облика. В этом отношении звериные имена ряда действующих лиц имеют глубокий нравственный смысл. Ниже мы приводим почти целиком первый акт комедии, в котором автор с большим мастерством нарисовал портреты корыстолюбцев, для которых богатство является самой заветной целью в жизни.

Комната в доме Вольпоне.

Входят Вольпоне и Моска^а.

В о л ь п о н е.

День, здравствуй! Здравствуй, золото мое!

(М о с к е.)

Сними покров, открой мою святыню.

(Моска отдергивает занавес: видны груди червонцев, золотой посуды, драгоценностей и пр.)

Душа вселенной и моя! Земля
Не радуется так восходу солнца
Из-за-рогов небесного Барана^б,
Как я, узрев твой блеск, затмивший солнце,
Тот блеск, который среди других сокровищ
Сверкает как огонь в ночи иль день,
Что вырвался из хаоса внезапно,
Рассеяв тьму. О порожденье солнца,
Ты ярче, чем оно! Дай приложиться
К тебе, ко всем следам твоим священным,
Сокрытым здесь, в стенах благословенных.
Твоим чудесным именем недаром
Прозвали самый лучший век поэты:
Ты совершеннее всего, прекрасней,
Чем радость от детей, друзей, родных,
Ты все мечты на свете превосходишь.
И обладай твоей красой Венера,
Служили б ей сто тысяч купидонов,
Так сила власти велика твоя.
О золото, святыня, бог немой,
Ты языки развязываешь людям
И, не трудясь, трудиться заставляешь.
Не жалко душу за тебя отдать:
Ведь даже ад пылающий с тобою
Отрадней рая. Добродетель, честь
И слава — все в тебе. Твой обладатель
Становится отважным, мудрым, честным.

М о с к а.

И кем захочет, мой синьор. Богатство
Полезнее для счастья, чем мудрость.

^а Вольпоне — венецианский вельможа, Моска — его приживальщик.

^б Имеется в виду созвездие Овна, которым в древности обозначался месяц март.

В о л ь п о н е.

Ты, Моска, прав. Однако больше тешит
Меня искусство хитрое наживы,
Чем радость обладанья; необычный
Избрал я путь: без риска, без торговли;
Не раню землю плугом, не кормлю
Скота для бойни, не развел заводов,
Где с камнем и зерном дробят людей,
Не выдуваю тонкого стекла,
Не шлю судов по грозным волнам моря,
Я денег в банках не держу и в рост
Их не даю.

М о с к а.

Нет, вы не пожирали
Беспечных мотов. А другой проглотит
Наследника не хуже, чем голландец
Глокает масло, не схватив поноса;
Отцов семейства, из постели вырвав,
Не гнали в нежные объятия тюрем,
Где суждено им гнить до самой смерти.
Нет, кротость ваша это отвергает,
Не терпите, чтоб слезы вдов иль сирот
Кропили пол, а жалобные стоны,
Под потолком звеня, зывали к мести.

В о л ь п о н е.

Ты, Моска, прав, я не терплю.

М о с к а.

Вдобавок

Вы не похожи на того, кто, стоя
С цепом в руках пред ворохом пшеницы,
Дрожит голодный, взять зерно жалеет
И будет мальву грызть или полынь.
Не схожи вы с купцом, набившим погреб
Мальвазией и лучшей романеей
(Когда он сам лишь мутный уксус хлещет);
Не спите на соломенной подстилке,
Роскошную постель оставив моли.
Умеете использовать богатство!
И уделить частицу вам не жаль
Хоть мне, иль карлику, или евнуху,
Или шуту, или другим домашним
Из тех, кого содержите!

В о л ь п о н е.
(Дает ему денег.)

На, Моска,
Возьми из рук моих. Ты прав. Тебя
Нахлебником из зависти прозвали.
Пошли мне карлика, шута, евнуха,—
Пусть развлекают меня.

(Моска уходит.)

Что ж больше делать,
Как не ласкать свой ум и жить привольно,
Всей радостью богатства наслаждаясь?
Нет у меня жены, детей, родни,
Наследником же будет тот, кого
Назначу сам. За это мне почет,
И в дом ко мне стремятся каждодневно
Клиенты разных возрастов и наций,—
Несут подарки, золото и камни
В надежде, что вот-вот умру и все
Им с многократной прибылью вернется.
А те, кто пожадней, стремятся мной
Всецело завладеть и, как в любви,
Соперничают в щедрости друг с другом,
А я слежу, надеждами играю
И радуюсь, чеканя их в монеты;
Сношу их нежность и беру, беру,
Беру еще, из рук не выпуская;
Протягиваю вишню к их губам,
Но только рот откроют — вмиг отдерну.

(Стучат.)

М о с к а.
Это адвокат Вольторе,
По стуку узнаю.

В о л ь п о н е.
Скорей халат,
Колпак! Скажи — постель перестилают;
Пусть ждет и развлекает сам себя
Там, в галерее.

(Моска уходит.)

Вот мои клиенты
Визиты начали! Стервятник, коршун,
С вороной ворон,— стая хищных птиц

Слетается в надежде труп увидеть,
Но нет, я жив еще!

(Моска возвращается с халатом и колпаком.)

Ну, что принес он?

М о с к а.

Роскошный кубок.

В о л ь п о н е.

И большой?

М о с к а.

Огромный;

Старинный, толстый; вырезаны там
И герб, и ваше имя.

В о л ь п о н е.

Так. А нет ли

На нем изображения лисы,
Смеющейся над каркнувшей вороной?
Что, Моска?

М о с к а.

Браво!

В о л ь п о н е.

Дай сюда мой мех.

(Наряжается больным.)

Чему смеешься ты?

М о с к а.

Я не могу

От смеха удержаться, представляя,
Как он мечтает там, на галерее,
Что этим даром, может быть, последним,
Поймал он вас; скончайся вы сегодня,
Кем завтра станет он с наследством вашим;
Как щедро будет награжден за риск;
Как будет почитаем, возвеличен,
Когда в мехах поедет среди стаи
Шутов и прихлебателей, а мулу,
Ученому, как сам он, путь расчистят!
Как прослывет великим адвокатом...
И это все считает он возможным!

Вольпоне.

Да, славно быть ученым.

Москва.

Нет, богатым,—
И все приложится. Одень в порфиру
Осла, спрячь два честолюбивых уха,—
И чтим осел, как кафедральный доктор.

Вольпоне.

Колпак скорее, Москва! Ну,пусти.

Москва.

Постойте, где глазная мазь?

Вольпоне.

Ах, верно!
Живей, живей, я жажду в руки взять
Подарок новый.

Москва.

Видеть вас надеюсь
Владельцем тысячи других.

Вольпоне.

Спасибо.

Москва.

Когда же превращусь я в пыль и прах,
А вслед за мною сотни мне подобных...

Вольпоне.

Нет, это слишком...

Москва.

Вы еще живите,
Чтоб этих гарпий надувать!

Вольпоне.

Ты друг мне!
Так. Дай подушку. Пусть теперь войдет.

(Москва уходит.)

Ну, кашель мой, притворный и чахотка,
Паралич, апоплексия, катары,
Все вместе — мне на помощь! В этой позе

Обманываю я надежды многих
Три года. Он идет. Я слышу...

(Кашляет.)

Кха!

Кха!.. Ох!..

(Москва возвращается вместе с Вольторе, который несет кубок.)

Москва.

Себе верны вы. Только вам
Среди других свою любовь он дарит,
А вы мудры, ее оберегая
Приходом ранним, знаками вниманья,
Почтением к нему... И знаю я,
За это вам воздастся! Господин мой!
Синьор Вольторе здесь.

Вольпоне.

(Слабым голосом.)

Не слышу... Что?

Москва.

Синьор Вольторе вас зашел проведать
С утра.

Вольпоне.

Я благодарен.

Москва.

Он принес
Старинный кубок, купленный случайно
На площади Сан-Марко. Вам его
Он хочет подарить.

Вольпоне.

Скажи, я рад,

Проси бывать.

Москва.

Так.

Вольторе.

Что он говорит?

Москва.

Благодарит. Бывать почаще просит.

Вольпоне.

Ох, Моска...

Моска.

Мой патрон!

Вольпоне.

Поближе... Где он?

Пожать хотел бы руку.

Моска.

Кубок здесь.

Вольторе.

Здоровье как?

Вольпоне.

Благодарю, Вольторе.

Где кубок? Плохо вижу.

Вольторе.

(Дает ему в руки кубок.)

Мне так грустно

Вас видеть слабым.

Моска.

(В сторону.)

Не слабей тебя.

Вольпоне.

Вы слишком щедры.

Вольторе.

О, я так желал бы

Здоровье подарить вам с этим кубком.

Вольпоне.

Вы дарите, что можете. Спасибо.

Ваш знак любви не будет безответным.

Прошу бывать почаще.

Вольторе.

Неприменно.

Вольпоне.

Не отдаляйтесь,

Москва.

Вам понятно это?

Вольпоне.

Послушайте... Я вас в виду имею...

Москва.

Ах, мой синьор, какая вам удача!

Вольпоне.

Не протянуть мне долго...

Москва.

Вы — наследник.

Вольторе.

Ужели я?

Вольпоне.

Конец мне, кха-кха-кха!..

В свой порт я отплываю, кха-кха-кха!..

И рад, что скоро гавань обрету.

Вольторе.

Но, Москва...

Москва.

Годы побеждают...

Вольторе.

Слушай,

Действительно ли я наследник?

Москва.

Вы ли!

О милости одной вас умоляю —

Считать меня в числе домашних ваших.

На вас одна надежда; я погибну,

Коль солнце новое не осветит.

Вольторе.

И осветит, и обогреет, Москва.

Москва.

Я человек, который оказал

Вам не последние услуги. Вот

Ключи от сундуков и от шкатулок;

Веду я опись всех сокровищ ваших,
Посуды, денег. Ваш я эконоом.
Все — вам.

Вольторе.

А я — один наследник, Моска?

Моска.

Без дележа. Закреплено сегодня;
Воск теплый, на пергаменте чернила
Не высохли еще.

Вольторе.

Я счастлив, счастлив!
Но как же это вышло?

Моска.

По заслугам.
Других причин не знаю.

Вольторе.

Это скромность
Твоя не знает. Мы ее оценим.

Моска.

Он расположен к вам уже давно
И повторял, как восхищен людьми
Профессии, какую вы избрали:
Так высоко он ценит в них способность
Высказывать в одно и то же время
О каждом деле два различных мнения,
Отстаивая их до хрипоты;
Им так легко, что хочешь повернуть,
Перевернуть, и спутать, и распутать,
Подать двусмысленный совет, а плату
И с правых, и с виновных взять. Он знает,
Что скромники такие преуспеют,
И будет он благословен за выбор
Наследника с душою терпеливой,
Серьезного, с замысловатой речью,
Громкогоголосого, язык чей, впрочем,
И шевелится, и молчит за плату;
Чуть кинул он словцо — давай цехин!

(Стучат.)

Кто там? Стучат. Вас не должны б тут видеть!
Прикиньтесь, будто вы зашли случайно,
А я уж оправданье подыщу.
Когда ж в достатке будете купаться,
В меду по плечи, так что подбородок
Надменно вверх полезет от избытка,
Припомните мои услуги. Я ведь
Клиентом вашим был не худшим.

Вольторе.

Моска!..

Моска.

Когда угодно будет заглянуть
Вам в опись или в завещанье, тотчас
Я принесу. Теперь же уходите,
Да с видом деловым!

(Вольторе уходит.)

Вольпоне.

(Вскакивая.)

Мой чудный Моска,
Приди, тебя я расцелую.

Моска.

Тише!

Пришел сюда Корбаччо^а.

Вольпоне.

Кубок спрячь.

Стервятник улетел, явился ворон.

Моска.

К молчанию и сну вернитесь снова.

(Убирает кубок.)

Стой там и размножайся. Вот явился —
Недужный, дохлый, хуже, чем хозяин
Сумел бы притвориться! А мечтает,
Что тот скорей умрет.

(Входит Корбаччо.)

Синьор Корбаччо,

Мы рады вам.

^а Корбаччо — старый дворянин.

К о р б а ч ч о.

Ну, что, как твой хозяин?

М о с к а.

Все так же, еле-еле...

К о р б а ч ч о.

Встал с постели?

М о с к а.

Нет, еле жив.

К о р б а ч ч о.

Прекрасно. Где же он?

М о с к а.

В своей кровати, только что уснул.

К о р б а ч ч о.

А ночью спал?

М о с к а.

Совсем не спал сегодня,
Как и вчера. Лишь дремлет.

К о р б а ч ч о.

Хорошо
Позвать бы докторов. А я принес
Снотворное от моего врача.

М о с к а.

И слышать не захочет!

К о р б а ч ч о.

Что? Я сам
Следил, пока его приготавливали.
Уверен, что подействует прекрасно;
Ручаюсь жизнью, усыпит его.

В о л ь п о н е.

(В сторону.)

Навеки усыпит, как только примешь.

М о с к а.

Не верит он в лекарства...

К о р б а ч ч о.

Что такое?

М о с к а.

Не верит он в лекарства и твердит,
Что врач страшной болезни: от него
Спасенья будто нет. Он заявлял
Торжественно не раз, что уж врачу
Наследства не отдаст.

К о р б а ч ч о.

Мне не отдаст?

М о с к а.

Что не отдаст врачу.

К о р б а ч ч о.

Да что ты, что ты?

Я не о том.

М о с к а.

И даже за визиты
Он им не платит: лекаря, мол, рады
Содрать с больного шкуру перед тем,
Как умертвить его.

К о р б а ч ч о.

Я понял, понял.

М о с к а.

Для опытов, мол, уморить готовы,
А суд за то не только не карает,
Но награждает; вот он и не хочет
Нанять свою же смерть.

К о р б а ч ч о.

Да, это правда:

Ведь лекарь может на тот свет отправить
Не хуже, чем судья.

М о с к а.

И даже лучше!

Тот убивает только по закону,
А лекарь — он прикончит и судью.

К о р б а ч ч о .

Кого угодно! Ну, а как удар?
Хватил его порядком?

М о с к а .

Прежестого:
Утратил речь и видеть перестал;
Лицо длиннее, чем обычно.

К о р б а ч ч о .

Как?

Сильнее необычно?

М о с к а .

Нет же, сударь!
Длиннее!

К о р б а ч ч о .

Хорошо.

М о с к а .

А рот разинут;
Обвисли веки.

К о р б а ч ч о .

Тоже хорошо.

М о с к а .

Все члены охватил смертельный холод,
А тело стало серым, как свинец.

К о р б а ч ч о .

Вот хорошо!

М о с к а .

Пульс вялый.

К о р б а ч ч о .

Славный признак.

М о с к а .

Из мозга же...

К о р б а ч ч о .

Я понял. Хорошо.

Москва.

...Струится пот холодный. Слизь течет
Из выпяченных глаз его наружу.

Корбаччо.

Вот как! Ого! Я здоровее, значит.
А есть сегодня головокружение?

Москва.

О, если б только это! Он сейчас
Лежит без чувств и перестал хрипеть;
Дыхание почти неуловимо.

Корбаччо.

Я рад. Переживу его конечно;
Помолодел сейчас я лет на двадцать.

Москва.

Шел к вам я...

Корбаччо.

Подписал он завещанье?
Что мне оставил?

Москва.

Нет...

Корбаччо.

Как, ничего?

Москва.

Еще нет завещанья...

Корбаччо.

Ох-хо-хо!

Зачем же был здесь адвокат Вольторе?

Москва.

Почуял пададь, лишь о завещанье
Прослышал он. Ему и невдомек,
Что я обдела дельце в вашу пользу...

Корбаччо.

У них был разговор? Я так и думал!

Москва.

Зашел к нему и кубок преподнес.

К о р б а ч ч о.
Наследства ждет?

М о с к а.
Не знаю.

К о р б а ч ч о.
Я знаю! Это так!

М о с к а.
(В сторону.)
По себе, наверно.

К о р б а ч ч о.
Что ж,
Его опережу. Взгляни-ка, Моска:
Мешок моих новехоньких цехинов
Уж, верно, кубок перевесит.

М о с к а.
(Беря мешок.)

Как же!
Вот верное, священное лекарство;
Получше, чем любое из снотворных!

К о р б а ч ч о.
Хоть пить нельзя, но можно осязать.

М о с к а.
Мы будем в кубке подавать ему.

К о р б а ч ч о.
Да, дай, дай, дай!

М о с к а.
Чудесный эликсир.
Он исцелит его!

К о р б а ч ч о.
Да, дай, дай, дай!

М о с к а.
А надо ль вам. . .

К о р б а ч ч о.

Что?

М о с к а.

...Исцелять его?

К о р б а ч ч о.

О нет, нет, нет, не надо!

М о с к а.

Это средство
Произведет неслыханный эффект.

К о р б а ч ч о.

Да, правда. Воздержись. Снимаю ставку:
Давай обратно.

М о с к а.

Ни за что, простите!
Зачем же портить дело? Вам совет
Подам такой, что все себе вернете.

К о р б а ч ч о.

Как?

М о с к а.

Все, по праву, так, что не оспорят
И части. Здесь соперника вам нет.
Так суждено.

К о р б а ч ч о.

Но как же, милый Моска?

М о с к а.

Послушайте. Как только полегчает...

К о р б а ч ч о.

Я слушаю тебя...

М о с к а.

Едва хозяин
В себя придет, его уговорю я
Составить завещанье в вашу пользу
И покажу...

(Показывает на деньги.)

К о р б а ч ч о.
Прекрасно!

М о с к а.
Будет лучше,
Когда вы станете моим советам
Во всем послушно следовать.

К о р б а ч ч о.
Охотно.

М о с к а.
Советую домой вам поспешить,
Составить завещанье и назначить
Единственным наследником Вольпоне.

К о р б а ч ч о.
Лишить наследства сына?

М о с к а.
Тем сильнее
Хозяин будет тронут!

К о р б а ч ч о.
Тем сильнее? . .

М о с к а.
Потом ко мне пришлите завещанье.
Когда же я начну перечислять
Все ваши посещения, молитвы,
Подарки частые и этот дар,
И завещанье, наконец, в котором,
Наперекор природному влечению
К честнейшему, достойнейшему сыну,
Вы отдались порыву дружбы, сделав
Хозяина наследником единым,—
Не будет он бесчувственным, конечно,
И вас из благодарности объявит. . .

К о р б а ч ч о.
Своим наследником?

М о с к а.
Так.

К о р б а ч ч о.

Этот план
Был раньше мной придуман.

М о с к а.

Верю вам.

К о р б а ч ч о.

Не веришь?

М о с к а.

Что вы, сударь!

К о р б а ч ч о.

Мой проект!

М о с к а.

Когда ж он вас...

К о р б а ч ч о.

Наследником объявит?

М о с к а.

Ведь вы его переживете...

К о р б а ч ч о.

Да.

М о с к а.

При вашей бодрости...

К о р б а ч ч о.

Конечно.

М о с к а.

Сударь...

К о р б а ч ч о.

Предвидел я и это. Посмотрите,
Ведь он мои высказывает мысли!

М о с к а.

И вы не только сами разживетесь...

К о р б а ч ч о.

Но передам и сыну.

Москва.

Верно, сударь.

Корбаччо.

И все придумал я!

Москва.

Но знает небо,
Каких мне стоило трудов, усилий
[Я даже поседел], чтоб все наладить...

Корбаччо.

Я понимаю милый...

Москва.

Ведь для вас
Я так стараюсь.

Корбаччо.

Действуй, действуй, действуй.
А я сейчас...

(Направляется к двери.)

Москва.

(В сторону.)

Обманут будешь, ворон.

Корбаччо.

Ты честный малый.

Москва.

(В сторону.)

Вот уж врешь!

Корбаччо.

И, право...

Москва.

(Так же.)

Твой ум — такой же слабый, как и слух.

Корбаччо.

Я буду для тебя отцом, мой милый.

Москва.
(Так же.)

Чтоб легче было дядю обобрать.

Корбаччо.

Верну себе я молодость, увидишь!

Москва.
(Так же.)

Ах, старый ты осел!

Корбаччо.

Что говоришь ты?

Москва.

Советовал бы вам поторопиться.

Корбаччо.

Да, да, сейчас иду.

(Уходит.)

Вольпоне.

(Вскакивая с кровати.)

Я, право, лопну!

Едва не треснули бока...

Москва.

Сдержите

Припадок смеха. Видите, надежда —
Приманка, что любой крючок прикроет.

Вольпоне.

Ты так хитро придумал! Так подстроил!
Не выдержи, подлец! Дай расцелую!
Таким тебя еще я не видал.

Москва.

Я делал так, как вы меня учили:
Советы ваши облакал в слова;
Сначала я умасливал глупцов,
А после — выпроваживал.

Вольпоне.

Ты прав;

Сама себя наказывает скупость.

Москва.

При нашей помощи, не так ли, сударь?

В о л ь п о н е.

Как много опасений и недугов,
Забот и страхов осаждают старость!
Мы часто слышим — призывают смерть
Те, у кого слабеют руки, ноги,
Тупеют чувства, гаснут слух и зренье,
Мертвеет все, и даже сами зубы —
Орудия еды — им изменяют.
А все-таки хотят пожить... Как странно!
Старик, который только что ушел,
Хотел бы жизнь продлить любой ценою.
Забыв свою подагру и паралич,
Он хвалится, что сбросил двадцать лет,
И льстит своим годам, поверив в это;
Лелеет мысль он молодость вернуть
Посредством волшебства, как в старину
Пытался это сделать царь Эсон^а.
Однако он при этом забывает,
Что обмануть судьбу куда труднее,
Чем самого себя.

(Стук.)

Кто там стучится?

М о с к а.

Скорей в постель! Я голос узнаю:
Купец Корвино, щеголь наш.

В о л ь п о н е.

(Укладывается снова.)

Я умер.

М о с к а.

Еще разок глаза подмажу.

(Смазывает ему глаза.)

Кто там?

(Входит Корвино.)

Синьор Корвино, как вы кстати! О,
Вы рады будете узнать, что оч...

^а Согласно древнегреческому мифу Эсон захотел омолодиться при помощи чар своей невестки Медеи; попытка эта окончилась его гибелью.

Корвино.

Ну как? Что с ним?

Моска.

Настал желанный час.

Корвино.

Не умер же?

Моска.

Нет, но почти скончался;

Не узнает.

Корвино.

Что ж делать мне?

Моска.

О чем вы?

Корвино.

Принес ему я жемчуг.

Моска.

А быть может,

Сознания хватит, чтоб узнать вас, сударь?

Он все еще зовет вас. На устах

Лишь ваше имя. Жемчуг — без изъяна?

Корвино.

Венеция подобным не владела.

Вольпоне.

(Слабым голосом.)

Синьор Корвино!

Моска.

Чу!

Вольпоне.

Синьор Корвино!

Моска.

Зовет. Ему отдайте. Здесь он, сударь.

Принес жемчужину.

Корвино.

Ну, как здоровье?
Скажи ему — две дюжины карат.

Москва.

Он не поймет; ведь слух его покинул.
Одна отрада — видеть вас.

Корвино.

Скажи —
Есть и брильянт.

Москва.

Вы лучше покажите,
Вложите в руку — только так он сможет
Понять. Он чувства сохранил еще.
Видали, как схватил?

Корвино.

Увы, бедняга!
Какой плачевный вид!

Москва.

Ну, полно, сударь:
Слеза наследника подобна смеху
Под маской.

Корвино.

Как, ужели я наследник?

Москва.

Не оглашать я клялся завещанье,
Пока он жив. Но тут пришел Корбаччо,
Потом Вольторе и еще другие. . .
Их было множество — не перечесть!
Все как один наследства домогались,
Но я воспользовался тем, что звал он
Ежеминутно вас: «Синьор Корвино!»,
Схватил перо, чернила и бумагу,
Спросил: «Наследник кто?» — «Корвино». — «Кто
Душеприказчик ваш?» — «Корвино». Тут он
Замолк совсем, кивая головой
От слабости. Я счел кивки согласьем
И всех других ни с чем домой отправил;
Им только и осталось что ругаться.

Корвино.

О Моска, дорогой!

(Они обнимаются.)

Он нас не видит?

Моска.

Не больше, чем слепой арфист. В лицо
Не узнает ни друга, ни слугу,
Хотя бы тот кормил его, поил;
И тех, кого зачал иль воспитал,
Не помнит он.

Корвино.

Так дети есть?

Моска.

Ублюдки.

Их с дюжину зачал он в пьяном виде
От нищих, от цыганок иль жидовок.
Не знали разве? Всем давно известно,
Что карлик, шут и евнух, все — его.
Он истинный отец всех домочадцев,
Кроме меня; но все ж он ничего
Им не оставил.

Корвино.

Так... Он нас не слышит?

Моска.

Да что вы! Вот сейчас вы убедитесь!

(Кричит в ухо Вольпоне.)

Тебе бы сифилис еще подбавить,
Чтоб унесло скорей ко всем чертям!
Распутством заслужил ты, чтобы он
Сгноил тебя насквозь, с чумой в придачу.—
Поближе станьте.— Пусть бы уж закрылись
Навек твои глаза с их мерзким гноем,
Похожие на двух осклизлых жаб!
А кожа на щеках твоих обвислых —
Не кожа, шкура... Помогайте, сударь! —
Совсем как два кухонных полотенца,
Что стали жесткой тряпкой на морозе.

Корвино.

(Повышая голос.)

Иль прокопченная насквозь стена,
Рябая от дождя.

Москва.

Отлично! Дальше!
Попробуйте погромче; кулеврину
Под ухом разрядите — не услышит.

Корвино.

Твой нос течет, что водосточный желоб.

Москва.

А рот?

Корвино.

Похож на выгребную яму!

Москва.

Заткните...

Корвино.

Не могу.

Москва.

Позвольте мне!
Я мог бы, право, задушить его
Подушкой не хуже, чем сиделка.

Корвино.

Как хочешь; только я уйду.

Москва.

Ступайте.

Покуда здесь вы, теплится в нем жизнь.

Корвино.

Но без насилья!

Москва.

Почему же, сударь?
К лицу ли вам такая щепетильность?

Корвино.

Ну, сам решай.

Москва.

Отлично! Уходите.

Корвино.

Я жемчуг не возьму, чтоб не тревожить
Больного.

Москва.

И брильянт оставьте тоже.
Что вас смущает? Разве все не ваше?
Не здесь ли я, ваш преданный слуга,
Обязанный вам жизнью?

Корвино.

Милый Москва!
Ты мой помощник, друг и компаньон,
Партнер, который все со мной разделит.

Москва

Кроме...

Корвино.

Чего?

Москва.

Супруги вашей, сударь.

(Корвино уходит.)

Ушел. Иного средства я не видел
Его прогнать.

Вольпоне.

Мой несравненный Москва!
Себя ты превзошел сегодня.

(Стук.)

Кто там?

Довольно беспокойства! Приготовь
Пир, танцы, музыку, все развлеченья,
И в наслаждениях своих султан
Не будет сладострастнее Вольпоне.

(Москва уходит.)

Цехины, жемчуг, кубок и брильянт.
Да, утренняя хороша добыча!..

И в дальнейшем все эти люди, одержимые алчностью, продолжают дурачить друг друга, пресмыкаться и подличать. Алчность толкает их на самые низкие поступки. Ревнивый Корвино в надежде получить богатство насильно тащит к Вольпоне свою добродетельную жену. Адвокат Вольторе готов погубить невинных людей, обелить негодяев, превратить суд в служанку порока. Однако справедливость в конце концов торжествует. Лукавый Вольпоне становится жертвой собственных козней. Он теряет все свои богатства и попадает в тюрьму. Москву посылают на галеры.

«ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ ЯРМАРКА»

Комедия, лишенная твердой сюжетной основы, состоит из ряда колоритных сценок, воспроизводящих шумную суету лондонской ярмарки, с ее буйным весельем, мошенническими проделками, обжорством, руганью, острословием, выкриками торговцев, гомоном разношерстной толпы и т. п. Бен Джонсон с замечательным мастерством рисует обычаи и нравы своего времени. Предвосхищая замысел Беньяна («Путь паломника») и Теккерея («Ярмарка тщеславия»), он развертывает широкую сатирическую картину современной английской жизни, наполненной глупостью, плутовством, лицемерием, тщеславием и прочими пороками.

Среди сатирических персонажей комедии видное место отведено пуританскому проповеднику Ребби Бизи (ребби — «духовный учитель»). этому английскому Тартюфу начала XVII в. Драматург зло осмеивает его показное благочестие, за которым скрываются весьма прозаические корыстные интересы. Он великолепно пародирует пуританские «пророческие» речения, пересыпанные высокопарными библейскими терминами и оборотами. Наряду с другими гуманистами Бен Джонсон питал глубокую неприязнь к пуританам, которые решительно отвергали ренессансное жизнерадостное вольномыслие, а также ожесточенно нападали на театр и всякого рода народные увеселения, видя в них дьявольское навождение.

Миссис Литлуит^а. Видите ли, сэр, знающие люди из Каулейна^б составили для моей матушки гороскоп; они гадали по ее моче и уверили ее, что она не будет счастлива ни одной минуты, если не выйдет замуж на этой неделе, и притом обязательно за сумасшедшего.

Литлуит^в. Да, но за дворянина притом.

Миссис Литлуит. Да, так ей сказали в Мурфилде^г.

Уинуайф^д. Но разве она верит им?

Миссис Литлуит. О да! С тех пор она по два раза в день наведывается в Бедлам^е: все справляется, не поступал ли туда сумасшедший дворянин.

Уинуайф. Помилуйте! Да все эти обманщики просто сговорились одурочить ее!

Литлуит. Именно это я и говорю ей. Говорил ей даже, что, быть может, имеется в виду не то, чтобы уж совсем сумасшедший, а просто молодой, несколько взбалмошный дворянин; ведь дьявол хитер, как лавочник, и его пророчения бывают двусмысленны. Вот почему я и советую вам быть впредь немножко взбалмошнее, чем мистер Куорлос^ж.

^а Как и в комедии «Вольфоне», в «Варфоломеевской ярмарке» имена действующих лиц являются смысловыми. Литлуит — значит — малоум, Бизи — делец, Уинуайф — победитель женщин, Куорлос — задира, Коукс — дурачок, Лезерхед — кожаная голова, Эджуорт — острое, Нокем — стукалка, Треш — отбросы и т. д.

^б Каулейн — одна из больших лондонских улиц.

^в Джон Литлуит — стряпчий, миссис Уин Литлуит — его жена.

^г Мурфилд — место для гуляний за городской чертой Лондона.

^д Уинуайф — молодой дворянин.

^е Бедлам — приют для сумасшедших.

^ж Том Куорлос — приятель Уинуайфа, игрок.

Уинуайф. Где же она теперь? Все хлопочет?

Литлуит. Еще бы! Да как хлопочет! Сейчас она ублажает почтенного старца из Бенбери^а. Он аккуратно является, когда мы садимся за стол, и до изнеможения читает предобеденные и последобеденные молитвы, восхваляя страждущих братьев и воссылая мольбы о том, чтобы выпустили на свободу псалмопевцев. Иной раз дух, накотивший на него, бывает настолько силен, что старец прямо выходит из себя, и тогда наша матушка или моя Уин стараются вернуть его в себя с помощью мальвазии и aqua coelestis^б.

Миссис Литлуит. Да, в самом деле, нам трудненько приходится и с его питанием, и с его одеждой! Он обрывает все пуговицы и раздирает на себе платье при каждом слове, которое из себя исторгает.

Литлуит. Он говорит, что не переносит людей моей профессии.

Миссис Литлуит. О да! Он сказал моей матушке, что стряпчий — это коготь зверя^в и что, выдав меня замуж за стряпчего, она почти совершила смертный грех.

Литлуит. Он говорит, что каждая строка, написанная стряпчим для оглашения в архиепископском суде, — это длинный черный волос, вычесанный из хвоста антихриста.

Уинуайф. Когда же появился этот проповедник?

Литлуит. Дня три тому назад.

...Уинуайф. Как зовут почтенного старца, о котором вы сообщили, ну, этого, из Бенбери?

Литлуит. Ребби Бизи, сэр; он больше, чем старец, он пророк, сэр.

Куорлос. О, я его знаю. Он ведь, кажется, булочник?

Литлуит. Да, был булочником, но теперь у него появились видения и откровения, и он оставил свое прежнее ремесло.

Куорлос. Да, помню, помню. Он уверяет, будто сделал это из-за угрызений совести: ведь его булочки и пирожные служили угощением на свадьбах, на майских праздниках, когда танцуют моррис^г, — словом, на всяких мирских сборищах и увеселениях. Его подлинно христианское имя — Ревнитель.

Литлуит. Да, сэр, именно так — Ревнитель.

Уинуайф. Как! Да разве есть такое имя?

Литлуит. О, у них у всех такие имена, сэр! Он был за мою

^а Бенбери — городок неподалеку от Лондона, где в конце XVI в. обосновалась обширная и влиятельная община пуритан.

^б Небесная вода.

^в Коготь зверя — «лапа антихриста», один из излюбленных религиозных образов пуритан, которым всюду мерещились грех и «козни дьявола».

^г Моррис — национальный английский танец с пантомимой.

Уин «поручителем» — ведь слова «крестный отец» они не признают — и назвал ее «Винуискупающая». А вы, вероятно, полагали, что ее полное имя Уинфред, неправда ли?

Уинуайф. Да, признаться, я так думал.

Литлуит. Он счел бы себя окаянным нечестивцем, если бы дал ей такое имя.

Куорлос. Ну, конечно: у одной леди в иссиня-белом, туго крахмаленном чепце было такое же имя. О, это лицемерный гад! Я его хорошо знаю. У него вся вера на роже, а не в сердце; он постоянно возмущается, призывает к исправлению нравов и порицает тщеславие. Это просто полоумный, который разыгрывает из себя избранника божьего. Хорошие дела за ним водятся. Он довел до разорения одного лавочника здесь, в Ньюегейте: тот доверил ему все свои средства и стал таким же очумелым, утверждает, что всегда пребывает в состоянии младенческой невинности. Древних он осмеивает, наук не признает; единственный его догмат — «откровение». Если с годами он и набрался кой-какого разума, то это сводится на него его врожденным невежеством. Лучше с ним не связывайтесь: это нахальнейший и отвратительный субъект, уверю вас!

...Литлуит. Уин! Оказывается, очень модно посещать ярмарку. Мы с тобой тоже должны побывать на ярмарке, Уин. У меня есть кое-какие дела на ярмарке, Уин. Я, видишь ли, сочинил пьеску для кукольного театра, и эту пьеску моего сочинения тебе бы надо посмотреть, Уин.

Миссис Литлуит. Я охотно пошла бы с тобой, Джон, но матушка моя ни за что не согласится на такое нечестивое предложение, как она выражается.

Литлуит. Ну, мы придумаем какую-нибудь хитрость, ловкую такую хитрость; только ты немножко помоги мне, ну, миленькая! Пожалуйста!.. Вот я уже придумал, Уин, ей-богу, придумал, и очень тонко придумал. Вот послушай: Уин мечтает о свинине, моя прелестная Уин хочет поесть свинины на ярмарке, именно на ярмарке, а не в какой-то там закусочной! А твоя матушка, Уин, сделает все, чтобы удовлетворить твоё желание, ты это знаешь. Ну, начинай сразу, миленькая Уин. Притворись больной, а я пойду и скажу ей. Распусти шнуровку и притворяйся получше, моя прелестная Уин.

Миссис Литлуит. Ну, уж нет, я из-за этого не стану неряхой. Я смогу отлично притвориться и не распуская шнуровки.

Литлуит. Ты права: ведь ты выросла в такой семье и приучена к этому. Матушка наша уж такая лицемерка, всех превзошла в притворстве и вот уже семь лет обучает нас этому искусству как настоящих дворян.

Миссис Литлуит. Не осуждай ее, Джон, она недаром считается мудрой вдовой и почитаемой сестрой псалмопевцев^а. И меня не осуждай: я от матушки кое-что унаследовала, вот увидишь! Зови ее. (*Притворяется, что ей дурно.*) Зови ее! Ах, ах!

(*Литлуит уходит.*)

Ах! Ах! Ах!

(*Входят Литлуит и вдова Пюркрафт.*)

Вдова Пюркрафт. Пресветлое пламя добродетели да отгонит всякое зло от дома нашего! В чем дело, дитя мое, что с тобой? Милое дитя мое, ответь мне.

Миссис Литлуит. Мне плохо...

Вдова Пюркрафт. Посмотри на меня, милая дочь моя, вспомни, что имя твое — Винуискупающая. И не позволяй врагу рода человеческого входить во врата твоего разума. Вспомни, что ты воспитана в чистоте. Какой это язычник впервые упомянул в твоём присутствии скверную тварь — свинью, дитя мое?

Миссис Литлуит. Ах! Ах!

Литлуит. Только не я, матушка, клянусь честью. Она уже часа три как томится и только недавно призналась, что ей нужно. Кто внушил тебе эту мысль, Уин?

Миссис Литлуит. Нечестивое черное существо с бородой, Джон.

Вдова Пюркрафт. Противься ему, Винуискупающая, это совратитель, презренный совратитель! Это сразу видно по одному слову «свинья». Укрепи дух свой против его нападений, ибо он стремится поработить и плоть и кровь твою. Молись и старайся противиться плотским желаниям, милое дитя мое! Любимое дитя мое, молись!

Литлуит. Милая матушка, я попросил бы вас позволить ей вдоволь поесть свинины. Не пугайте свое собственное дитя, а быть может, и мое дитя, рассказами о совратителе. Как ты себя чувствуешь, Уин? Тебе плохо?

Миссис Литлуит. О да! Очень плохо, Джон! Очень, очень плохо! Ах! Ах!

Вдова Пюркрафт. Что же нам делать? Позовем ревностного брата нашего Бизи и попросим его благочестивой помощи в борьбе с врагом рода человеческого.

(*Литлуит уходит.*)

Дитя мое! Милое дитя мое, успокойся! Ты поешь свинины, дорогое дитя мое.

Миссис Литлуит. Да, да! И на ярмарке, матушка!

Вдова Пюркрафт. Поешь и на ярмарке, если только можно найти этому какое-нибудь оправдание!

(*Входит Литлуит.*)

^а Пуритане любили распевать псалмы.

Ну, где же брат Бизи! Придет ли он? Ободришь, дитя мое!

Литлуит. Сейчас придет, матушка! Он только оботрет бо-
роду. Я застал его улетающим индейку. В левой руке он держал
огромную белую булку, а в правой — стакан с мальвазией.

Вдова Пюркрафт. Не клевети на братьев, нечестивец!

Литлуит. А вот и он сам идет, матушка.

(Входит ребби Бизи.)

Вдова Пюркрафт. Ах, брат Бизи! Мы взываем к вашей
помощи! Умудрите и укрепите нас: дочь моя, по имени Винуиску-
пающая, обуреваема естественным недугом женщины, именуемым
желанием поесть свинины.

Литлуит. Да, сэр, и притом варфоломеевской свинины, на
ярмарке.

Вдова Пюркрафт. И вот я прошу вас, мудрейший в вере
наставник наш, разъяснить нам, могут ли вдова, участвующая
в святой общине, и дочь этой вдовы совершить такое, не сея со-
блазна среди малых сих?

Ребби Бизи. Воистину, недуг желания есть недуг и плот-
ский недуг; и таковым является аппетит, свойственный женщинам.
Но поскольку это плотский недуг и поскольку он свойствен, он
естествен, очень естествен. Теперь рассудим далее: свинина есть
мясо, а мясо питательно и может возбуждать желание быть съе-
денным и, следовательно, может быть съеденным. Мясо может
быть съеденным, даже великолепно съеденным. Но есть мясо на яр-
марке и притом есть мясо, именуемое «варфоломеевская свинья», не
подобает, ибо само название «варфоломеевская свинья» уже являет
собой некий вид идолопоклонства, а ярмарка — это капище языче-
ское. Так я понимаю, и так оно и есть: капище языческое!

Литлуит. Да, но в случае особенных обстоятельств местом
можно пренебречь, мистер Бизи. Я все же надеюсь...

Вдова Пюркрафт. Добрый брат наш! Ревнитель! Пораз-
мыслите, как бы все-таки сделать это дозволенным.

Литлуит. Да, да, сэр, и поскорее, пожалуйста. Это не-
отложно: вы видите, в какой опасности моя женашка, сэр.

Вдова Пюркрафт. Я нежно люблю свою дочь и не хочу,
чтобы у нее был выкидыш или чтобы первый плод ее пострадал
от какой-то простой случайности.

Ребби Бизи. Точно. Рассудить можно и иначе. Но это
требует размышлений, ибо это может ввести в соблазн малых сих,
ибо это опасно и нечисто. Но на все опасное и нечистое можно
набросить покров, сделать его как бы незаметным. Итак, при-
ем, что свинину можно есть на ярмарке, в лавочке или даже
в палатках нечестивцев. Место, действительно, не имеет значения,
во всяком случае, не имеет большого значения: ведь можем же
мы оставаться верующими среди язычников. Но только вкушать
свинину надлежит со скромностью и смирением, а не с плотоядной
жадностью и прожорливостью, ибо грех и опасность заключаются

только в этом. Ибо ежели дочь твоя пойдет на ярмарку любоваться этим скопищем, восторгаться нечестивыми нарядами, тешить суетность очей своих и услаждать похоть желудка, сие будет дурно и непристойно, ужасно и зело греховно.

Литлуит. Ну, вот, я так и знал! Я ведь говорил то же самое. Не падай духом, Уин, мы наберемся смирения, отыщем самую скромную лавочку на ярмарке — за это уж я ручаюсь — и съедем, все, что там окажется.

Вдова Пюркрафт. Да, да! И я сама пойду с вами, дитя мое, и брат наш Ревнитель тоже пойдет с нами, дабы совесть наша была совсем спокойна.

Миссис Литлуит. Ах! Ах!

Литлуит. Да, и Соломон^а пойдет с нами, Уин. Чем больше людей, тем веселей. *(В сторону, к миссис Литлуит.)* А ребби Бизи мы оставим где-нибудь в лавочке. Соломон! Мой плащ!

Соломон. Вот он, сэр.

Ребби Бизи. Во поощрение малых сих я тоже пойду с вами и буду есть. Я буду много есть и проповедовать. Ведь, как пораздумаешь, из этого можно извлечь большую пользу: поедая свиное мясо, мы тем самым утверждаем свою святую ненависть и отвращение к иудейству, которым заражены многие братья наши. Посему я буду есть! Да, буду без усталости есть!

Литлуит. Прекрасно! Ей-богу, прекрасно! Я тоже буду есть до отвала, ибо не хочу, чтобы меня приняли за иудея: мне это кичливое племя не по душе. И, кажется, мой сынишка пойдет в меня. Видите, он просит свинины уже в утробе матери!

Ребби Бизи. Очень возможно, весьма возможно, зело возможно!

(Акт первый, сцена первая.)

...Ребби Бизи. Итак, шествуйте прямо и токмо прямо, не сворачивая ни вправо, ни влево; не допускайте, чтобы глаза ваши прыщались мирской суетой, а уши — богопротивными звуками.

Куорлос. О! Я узнаю его уже по началу!

Лезерхед^б. Что прикажете, мадам? Что вы желаете купить? Отличную лошадку для вашего сыночка? Вот барабанчик, если он хочет быть солдатом, а вот скрипка, если он будет музыкантом. Что вам угодно? Что вы желаете? Вот собачка для вашей дочурки, а вот пупсики мужского и женского пола.

Ребби Бизи. Не взирайте на них и не внимайте им. Эта площадь именуется Смитфильд, сиречь поле кузнецов, вертел игрушек и безделушек, и товары сии суть товары дьявола и вся эта ярмарка — лавка сатаны. Смотрите: крючки и приманки раз-

^а Соломон — слуга Литлуита.

^б Ленгортн Лезерхед — продавец безделушек.

вешаны со всех сторон, дабы изловить вас и удержать за жабры и ноздри, подобно тому как делает рыбак; а посему не смотрите на них и не поворачивайтесь к ним. Вспомните, что и язычник сумел законопатить себе уши воском, дабы уберечься от распутницы морской^а. Сделайте и вы то же самое, но перстами — и оградите себя от соблазна Зверя^б!

У и н у а й ф. Он мечет громы и молнии.

Ку о р л о с. Да они из его же собственной печи; ведь он был хороший булочник в свое время, когда орудовал пекарской лопатой. Теперь он ведет свое стадо на ярмарку.

У и н у а й ф. Точнее говоря, в загон: он им даже взглянуть ни на что не позволяет.

(Из палатки Урсулы выходят Нокем и капитан Уит^в.)

Но к е м. Благородные дамы! Погода жаркая. Ну, куда вы идете? Поберегите свои прекрасные бархатные шляпки. На ярмарке пыльно. Зайдите со всеми своими друзьями в уютную прохладную палатку, украшенную ветками, и освежитесь в ее тени. Лучшие свиньи и лучшее пиво на ярмарке, сэр. Лучшая повариха ярмарки — сама старая Урсула. Вот, можете прочитать: кабанья голова свидетельствует об этом! (Указывает на вывеску, где изображена большая кабанья голова, под ней — размашистая подпись.) Бедняжка Урсула! У нее был шпат и мокрый лишай, но теперь она вполне подлечена.

Ка п и т а н У и т. Пегекгасная свинина, судагыни! Под сладким соусом и потгескивает, как лавговый лист. Увегяю вас! Вам предостоят пегвое место, скатегть, пегевегнутую чистой стогоной, а кжужки и тагелки пегемоеет сама фея гучья.

Л и т л у и т (глазает на вывеску). А это ведь ловко придумано, ей-богу, ловко! Вы только посмотрите: «Здесь лучшие свиньи, и она жарит их со своим обычным умением». И это говорит сама свиная голова!

Но к е м. Превосходно, превосходно, хозяйка! Свинина, зажаренная на огне из веток можжевельника и розмарина, — вот что сулит нам свиная голова, сэр!

В д о в а П ю р к р а ф т. Сын мой! Разве ты не слышал предостережений от соблазна ока? Ужели ты так скоро позабыл укрепляющее поучение?

Л и т л у и т. Но, милая матушка, если мы не станем искать свинью, то как мы найдем ее? Не бросится же она с противня прямо к нам в рот с криком: «Уи, уи!», как в стране лентяев из детской сказочки?

^а Речь идет об Одиссее и сиренах. Чтобы уберечь корабль от гибели, Одиссей своим матросам залепил уши воском.

^б Т. е. антихриста.

^в Урсула — тучная и горластая торговка свинойной на ярмарке; Денвель Джордан Нокем — барышник с улицы Тернбул; капитан Уит — сводник, он не выговаривает буквы «р».

Ребби Бизи. Нет. Но матушка ваша при всем своем благочестии постигает, что свинья может явить себя нашим чувствам разными способами, а не только посредством паров, как, я разумею, это происходит здесь. (*Втягивая в себя воздух.*) О да! Несомненно! (*Принюхивается, как охотничья собака.*) И было бы грехом упорства, великого упорства, жестокого и ужасного упорства отклонять его или противостоять доброму щекотанию чувств голода, именуемому обонянием. Посему — будь смел! Иди по следу! Входи в шатры нечистых и утоли желания своей женушки. Пусть твоя слабая духом женушка насладится, и твоя богобоязненная матушка, и я, бедный, и все мы насладимся!

Литлуит. Послушай, Уин, давай тут останемся, что нам идти дальше: все равно ничего не увидим.

Ребби Бизи. Рано войдя под кров сей, мы избежим многих других соблазнов.

Вдова Пюркрафт. Это замечательное соображение!

Миссис Литлуит. Ну, это никуда не годится. Прийти на ярмарку и ничего не посмотреть!

Литлуит. Уин, миленькая Уин, имей терпение, Уин! Позже я тебе кое-что скажу.

.. Вдова Пюркрафт. Братец Ревнитель! Что нам делать? Дочь моя снова охвачена припадком желания!

Ребби Бизи. Как! Она хочет еще свинины? Но ведь больше нет свинины.

Вдова Пюркрафт. Нет. Теперь она жаждет ярмарочных зрелищ.

Ребби Бизи. Сестра! Вели ей немедленно бежать от нечистых забав места сего, дабы не прикоснуться к его грязи. Сие есть Смитфилд, иже есть сказуемо логово Зверя, и я покидаю его, ибо идолопоклонство выгладывает из всех нор его! (*Проходит мимо.*)

Нокем. Вот первоклассный лицемер! Теперь, когда он наполнил брюхо, он брыкается и лягается, подлая кляча! Вот подходящий момент. Я пойду и развеселю Урсулу, порассказав ей, как действует ее свинина; две с половиной порции он съел один и выпил почти полное ведро пива. Жрет, как акула. (*Уходит.*)

Лезерхед. Что прикажете, джентльмены? Что покупаете? Погремушки, игрушки, барабанчики, пупсики?

Ребби Бизи. Исчезни со своим презренным товаром, нечистый торгаш! Исчезни со своими драконами и псами! Ибо все твои лошадки суть идолы, истинные идолы, а ты уподобляешься Навуходоносору, горделивому Навуходоносору^а ярмарки, ибо рас-

^а *Навуходоносор* — упоминаемый в Библии вавилонский царь, разрушивший Иерусалим и его храм, вследствие чего среди иудеев он прослыл величайшим гонителем «истинной веры».

ставляешь приманки для малых сих, дабы они впадали в грех идо-
лопоклонства.

Лезерхед. Пощадите, сэр! Купите лучше скрипочку, чтобы
отводить душу.

(Входят Литлуит и миссис Литлуит.)

Литлуит. Ну, посмотри, Уин, посмотри, бога ради, и успо-
койся! Здесь есть на что посмотреть!

Вдова Пюркрафт. Да, дитя мое! Если ты ненавидишь
их столь же искренно, как и брат наш Ревнитель, то можешь смот-
реть на них.

Лезерхед. А что вы скажете по поводу барабанчика, сэр?

Ребби Бизи. Барабан — это брюхо Зверя, и меха твои —
легкие Зверя, и трубки твои — глотка Зверя, и перья твои —
хвост его, и трещотки — скрежет его зубов!

Треш^а. А что такое мои пряники, с вашего разрешения, сэр?

Ребби Бизи. Это пища, его возбуждающая! Прочь с глаз
моих со своим лотком, блудница! Сии паточные звери являют со-
бой содом языческий!

Лезерхед. Вот что, сэр, если вы не утихомиритесь, так я
добьюсь, что вас посадят в колодки за то, что вы препятствуете
торговле.

Ребби Бизи. Блуд торговли возмущает меня и грех ярмар-
ки раздражает меня так, что я не могу молчать!

Вдова Пюркрафт. Ах, мой дорогой брат Ревнитель!

Лезерхед. Сэр, я заставлю вас замолчать, поверьте мне!

Литлуит *(в сторону Лезерхеда)*. Ах, честное слово, прия-
тель, если бы вы сумели это сделать, я дал бы вам тут же целый
шиллинг!

Лезерхед. Сэр, давайте мне шиллинг! А если я не сумею
его успокоить, забирайте всю мою лавку! Могу оставить ее вам
в залог.

Литлуит. Идет! Только сделай это живо.

Ребби Бизи *(вдове Пюркрафт)*. Не мешай мне, женщина!
Не мешай мне! Дух наставил меня сегодня явиться на эту ярмар-
ку, дабы обличить все ее грязные игрища, клонящиеся к осмеянию
святых, каковые огорчены, говорю вам, зело огорчены, созерцая,
как похоть вавилонских товаров выставляется снова и роскошь пап-
ских дворов вновь расцветает. Не глядите же на золотые кудри
пурпурной блудницы в желтых одеждах с зелеными рукавами! Не
слушайте греховных труб и бренчащих кимвалов! Ибо вся эта лав-
ка есть торжище идолов! *(Пытается схватить игрушки.)*

Литлуит. Осторожнее, пожалуйста, мне их доверили.

Ребби Бизи. И это языческое скопище уродцев я повергну
во прах! *(Опрокидывает корзинку с пряниками.)*

Треш. Ох, мой товар! Мой товар! Спасите меня!

^а Джоан Треш — торговка пряниками.

Ребби Бизи. И да проявится мое рвение во всей славе своей!

(Лезерхед возвращается, с ним стража: Брисл, Хеггиз и другие полицейские.)

Лезерхед. Вот он! Вот он! Пожалуйста, умерьте его пыл. Мы из-за него ничегосеньки продать не можем. Усмирите его, прекратите это буйство.

Ребби Бизи. Усмирить меня невозможно, ибо я произвожу священное буйство, я стану бушевать еще громче, еще сильнее, ибо я послан повергнуть врага в прах и по сей причине...

Лезерхед. Сэр! Тут никто не боится ни вас, ни вашей причины: это вы почувствуете, когда вас посадят в колодки.

Ребби Бизи. Я сам сяду в колодки и обреку себя на все страдания!

(Ребби Бизи хватают.)

Лезерхед. Уведите его! Уволоките его!

Вдова Пюркрафт. Что вы творите, грешные, порочные люди!

Ребби Бизи. Не мешай им, женщина. Я не боюсь их.

(Акт третий, сцена первая.)

(Идет представление театра кукол, спектакль ведет Лезерхед. В помещение театра врывается ребби Бизи.)

Ребби Бизи. Я! Я не стерплю! Я повергну Дагона^а. Я не в силах долгие сносить ваши кощунства!

Лезерхед. Что вы хотите сказать, сэр?

Ребби Бизи. Я сокрошу и посрамлю Дагона, говорю вам! Я сокрошу и посрамлю сего языческого идола, который здесь пребывает, ибо он есть бревно, но не бревно, из коего строятся дома и храмы, а бревно в глазу правоверных, и это большое бревно, и даже огромное и омерзительное бревно в глазу моем, ибо сии лицедеи и рифмоплеты, сии нечестивые скоморохи искушают взоры греховными плясками для осмеяния святых братьев и дела их, ибо все они — орудие в руках сатаны и порождение злобы его!

Лезерхед. Сэр, я показываю только то, что мне разрешают, а не по своей воле!

Ребби Бизи. Сам ты — бес своеволия и распутства, именуемый Шимеем^б!

Лезерхед. Да полноте! У меня есть самое законное разрешение начальника театральных зрелищ.

Ребби Бизи. Разрешение уз распутства! Сатанинская подпись! Замолчи, развратитель! Ремесло твое проклято, и, служа

^а *Дагон* — упоминаемый в Библии языческий идол.

^б *Шимей* — упоминаемый в Библии демон.

ему, ты служишь Ваалу! Но я отверз уста мои! Я отверз уста мои, аки устрица, ожидающая грозного часа твоего посрамления! Но я не в силах измерить могущество врага человеческого, посему я ищу лишь распри, а потом уж битвы.

Но кем. Вот это здорово загнул, прямо по-бенберийски!

Коукс^а. Друг, я не советовал бы вам заводить с ним распрю. Вы в очень невыгодном положении. Правда, хозяин не кулачный боец, но все друзья помогут ему. Нампс^б, ведь и ты будешь на нашей стороне, правда?

Эджуорт^в. Сэр, по-моему, этого не понадобится. Насколько я понимаю, он предлагает решить диспутом. Ну, хозяин, придумай, что ты скажешь в защиту своего ремесла.

Лезерхед. По правде говоря, сэр, я не силен во всяких этих спорах и словопрениях с лицемерами. Но я хочу предложить, чтобы моя куколка, царь Дионисий, ответила ему. На эту куколку я вполне полагаюсь.

Коукс. Кто? Кто? Мой любимчик будет вести с ним диспут?

Лезерхед. Да, сэр, и, надеюсь, посадит его в лужу.

Коукс. Великолепная мысль. По правде говоря, царь Дионисий на вид умнее своего противника. Ну-ка, сэр, начинайте! Докажите свою правоту.

Ребби Бизи. Я не страшусь обнародовать силу духа моего и дарования. Взываю к духу рвення моего. Помогите мне! Укрепите меня! Наполни меня!

Уинуайф. Да это же отъявленное богохульство! Я не могу даже понять, невежество это или бесстыдство. Он вызывает к помощи божьей, выступая против марионетки!

Куорлос. Но зато марионетка — единственный достойный противник такого лицемера.

Ребби Бизи. Первое, что реку тебе, идол: ты не имеешь призвания и не достоин названия!

Дионисий. Ты лжешь: название мое — Дионисий!

Лезерхед. Да, да, сэр, он вам ответил, что вы лжете. Его называют Дионисий, и на это название он откликается.

Ребби Бизи. Я разумел: ты не имеешь призвания! Законного призвания!

Дионисий. А твое призвание, по-твоему, законное?

Лезерхед. Марионетка спрашивает, сэр: законно ли ваше призвание?

Ребби Бизи. Да! Мое призвание указано мне свыше!

Дионисий. Тогда и мое призвание указано свыше.

Лезерхед. Марионетка заявляет, что и ее призвание указано свыше, сэр. Вы сами подтвердили это, назвав его идолом, а себя избранником божиим.

^а Варфоломей Коукс — придурковатый молодой дворянин из Хэрроу.

^б Нампс — его дядька.

^в Иезекииль Эджуорт — вор-карманник.

Коукс. Отличный вывод, милая моя деревяшка!

Ребби Бизи. Не защищай сие порождение зла, благородный отрок! Он ржет и лягается, но в сем лягании я усматриваю одни софизмы. А я еще раз провозглашаю его идолом и утверждаю, что название и призвание его скверны!

Дионисий. Нет, не скверны!

Лезерхед. Марионетка говорит: «Нет, не скверны!»

Ребби Бизи. Нет, скверны!

Дионисий. Нет, не скверны!

Ребби Бизи. Нет, скверны!

Дионисий. Нет, не скверны!

Лезерхед. Ловко! Правильно! Твердит себе свое «не» — и все! Это веский довод, и вам, сэр, не заглушить его своим басом.

Ребби Бизи. Но и он не заглушит глас мой своим визгливым писком, хотя писк сей подобен скрипу колес телеги сатаны. Он не заглушит гласа правоты моей, ибо я — ревнитель веры и о вере пекусь.

Лезерхед. Как собака о кости.

Ребби Бизи. И я скажу и повторю, что все это нечестиво и скверно, ибо это служение гордыне и прислужничество суете сует!

Дионисий. Ну, а как ты смотришь на прислужничество своих сестер и поклонниц?

Лезерхед. Правильно!

Дионисий. А что ты скажешь о своих братцах, распустивших хвосты и перья, понацепивших фальшивые локоны? Разве они не служители гордыне? Разве они не служители суеты сует? Ну, что ты скажешь? Что скажешь?

Ребби Бизи. Я не отвечаю за них.

Дионисий. Потому, что не можешь! Потому, что не можешь! Ну-ка, скажи, какое призвание ты считаешь законным? Ну, что ты думаешь о кондитере или о французском портном? По-твоему, все грех, что тебе невыгодно? Разве не так? Разве не так?

Ребби Бизи. Нет, Дагон, нет!

Дионисий. Ну, а как же, по-твоему, Дагончик? Чем же марионетка хуже их всех?

Ребби Бизи. Главный мой довод против тебя тот, что ты омерзительное извращение естества, ибо часто в среде вашей мужчина принимает облик женщины, а женщина — облик мужчины.

Дионисий. Ложь! Ложь! Ложь! Безобразная ложь!

Коукс. Чудесно! Три раза его уличили во лжи!

Дионисий. Это старая твоя погудка против актеров, но к марионеткам она не пристанет, ибо среди нас нет ни мужчин, ни женщин, и в этом ты можешь тут же удостовериться, несмотря на свое лживое подслеповатое ханжество. На, гляди! (*Раздевается догола.*)

Эджурт. Вот это называется неопровержимым наглядным доводом. Ей-богу, не плохо!

Дионисий. Нет! Я еще докажу всем этим поучающим и корчащим из себя наставников, что мое призвание ничем не хуже, чем их призвание. Я тоже говорю по вдохновению, как и он. И невежества во мне столько же. И к науке я столь же мало причастен и так же пренебрегаю ее помощью.

Ребби Бизи. Я посрамлен. Силы мои слабеют.

Дионисий. Тогда сдавайся! Сдавайся! Сдавайся!

Лезерхед. И, правда, сэр, сдавайтесь-ка лучше и позвольте нам продолжать представление.

Ребби Бизи. Да, пускай продолжают представление. По зрелом размышлении я решил, что могу быть зрителем вместе с вами!

Кукс. Вот и отлично! Ей-богу, отлично! Ведь милая моя деревяшка спасла все дело! Ну, продолжайте же. Продолжайте же представление.

(Акт пятый, сцена третья.)

УЭБСТЕР

Джон Уэбстер (John Webster, род. ок. 1580 — ум. ок. 1625) — младший современник Шекспира. Его творчество образует переход к заключительному этапу в истории английской драмы эпохи Возрождения. Яркими образцами жанра кровавой трагедии являются его пьесы «Белый дьявол» (1612) и «Герцогиня Амальфи» («The Dutchess of Malfu», между 1613 и 1623), написанные на итальянские сюжеты. Уэбстера еще воодушевляют благородные гуманистические идеалы, но уже что-то болезненное, ущербное есть в его страсти к изображению уродливых, темных сторон жизни. Ужасом веет от его трагедий, переполненных жуткими изощренными преступлениями. В демонические мрачные тона окрашены страсти его героев. По меткому замечанию Джонсона, муза Уэбстера «не Мельпомена, а Горгона».

В трагедии «Герцогиня Амальфи» личные достоинства человека поставлены выше сословных и имущественных притязаний. Автор горячо протестует против стяжательства и тирании, превращающих мир в ядоль слез и страданий. Скорбная нота не перестает звучать на протяжении всей пьесы, и подчас у читателя создается впечатление, что Уэбстер не верит в торжество светлого начала. Мир в его изображении погружен в густой мрак, а человечество обречено влачить свое существование на дне мрачной пропасти.

На русском языке: «Белый дьявол», перевод И. А. Аксенова (в сборнике Аксенова «Елизаветинцы», М., 1916) и «Герцогиня Амальфи», перевод П. Мелковой («Современники Шекспира», т. 2, М., 1959).

Из трагедии

«ГЕРЦОГИНЯ АМАЛЬФИ»

Эта пьеса о мрачных преступлениях власть имущих и их клеветов. Кровавые события развертываются по воле герцога Калабрии Фернандо и его брата — кардинала. О герцоге честные люди отзываются, как о злодее, «воплощении всех пороков». По их словам, он «по доносу шлет людей на смерть», для него закон «подобен грязной паутине, а сам он злой паук», пожирающий запутавшихся в ней. Кардинал — «мрачный служитель церкви», окруживший себя «льстецами, сводниками, шпионами, атеистами и тысячью подобных им чудовищ». На его совести много греховных дел (1,1). На этот раз жертвой герцога и кардинала становится их сестра — герцогиня Амальфи. Она вдова. Надясь завладеть богатствами сестры, герцог в полном согласии с кардиналом делает все для того, чтобы не допустить ее второго замужества. Герцогиня любит Антонио Болонью, человека достойного, но незнатного, находящегося у нее в услужении. Зная крутой нрав своих могущественных братьев, она вступает с ним в тайный брак. Герцог и кардинал неотступно следят за сестрой; в качестве соглядатая они подсылают к ней Даниэля де Боссоло, который ради денег и карьеры готов исполнять самые грязные поручения. Ему удается раскрыть тайну герцогини Амальфи. Антонио ускользает из рук врагов, а герцогиня становится их пленницей.

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА 1

*Амальфи. Комната во дворце герцогини.
Входят Фернандо и Боссола.*

Фернандо.

Как в заключении ведет себя
Сестра моя?

Боссола.

С достоинством большим.
Она спокойна и грустна, как узник,
Давно уже привыкший к заточенью;
Конец страданий ждет, но без боязни.
Такое благородство поведенья
Ее несчастью придает величье,
И ярче красота ее от слез,
Чем от улыбки. Целыми часами
Погружена в задумчивость она,
И я сказал бы, что ее молчанье
Гораздо выразительнее слов.

Фернандо.

Да, видно скорбь ее укреплена
Каким-то удивительным презреньем.

Боссола.

Быть может, так. А ваши ухищренья
Ее лишь горячее заставляют
К запретным наслаждениям стремиться.
Когда на цепь сажают догов злых,
Они становятся еще свирепей.

Фернандо.

Будь проклята она! Не стану больше
Чужого сердца книгу изучать.
Все, что велел я, передайте ей.

(Уходят.)

СЦЕНА 2

*Другая комната во дворце.
Входят герцогиня и Боссола.*

Боссола.

Да ниспошлет вам небо утешенье!

Герцогиня.

Не нужно утешений мне. Скажи,
Зачем ты золотишь свои пилюли
И посыпашь сахаром отраву?

Боссоло.

Приехал старший брат ваш, герцогиня,
И передать велел, что к вам зайдет.
Он в гневе необдуманно поклялся
Не видеть больше вас и потому
Просил не зажигать свечей и лампы.
Поцеловать он хочет вашу руку
И помириться, но, увы, не смеет
Взглянуть на вас, боясь нарушить клятву.

Герцогиня.

Что ж, как угодно.

(Слуге.)

Уберите свечи.

Идет он.

(Входит Фернандо.)

Фернандо.

Где вы?

Герцогиня.

Здесь я, здесь, синьор.

Фернандо.

Вам темнота подходит.

Герцогиня.

Я хотела

Просить прощенья.

Фернандо.

Я уж вас простил.

Считаю благороднейшею мезью
Простить того, кого бы мог убить.
Щенки где ваши?

Герцогиня.

Как сказали вы? —

Фернандо.

Детьми вы их зовете, но детей,
Рожденных в честном браке, отличает
Закон наш от ублюдков, хоть природа
Не делает различия меж ними.

Герцогиня.

За этим вы явились? Надругаться
Над таинствами церкви захотели?
За это вам придется выть в аду.

Фернандо.

А вам бы лучше вечно жить во тьме;
Вы слишком долго жили на свету.
Но хватит; я пришел сюда мириться.

(Протягивает ей руку мертвеца.)

Вот вам рука; вы ей клялись в любви,
И перстень, что на ней,— подарок ваш.

Герцогиня.

С признательностью я ее целую.

Фернандо.

Запечатлейте в сердце поцелуй.
Я перстень вам оставлю в знак любви
И руку тоже; нет сомнений в том,
Что скоро вы получите и сердце.
Когда же вам понадобится друг,
Пошлите перстень прежнему владельцу
И посмотрите, явится ли он.

Герцогиня.

У вас рука холодная, как лед.
Боюсь, в дороге заболели вы.
Подайте свет! О ужас!

Фернандо.

Больше света!

(Уходит.)

Герцогиня.

Каким же страшным волшебством оставил
Здесь в комнате он руку мертвеца?

Свади поднимается ковер, и видны искусно сделанные из воска трупы Антонио
и его детей.

Боссола.

Вот труп: ему принадлежит рука.
Печальную картину эту герцог
Решил вам показать, чтобы воочью
Вы наконец в их смерти убедились
И перестали горевать о тех,
Кого уже ничем не воскресить.

Герцогиня.

Нет больше у меня желаний в жизни,
И не хочу я жить! О, если б даже
Мою фигуру отлили из воска
И погребли ее в навозной куче,
Магической иглою проколов,
Я и тогда б сильнее не страдала!
Есть превосходный способ у тирана
Теперь со мной покончить, и ему
Была б лишь благодарна я.

Боссола.

Какой?

Герцогиня.

Пускай меня привяжет к трупу мужа
И вместе с ним застыть мне разрешит.

Боссола.

К чему слова такие? Жить должны вы.

Герцогиня.

Страшнее всех страшнейших пыток ада —
Когда душа обречена на жизнь,
В то время как ей смерть всего милее.
О Порция!^а Я докажу, что есть
Еще на свете любящие жены,
И уголь твой я сизнова раздую.

Боссола.

Вы предались отчаянью? Стыдитесь!
Ведь вы же христианка.

^а Имеется в виду Порция, жена Брута, одного из убийц Юлия Цезаря. Согласно преданию, после крушения планов своего мужа она покончила с собой, проглотив пылающий уголь.

Герцогиня.

Даже церковь
Предписывает верующим пост.
Умру голодной смертью я!

Боссоло.

Ну, полно!
Оставьте скорбь бесплодную свою.
Когда доходит горе до предела,
Так, значит, где-то близко радость ждет.
Пчела, ужалив руку человека,
Потом у глаза вьется и не жалит.

Герцогиня.

Мой добрый утешитель, попытайтесь
Преступника, которому на дыбе
Переломали кости страшной пыткой,
Уговорить собрать их вместе снова,
Чтоб жизнь свою начать опять сначала
И снова подвергаться той же пытке.
Ах, если б кто-нибудь со мной покончил!
Я эту жизнь считаю скверной пьесой
И роль играю против воли в ней.

Боссоло.

Не огорчайтесь, я вам жизнь спасу.
Утешьтесь!

Герцогиня.

Думать некогда мне, право,
О мелочи такой!

Боссоло.

Клянусь, мне жаль вас.

Герцогиня.

Ты, значит, глуп, напрасно трати жалость
На ту, которая сама себя
Жалеть не в силах. Тысячи мечей
В мое вонзились тело! Как стряхнуть
Змей ядовитых, впившихся в меня?

(Входит слуга.)

Кто ты такой?

С л у г а.

Желает вам.
Я тот, кто долгой жизни

Г е р ц о г и н я.

А я тебе желаю
На виселицу угодить за это.
Чудовищно такое пожеланье!
Пойду молиться я. Нет, не молиться,
А проклинать пойду!

Б о с с о л а.

Да постыдитесь!

Г е р ц о г и н я.

О звезды, проклинаю вас!

Б о с с о л а.

Ужасно!

Г е р ц о г и н я.

Пусть русская суровая зима,
Жестокая и лютая, заменит
Улыбки осени, весны и лета.
Пусть жизнь и свет... нет, лучше пусть весь мир
В первоначальный превратится хаос.

Б о с с о л а.

А звезды как светили, так и светят!

Г е р ц о г и н я.

Забыли вы, что высоко лететь
Моим проклятьям. Раз чума несет
Опустошенье целым городам,
Пускай она и вас поглотит, звезды!

Б о с с о л а.

Стыдитесь же!

Г е р ц о г и н я.

Пусть в памяти людской
Останется о них воспоминанье
Как о тиранах, только зло творивших!
Священники пусть их не упомянут
В своих молитвах!

Боссола.

Вы немилосердны.

Герцогиня.

Пускай на время небо перестанет
Венчать святых и покарает вас!
Иди-иди, прокаркай это звездам.
Я смерти не боюсь, ее я жажду.
Убийца милостив бывает тот,
Кто жертву сразу наповал убьет.

(Уходит.)

Входит Фернандо.

Фернандо.

Великолепно! Все идет как надо.
Искусство обмануло герцогиню.
Фигуры эти отлиты из воска
Одним из лучших наших мастеров —
Винченцо Лаурьолой, и она
Их приняла за трупы.

Боссола.

Для чего

Вам это нужно?

Фернандо.

Довести хочу

До полного отчаянья ее.

Боссола.

Послушайте меня, не заходите
Так далеко в жестокости своей.
Пошлите ей молитвенник и четки,
И пусть она в одежды покаянья
Изнеженное тело облачит.

Фернандо.

Проклятье ей! Пока не загрязнила
Она распутством низким нашу кровь,
Куда ценнее было это тело
Так называемой души ее,
Которую спасти ты так хотел бы.

Нет, Боссоло, напротив, я пошлю
Ей маски самых низких куртизанок;
Пусть сводни служат ей и потаскушки;
Хочу я, чтоб она сошла с ума,
И потому с ней рядом помещу
Умалишенных, взятых из больницы:
Пускай вопят, поют, танцуют, воют,
Продельывают фокусы свои
До поздней ночи. Если ей удастся
Уснуть, тем лучше для нее — пусть спит.
Твоя работа близится к концу.

Б о с с о л а.

Встречаться с ней мне больше не придется?

Ф е р н а н д о.

Придется.

Б о с с о л а.

Ни за что!

Ф е р н а н д о.

Не спорь со мной.

Б о с с о л а.

Тогда свой вид я должен изменить.
Я уронил себя в ее глазах
Шпионством и моей последней ложью.
Хотите посылать, так посылайте
С вестями добрыми.

Ф е р н а н д о.

Что ж, может быть.

Но знай, что жалость не к лицу тебе.
Скрывается Антонио в Милане.
Туда поедешь ты, чтоб поддержать
Костер моей неугасимой мести.
Он не погаснет, если не сожгу
Я все, что до сих пор его питало.
Когда на лад лечение не идет,
Крутые меры врач пускает в ход.

(Уходят.)

СЦЕНА 3

*Другая комната в помещении герцогини.
Входят герцогиня и Кариола, ее служанка.*

Герцогиня.

Что там за дикий шум?

Кариола.

Ах, госпожа,
То сумасшедших вой. Ваш изверг брат
Их рядом с вами поместить велел.
Мне слышать о жестокости такой
Еще не доводилось.

Герцогиня.

Я ему
За это благодарна. Шум и крики
Помогут мне рассудок сохранить,
А тишина и долгое раздумье
С ума свели бы. Сядь и расскажи
Трагедию какую-нибудь мне.

Кариола.

Боюсь, тоску я вашу увеличу.

Герцогиня.

Ты ошибаешься. Когда мы слышим,
Что есть страдания сильнее наших,
От этого нам делается легче.
В темнице мы с тобою?

Кариола.

Да, но вам
Жить долго суждено, и вы, конечно,
На волю выйдете.

Герцогиня.

Ах, Кариола,
Запомни: в клетках долго не живут
Малиновки и соловьи.

Кариола.

Не плачьте,
Не надо, умоляю вас. О чем
Задумались вы?

Герцогиня.

Право, ни о чем.
Когда я так сижу, я просто сплю.

Кариола.

С открытыми глазами, как безумцы?

Герцогиня.

Как думаешь, скажи мне, Кариола.
Узнаем мы с Антонио друг друга
В загробном мире?

Кариола.

Несомненно, да.

Герцогиня.

Ах, если б люди говорить могли
С умершими! Тогда бы я узнала
Все то, что не узнаю на земле.
Я расскажу тебе сейчас о чуде.
Хоть, к сожаленью, не сошла с ума я,
Но небо над моею головой
Мне кажется расплавленной медью,
Земля — горящею смолой. И все же
Я не сошла с ума еще. Я свыклась
С мученьями своими, как с веслом
Свыкается невольник на галерах.
Принуждена страдать я постоянно,
И вот привычка облегчает горе.
Ах, на кого похожа я теперь!

Кариола.

На свой портрет в картинной галерее:
Как будто бы вы оба и живые,
А жизни настоящей лишены.
Ах, нет, скорей на статую похожи,
Что гордо возвышалась, а теперь
Смотреть нам грустно на ее обломки.

Герцогиня.

Удачное сравненье. А Фортуна
Взирает равнодушно и не хочет...
Что там за шум?

С л у г а.

(Входя.)

Пришел я доложить,
Что хочет герцог вас развлечь немного.
Недавно меланхолией глубокой
Был болен римский папа. Врач известный
Придумал способ излечить его:
К больному сумасшедших он привел,
И дикие скачки их и кривлянья
Заставили расхотаться папу.
Тоска прошла, как лопнувший нарыв.
Испробовать теперь решил наш герцог
На вас такой же способ.

Г е р ц о г и н я.

Пусть войдут.

С л у г а.

Там адвокат безумный, и священник,
И врач один — сошел с ума бедняга
От ревности. Астролог есть еще:
Он предсказал в своих трудах ученых
День светопреставленья; а когда
Оно не наступило — помешался.
Портной английский есть — свихнулся он,
Придумывая новые фасоны.
Есть камердинер — он ума лишился,
Стараясь вспомнить, сколько слов любезных
Ему сказала госпожа его
И сколько раз здоровалась с ним утром.
Там есть и фермер; урожай богатый
Он вырастил, но не сумел продать;
И маклер есть, настолько сумасшедший,
Что даже среди них похож на черта.

Г е р ц о г и н я.

Сядь, Кариола. Пусть войдут они.
Я скована цепями тирании.

(Входят сумасшедшие.)

Один из сумасшедших.

(Поет на заунывный мотив.)

Пускай звучит наш дикий вой,
Протяжный страшный стон,
Как будто нечисти лесной
Собрался легион.

Так выть мы будем без конца,
Пока в какой-то миг
Не истерзает нам сердца
Унылый шум и крик.
И, чуя близость смертной тьмы,
Как лебеди споем,
Свой смертный час восславим мы
И в тишине умрем.

Первый сумасшедший.

День страшного суда еще не наступил! Я его приближу через подзорную трубу или наведу зажигательное стекло и в одно мгновение подожгу весь мир. Не могу заснуть; подушка моя набита иглами дикобразов!

Второй сумасшедший.

Ад — это просто стеклянный завод, где черти непрерывно выдувают женские души железными трубками, а огонь никогда не перестает гореть.

Третий сумасшедший.

Я буду спать с каждой женщиной нашего прихода и брать с нее десятину. Братъ буду копнами сена.

Четвертый сумасшедший.

Неужто аптекаръ обведет меня вокруг пальца только потому, что я рогоносец? До его мошенничества я докопался. Он делает полосканье из мочи своей жены и продает его пуританам, у которых горло болит от чрезмерного напряжения.

Первый сумасшедший.

Я знаю толк в геральдике.

Второй сумасшедший.

Правда?

Первый сумасшедший.

Ты выдаешь за свой герб голову вальдшнепа с вынутыми мозгами. Ты из очень древнего рода.

Третий сумасшедший.

Греки перешли в турецкую веру. Мы можем спастись только переводами Гельвеция.

Первый сумасшедший.

Пожалуйте, синьор, я к вам сейчас приложу один закон.

Второй сумасшедший.

Лучше приложите какое-нибудь едкое вещество: закон проест кожу до костей.

Третий сумасшедший.

Проклят тот, кто поет только для удовлетворения природной потребности.

Четвертый сумасшедший.

Если бы у меня было здесь мое зеркало, я бы показал вам такое зрелище, что все женщины сразу бы назвали меня сумасшедшим доктором.

Первый сумасшедший.

Кто он такой? Канатный мастер?

Второй сумасшедший.

Нет-нет-нет, гнусный мерзавец тот, кто, показывая гробницы, засовывает руку в разрез женской юбки.

Третий сумасшедший.

Горе карете, которая в три часа ночи привезла мою жену с маскированного бала! В ней была разложена широкая пуховая перина.

Четвертый сумасшедший.

Я сорок раз обстригал ногти дьяволу, жарил их в вороньих яйцах и излечивал этим снадобьем от лихорадки.

Третий сумасшедший.

Соберите мне молоко от трехсот мышей, и я приготовлю из него снотворное.

Четвертый сумасшедший.

Все землячество может закидать меня шапками. Я устроил запор мыловару — это был мой шедевр.

(Восемь сумасшедших пускаются в пляс под соответствующую музыку; по окончании пляски входит Боссоло, выраженный стариком.)

Герцогиня.

(Слуге.)

Он тоже сумасшедший?

С л у г а.

Вы его
Спросите сами. Я оставляю вас.

Б о с с о л а.

Могилу я пришел тебе готовить.

Г е р ц о г и н я.

Могилу? Говоришь ты, словно я
Лежу на смертном ложе без дыханья.
Меня больною разве ты считаешь?

Б о с с о л а.

Да, и очень опасно, так как болезнь неощутима.

Г е р ц о г и н я.

Ты, конечно не сумасшедший. Знаешь ты меня?

Б о с с о л а.

Да.

Г е р ц о г и н я.

Кто же я?

Б о с с о л а.

Ты ящик для разведения червей; в самом лучшем случае — целебная мазь из зеленой мумии. Что такое твоя плоть? Немножко свернувшегося молока да кусок слоеного теста. Тела наши менее прочны, чем бумажные темницы, которые делают мальчишки для мух, и более презренны, так как им назначено стать вместилищем земных червей. Видела ты когда-нибудь жаворонка в клетке? Вот так же заключена в теле и наша душа. Мир для нее все равно, что кусочек дерна, а небо над нашими головами — как зеркало; оно только дает нам слабое представление о том, как тесна наша тюрьма.

Г е р ц о г и н я.

Разве я не твоя герцогиня?

Б о с с о л а.

Ты, конечно, дама знатная, потому что морщины начинают собираться у тебя на лбу и волосы твои поседелы лет на двадцать раньше, чем это бывает у веселой деревенской девки-молочницы. Спишь ты хуже, чем спала бы мышь, если бы ей довелось найти пристанище в ухе у кошки. Если положить в твою постель ребенка, у которого прорезываются зубы, и если он всю ночь будет орать, так и то ты будешь более беспокойным соседом по постели, чем он.

Герцогиня.

Но все же герцогиня я Амальфи!

Боссоло.

Мешает это только спать тебе.
Величие подобно светлячкам,
Что издали сияют ярким блеском,
А подойдешь — ни света, ни тепла.

Герцогиня.

Ты слишком просто объясняешь все.

Боссоло.

Мое дело — угодать мертвым, а не живым. Я строю гробницы.

Герцогиня.

И ты собираешься построить гробницу мне?

Боссоло.

Да.

Герцогиня.

Дай же мне немного позабавиться! Из какого материала ты собираешься ее выстроить?

Боссоло.

Нет, раньше ты скажи: по какому образцу, по какой моде ее строить?

Герцогиня.

А разве на смертном ложе мы способны фантазировать? Неужели и в могиле мы следуем моде?

Боссоло.

Еще как! Портреты государей на гробнице больше не лгут, как в прежние времена, когда их изображали с воздетыми к небу взорами, словно бы они и не переставали молиться. Теперь они все подпирают рукой щеку, как будто скончались от зубной боли. Глаза их больше не устремляются к звездам. Ведь все их желания при жизни были вполне земными, — вот они и взоры свои обращают к земле.

Герцогиня.

Чем кончатся приготовления эти,
Хочу узнать я. Похоронной речью
Звучат твои слова.

Боссола.

Сейчас узнаешь.

(Палачи вносят веревку, гроб и колокол.)

Вам шлют подарок царственные братья.
Так радуйтесь. Последнюю печаль
И радость вам последнюю несет он.

Герцогиня.

Позволь взглянуть. Ну, что ж, я покоряюсь;
Пускай останутся довольны братья.

Боссола.

Итак, сегодня ваш прием — последний.

Кариола.

О госпожа!

Герцогиня.

Спокойней, Кариола,
Нет страха у меня.

Боссола.

Я лишь глашатай,
Каких обычно посылают к тем,
Кто осужден на казнь.

Герцогиня.

А ведь недавно
Ты говорил, что делаешь гробницы.

Боссола.

Хотел вас постепенно навести
На мысль о близкой смерти я. Внимайте.

Всюду мрак и тишина,
Лишь сова кричит одна,
Близок грозный час расплаты;
В саван спрятаться должна ты;
Все твои богатства — тлен;
Гроб возьми себе взамен,
После муки бесконечной
Насладись покоем вечным.
Жизнь одним глупцам мила,
Что в ней видим, кроме зла?

Грех—зачатье, плач—рождение,
Смерти страх, надежд крушение.
Пудрить голову примись,
Ноги вымыть торопись,
Чистое надень белье,
Время пробило твое.
Крест надеть не позабудь,
Чтобы дьявола спугнуть.
Скоро новый день придет,
Но тебе он смерть несет.

К а р и о л а.

Прочь, негодяи! Изверги! Убийцы!
Что делаете с ней? Скорей зовите
На помощь, господа!

Г е р ц о г и н я.

Кого? Соседей?

Они безумны.

Б о с с о л а.

Глотку ей заткните.

Г е р ц о г и н я.

(Кариоле.)

Прощай! Я не смогу тебе оставить
Богатое наследство. Слишком много
Голодных за моим столом питалось,
И крохи жалкие получишь ты.

К а р и о л а.

Умру я вместе с вами, господа!

Г е р ц о г и н я.

Лекарство дать малютке не забудь;
Простужен он; и последи, прошу,
Чтоб девочка молилась перед сном.

(Палачи уводят Кариолу.)

Г е р ц о г и н я.

Распоряжайтесь мною как хотите.
Какую смерть приму я?

Б о с с о л а.

Вас удушат;

Вот палачи стоят.

Г е р ц о г и н я.

Я их прощаю.

Катары, апоплексия, чахотка
Могли бы сделать то же, что они.

Б о с с о л а.

Вы не боитесь смерти?

Герцогиня.

Кто бы мог
Бояться, зная, что его за гробом
Такая встреча радостная ждет!

Боссоло.

Мне все же кажется, что утратить
Вас мог бы даже самый способ смерти.
Веревка не пугает вас?

Герцогиня.

Нисколько.
Не все ль равно? А если перережут
Алмазом драгоценным горло мне?
Иль ароматом кассии удушат?
Жемчужинами расстреляют насмерть?
У смерти тысячи дверей различных,
Которыми уходим мы из жизни,
И так они устроены искусно,
Что в обе стороны раскрыть их можно.
Каким путем уйти — мне безразлично,
Лишь вас не слышать бы. Скажите братьям,
Что, в здравом находясь уме, готова
Я смерть принять как лучший их подарок.
Болтливость — недостаток женский, знаю.
Я умолкаю, чтобы с ним покончить
И вам не надоест.

Первый палач.

Готовы мы.

Герцогиня.

Моею жизнью как угодно вам
Распоряжайтесь. Тело же прошу
Отдать служанкам верным.

Первый палач.

Хорошо.

Герцогиня.

Веревку затяните посильнее:
Ко мне она притянет рай. Нет, стойте!
Не так высоки своды врат небесных,
Как во дворцах земных у королей;
Те, кто хотят войти туда, должны
Сначала опуститься на колени.

(Преклоняет колени.)

Приди же, смерть, и усыпи меня
Подобно мандрагоре! Палачи,
Когда со мной покончите, ступайте,
Моим скажите братьям, что они
Отныне могут есть и пить спокойно.

(Палачи душат герцогиню.)

Боссола.

Служанка где? Тащи ее сюда!
А ты пока что за детей примись.

(Палачи приводят Кариолу и детей. Детей сразу же душат.)

Смотри, заснула госпожа твоя.

Кариола.

Так будьте же вы прокляты навеки!
Настал и мой черед? Приказ такой
Вы получили?

Боссола.

Да, и я доволен,
Что ты готова к смерти.

Кариола.

Вы ошиблись —
Я не готова! Нет, я не умру!
Сначала требую, чтоб мне сказали,
В чем виновата я!

Боссола.

Кончайте с ней! —
Ты слушалась ее, теперь придется
Послушаться и нас.

Кариола.

Я не умру!
Нельзя мне умереть: я обручилась
С синьором молодым.

Первый палач.

(Делая петлю.)

А вот тебе
И обручальное кольцо.

К а р и о л а.

Ах, дайте
Мне с герцогом поговорить. Открою
Ему я заговор. . .

Б о с с о л а.

Уловки это.
Душите же!

П е р в ы й п а л а ч.

Кусается она.
Царапается, словно злая кошка!

К а р и о л а.

Меня убьете — попаду я в ад!
На исповеди не была два года.

Б о с с о л а.

(Палачам.)

Ну, как вы — скоро?

К а р и о л а.

Я родить должна.

Б о с с о л а.

Ну, что ж! Мы, значит, честь твою спасаем.

(Палачи душат Кариолу.)

Служанку уберите. А детей
И герцогиню уложите здесь.

(Входит Фернандо.)

Ф е р н а н д о.

Она мертва?

Б о с с о л а.

Теперь она такая,
Какою вы ее хотели видеть.

(Показывает на задушенных детей.)

Вот где должна начаться ваша скорбь!
Чем дети виноваты перед вами?

Ф е р н а н д о.

О гибели волчат не сожалеют.

Боссола.

Всмотритесь в них.

Фернандо.

Смотрю...

Боссола.

И без рыданий?

Грехи любые только говорят,
Но вопиет убийство. Омывают
Земли пространства водные стихии,
Но пролитая кровь стремится ввысь,
Росою окропляя небеса.

Фернандо.

В глазах мутится. Ей лицо закрой!
Да, молодою умерла она...

Боссола.

Но все же ее мученья длились вечность.

Фернандо.

Мы с нею близнецы. Умри сейчас я —
Прожил бы столько, сколько и она.

Боссола.

Она, должно быть, первой родилась.
Кровавым доказательством сумели
Вы подтвердить одну из старых истин,
Что близкие родные меж собою
Гораздо хуже ладят, чем с чужими.

Фернандо.

Еще раз дай взглянуть в ее лицо!
Ах, почему ее не пожалел ты?
Каким хорошим, честным человеком
Ты мог бы стать, когда б ее отправил
В какой-нибудь далекий монастырь
Иль смело обнажил за правду меч,
Встав меж невинностью моей сестры
И жаждой мести, что во мне кипела.
Я был безумен, приказав тебе
Убить такого преданного друга,
А ты приказ исполнил, не подумав.
Давай же разберем ее вину.
Не все ли мне равно, кого она
Взяла себе в мужья? В одном признаюсь:
Я жил надеждой получить в наследство

Ее богатства, если бы она
Вдовой осталась. Что мне помешало?
Конечно, брак ее. И оттого
В душе моей забушевала буря.
Как ненавидим мы порой актера,
В трагедии играющего с блеском
Злодея роль, так и тебя сейчас
Я проклиная, ненавижу страстно
За то, что приказание мое
Ты выполнил так точно.

Боссола.

Разрешите
Мне вашу память освежить немного.
Становитесь неблагодарны вы.
Я требую награды за работу!

Фернандо.

Я знаешь как тебя вознагражу?

Боссола.

Как?

Фернандо.

Я прошу тебе убийство это.

Боссола.

Что вы сказали?

Фернандо.

Да, и от меня
Ты большей милости не вправе ждать.
Скажи, кто приказал тебе исполнить
Кровавый этот приговор?

Боссола.

Вы сами.

Фернандо.

Я, говоришь? А разве я судья?
И разве осудил ее на смерть
Законный суд? Присяжных назови,
Которые решение выносили
О преступлении моей сестры!
Не скажешь ли, где приговор записан?
Уж не в аду ль? Нет, виноват ты сам!
Кровавое свершил ты преступленье
По воле собственной. И за него
Я жизнью заплатить тебя заставляю.

Боссола.

Один убийца вешает другого!
И это вы зовете правосудьем?
А кто откроет преступление наше?

Фернандо.

О, я скажу тебе. Ее могилу
Разроет дикий волк не для того,
Чтоб труп пожрать, а чтоб разоблачить
Убийство это страшное.

Боссола.

Но вы
Тогда дрожать начнете, а не я.

Фернандо.

Оставь меня.

Боссола.

Я должен получить
Сперва вознаграждение свое.

Фернандо.

Ты негодяй!

Боссола.

Ну, что ж, пусть негодяй,
Коль судит так неблагодарность ваша.

Фернандо.

Ну, не ужасно ли! Пред небом в страхе
Трепещет дьявол сам, а человеку
Не может бог внушить повиновение.
Прочь с глаз моих!

Боссола.

Ну, что ж, синьор, прощайте.
Вы с братом предостойнейшая пара!
В груди у вас могилы, не сердца,
Пустые и прогнившие могилы,
Гниенье разносящие вокруг.
Друг с другом вы идете в преступлениях,
Как скованные цепью два ядра.
Поистине вы братья! В ваших жилах —
Предательством отравленная кровь.
А я стою, как будто пробудился
От сладостного, золотого сна,
И сам себе противен.

Ф е р н а н д о .

Уезжай

В неведомую дальнюю страну,
Чтоб я тебя не видел.

Б о с с о л а .

Объясните,

За что вы презираете меня?
Я вам служил и вашей тирании
Старался угодить чем только мог;
И, ненавидя зло, я вас любил,
Я предпочел быть верным вам слугой,
Чем честным человеком. Вот награда!

Ф е р н а н д о .

Пойду я на охоту. Поздней ночью
На барсуков охотиться удобней.
И мрак и темнота...

(Уходит.)

Б о с с о л а .

Он помешался!

Всем чайньям моим пришел конец!
Когда себя надеждой тщетной льстим,
В огне мы мерзнем и во льду горим.
Ах, если б жизнь начать я мог сначала,
Я совести покой не променял бы
На все богатства мира... Что такое?
Она шевелится! Она жива!
Вернись на землю, чистая душа,
Из тьмы вернись, освободи меня
От адских мук! Тепла она... и дышит...
Кровь сердца я готов отдать до капли,
Чтобы уста твои порозовели.
Эй, кто-нибудь! Скорей питье несите.
Увы! Не должен звать я никого;
Я жалостью могу ее сгубить.
Глаза раскрыла... Кажется мне, будто
Передо мной раскрылись небеса,
Прощение даруя.

Г е р ц о г и н я .

Мой Антонио!

Б о с с о л а .

О госпожа моя, он жив! Он жив!
Фигуры вам из воска показали.

Он помирился с братьями. Сам папа
Их примиренье освятил, поверьте!

Герцогиня.

Прости меня, господы!

(Умирает.)

Боссоло.

Опять ушла.

И жизни нить оборвалась навеки.
О, сладко спит на голубиных перьях
Невинность! Грешная же совесть наша
Подобна списку, внесены в который
Дела людей и добрые, и злые.
Я вижу пред собой дорогу в ад!
Ах, почему свершать нам не дано
Добро, когда к нему душой стремимся!
Скорблю я по-мужски, и эти слезы
Не с материнским молоком впитал я,
Не страх их вызвал у меня. Что ж раньше
Раскаянья фонтаны не забили,
Пока она была еще жива?
Мороз сковал их! Вот она лежит.
Мне душу это зрелище терзает
Так, как терзал бы сына вид меча,
Которым был отец его убит.
Я унесу тебя сейчас отсюда
И тело передам на попечение
Почтительных, добросердечных женщин,
Последнюю твою исполнив волю.
Мне в этом не посмеет отказать
Жестокий деспот. А затем в Милан
Отправляюсь я и делом там займусь,
Достойным низких помыслов моих.

(Уходит.)

В конце концов преступников постигает заслуженное возмездие. Герцог Фернандо сходит с ума. Его гнетет страшная тоска. Ему кажется, что он стал волком, ночью крадется он на кладбище и вырывает трупы из могил. От руки раскаявшегося Боссолы погибает кардинал, готовивший гибель Антонио и отравивший свою любовницу Джулию, когда она узнала о его преступных делах. Тот же Боссоло наносит смертельный удар герцогу, но и сам умирает от его руки. В результате трагической ошибки гибнет Антонио. Лишь один из его малолетних сыновей остается в живых. Так алчность, высокомерие, честолюбие и коварство сеют гибель и разрушение среди людей.

БОМОНТ

Френсис Бомонт (Beaumont, 1584—1616) — выдающийся английский драматург, писавший обычно в содружестве с Джоном Флетчером (1579—1625). Ими написано значительное количество пьес, в том числе трагикомедия «Филастр». Современники высоко ценили жизнерадостное, гедонистическое, хотя и не очень глубокое творчество Бомонта и Флетчера, обладавших исключительным мастерством сценической интриги. Комедия «Рыцарь пламенеющего пестика» («The knight of the Burning Pestle». 1610?) написана Бомонтом самостоятельно или почти самостоятельно.

На русском языке: «Филастр», перевод Б. Томашевского («Современники Шекспира», т. II, М., 1959); «Рыцарь пламенеющего пестика», перевод П. В. Мелковой, М., 1957.

Из комедии

«РЫЦАРЬ ПЛАМЕНЕЮЩЕГО ПЕСТИКА»

Пьеса была поставлена на сцене около 1611 г. Подобно «Сну в летнюю ночь» Шекспира, в ней смешаны элементы романтической комедии и бурлеска. Мы даем отрывки, характерные для этого реалистического бурлеска, легко отделимые от основной сюжетной линии.

Для понимания этой комедии следует учесть, что в театре эпохи Шекспира аристократы и разбогатевшие горожане за дополнительную плату имели право сидеть на сцене, где мешали часто актерам и вставляли свои реплики по поводу пьесы и актерского исполнения.

Бомонт умело использовал эту характерную особенность театра своего времени, включив в пьесу двойное действие на сцене и высмеивая вкусы «сценической» публики. «Странствующий бакалейщик-рыцарь» Ральф многими чертами близок бессмертному герою романа Сервантеса «Дон-Кихот», первая часть которого была опубликована за несколько лет до написания этой комедии.

ПРОЛОГ

[Несколько джентльменов сидят на стульях, находящихся на сцене. Горожанин, его жена и Ральф (приказчик) сидят внизу среди публики.]

(Входит актер, произносящий пролог.)

А к т е р.

От близости к двору и от его величья
Мы действие за городские стены
Сюда перенесли.

(Горожанин вспрыгивает на сцену.)

Горожанин.

Попридержи язык, паренек хороший.

Актер.

Что это значит, сэр?

Горожанин.

То, что твои слова полны дурного значения: все эти семь лет, что вы здесь разыгрываете пьесы, я всегда подмечал у вас издевку над горожанами; вот и эта ваша пьеса прозывается «Лондонский купец». К черту такое название, паренек, к черту!

Актер.

Вы из благородного сословия горожан?

Горожанин.

Да.

Актер.

И полноправный?

Горожанин.

Эге, и бакалейщик.

Актер.

С вашего высокого дозволения, господин бакалейщик, мы не намерены оскорблять горожан.

Горожанин.

Нет, сэр! Да, сэр! Если бы вы не собирались выставить нас дураками, стали бы вы, что ли, выискивать новые сюжеты, как не затем, чтоб намеренно хулить порядочных людей? Разве не можете вы довольствоваться, как другие, пьесами вроде «Легенда Уиттингтона», или «Жизнь и смерть сэра Томаса Грехема, с показом сооружения королевской биржи», или «История королевы Элеоноры, с показом возведения Лондонского моста на мешках с шерстью»? ^a

Актер.

Видно, что вы толковый человек; что мы можем для вас сделать, сэр?

Горожанин.

Представьте что-нибудь замечательное в честь простых горожан.

^a Названия старых пьес, значительно искаженные; ссылака на Лондонский мост — шутка, как и ироническое название пьесы, предложенной актером ниже.

А к т е р.

А что бы вы сказали о пьесе «Жизнь и смерть жирного Дрэка, или починка сточных труб на улице Флит»?

Г о р о ж а н и н.

Нет, мне это не нравится, но я хотел бы, чтобы это было о горожанине, и притом о бакалейщике.

А к т е р.

Вы должны были сообщить о вашем желании месяц назад; наша пьеса готова к представлению.

Г о р о ж а н и н.

Все равно. Хочу бакалейщика и чтобы он совершил удивительные вещи.

А к т е р.

Что же вы хотите, чтоб он делал?

Г о р о ж а н и н.

Эх, я бы хотел, чтобы он...

Ж е н а (из публики).

Муженек, муженек!

Р а л ь ф (из публики).

Успокойтесь, миссис.

Ж е н а (из публики).

Сам успокойся, Ральф. Будь уверен, я знаю, что делаю... Муженек, муженек!

Г о р о ж а н и н.

Что ты хочешь сказать, кошечка?

Ж е н а (из публики).

Пусть он убьет льва пестиком, муженек! Пусть он убьет льва пестиком, муженек!

Г о р о ж а н и н.

Так и будет! Я хочу, чтобы он убил льва пестиком.

Ж е н а (из публики).

Муженек, не взобраться ли мне наверх, муженек?

Г о р о ж а н и н.

Да, кошечка. Ральф, подсоби миссис. Джентльмены, освободите ей местечко. Прошу вас, сэр, протяните руку, чтоб помочь моей жене взобраться. Благодарю вас, сэр! Ну, вот. (Жена появляется на сцене.)

Жена.

С вашего позволения, джентльмены; я немного сконфужена: для меня все это в новинку; я ни разу не бывала на этих, как вы их называете, «пьесах»; мне бы, правда, следовало посмотреть «Джейн Шор», и мой муж обещал мне как-нибудь в этом году свести меня на «Храброго Бошама», но он этого не сделал. Прошу вас, будьте снисходительны ко мне.

Горожанин.

Паренек, устройте мне с женой парочку стульев, а там и начинайте; пусть бакалейщик совершает подвиги. *(Стулья приносят.)*

Актер.

Но, сэр, у нас некому его играть. Каждый уже имеет свою роль.

Жена.

Муженек, муженек, бога ради, пусть Ральф его сыграет! Чтоб мне провалиться, если он их не переплюнет.

Горожанин.

Вовремя напомнила, жена. Лезь сюда, Ральф. Послушайте, джентльмены; пусть они дадут ему пранцырь и футаборию, и поведите меня, если он осрамится. *(Ральф поднимается на сцену.)*

Жена.

Молодой человек, пожалуйста, дайте мне пранцырь! Могу побожиться, джентльмены, мой муж говорит вам правду: дома он иногда такое представляет, что все соседи поднимают крик. Он играет воинственные роли так здорово, что всех нас пугает, уверяю вас, поджилки трясутся: им можно пугать детей; коль они расшались, только крикни: «Ральф идет! Ральф идет!» — и они присмирют, как овечки. Выше голову, Ральф; покажи-ка джентльменам, на что ты способен. Прочти-ка что-нибудь похлеще; будь уверен, джентльменам это понравится.

Горожанин.

Дуй, Ральф, дуй!

Ральф.

«Не трудно б подскочить,— клянусь в том небом,—
Чтоб светлый образ чести с бледнолицой
Сорвать луны, не трудно бы нырнуть
В пучину адскую»^а.

^а Слова Хотспера из исторической хроники Шекспира «Генрих IV» (1-е действие, явл. 3), несколько искаженные.

Горожанин.

Ну, как, джентльмены, не говорил ли я вам?

Жена.

Да что там, джентльмены, муж рассказывал, что он раньше играл Муцедоруса^а перед старейшинами нашей гильдии.

Горожанин.

Эге, и, как-то поспорив с одним сапожником, сыграл Иеронимо^б.

Актер.

Он получит одеяние, если войдет внутрь.

Горожанин.

Ступай, Ральф, ступай и, если ты меня любишь, покажи бакалейщика в подходящем наряде. (*Ральф уходит.*)

Жена.

Ей-богу, наш Ральф будет славно выглядеть, когда принарядится.

Актер.

Но как вам угодно будет назвать пьесу?

Горожанин.

«Честь бакалейщика».

Актер.

Мне кажется, лучше будет назвать «Рыцарь Пламенеющего Пестика».

Жена.

Пропади я, муженек, лучше не придумать!

Горожанин.

Пускай так. Начинайте, начинайте. Мы с женою сядем.

Актер.

Будьте настолько любезны.

Горожанин.

Что у вас есть из музыки поторжественней? Есть у вас свирели?

^а *Муцедорус* — один из героев елизаветинской комедии.

^б *Иеронимо* — герой «Испанской трагедии» Кида.

А к т е р.

Свирели! Нет!

Г о р о ж а н и н.

Нет! Черт возьми, я так и думал. Ральф играет торжественную роль, и ему обязательно нужны свирели. Я готов заплатить за них, только бы они были.

А к т е р.

Да, уж вам придется.

Г о р о ж а н и н.

Ну, что ж, и заплачу; на, вот два шиллинга (*дает деньги*)— пусть приведут соутворских песенников; это такие ребята, каких не сыщешь во всей Англии; и этого с лихвой довольно, чтобы они как ошалелые примчались с той стороны реки^а.

А к т е р.

Мы их добудем вам. Не присядете ли пока?

Г о р о ж а н и н.

Да. Садись, жена.

Ж е н а.

Сидите себе на здоровье, джентльмены; я смело усядусь между вами с удобством.

(*Горожанин и жена усаживаются.*)

А к т е р.

От близости к двору и от его величья
Мы действие за городские стены
Перенесли. Летите прочь отсюда,
Нескромности и личные намеки,
Все, что порочным может показаться.
Ведь наслаждения того разврат не принесет,
Что честный в добродетели найдет.

Все это касается того, что мы будем делать; за Ральфа же вы должны отвечать сами.

Г о р о ж а н и н.

Не беспокойтесь о Ральфе; он за себя ответит, уверяю вас.

(*Актёр уходит.*)

Ж е н а.

Ей-ей, джентльмены; я за Ральфа ручаюсь!

^а Темзы.

БАКАЛЕЙНАЯ ЛАВКА

(Входят Ральф, одетый бакалейщиком, читая «Пальмерина Английского»^а, Тим и Джордж.)

[Жена.

Муженек, муженек, посмотри-ка! Вон Ральф, вон Ральф!

Горожанин.

Тише, дура! Оставь Ральфа в покое. Слышь, Ральф: не нажимай слишком с самого же начала. Тише. Начинай, Ральф.]

Ральф (читает).

«Затем Пальмерин и Тринеус, выхватив свои пики у карликов и застегнув шлемы, в стремительном галопе поскакали за великаном; и Пальмерин, завидя его, помчался с удвоенной силой и закричал: «Стой, обманщик и вор! Ибо не смеешь ты похищать ту, что достойна наибогороднейшего в мире лорда»; и с этими словами он нанес ему удар по плечу, сбросивший его со слона. А Тринеус, подъехав к рыцарю, за которым была Агрикола, быстро сбросил его с коня, при коем падении рыцарь сломал себе шею; и тогда принцесса, выйдя из схватки, радуясь и плача, сказала: «Наисчастливейший рыцарь, зеркало доблести, теперь я могу действительно уверовать в любовь, которую ты питаешь ко мне».

Дивлюсь, почему короли не соберут армии в четырнадцать или пятнадцать тысяч человек,— такую, какую принц Португо двинул против Розиклила^б,— и не уничтожат всех великанов; уж больно много вреда причиняют они странствующим дамам, ищущим своих рыцарей.

[Жена.

Ей-ей, муженек, верно говорит Ральф; ибо, как сказывают, король португальский не может подсесть к блюду с мясом без того, чтобы не появились чудовища и великаны и не утащили у него мясо.

Горожанин.

Попридержи-ка язык. Дуй, Ральф!]

^а Испанский рыцарский роман, незадолго до написания этой комедии переведенный на английский язык.

^б Герой другого испанского романа.

Р а л ь ф.

И, конечно, достойны хвалы те рыцари, которые, пренебрегая своими владениями, блуждают с оруженосцем и карликом по пустыням, чтобы выручать несчастных дам из беды.

[Ж е н а.

По чести, достойный Ральф; что бы ни говорили, так оно и есть. Наши рыцари достаточно пренебрегают своими владениями, только они не делают остального.]

Р а л ь ф.

Но кто из бравых духом удовольствуется тем, что сидит в своей лавке с деревянным пестиком в руке, в синем фартуке, продавая митридатум и драконову воду^а зачумленным домам, если он может совершать бранные подвиги и посредством благородных деяний добиться того, что такая же знаменитая повесть будет написана и об его героической доблести.

[Г о р о ж а н и н.

Здорово сказано, Ральф! Подпусти побольше таких словечек.

Ж е н а.

Право, удачно выходит.]

Р а л ь ф.

Почему же мне в таком случае не избрать подобный путь, чтобы повисить уважение к себе и нашей братии? Ведь среди всех достойных книг о подвигах, насколько помнится, не довелось мне читать о странствующем бакалейщике; я буду этим рыцарем. Слыхивали ли вы, чтобы рыцарь путешествовал без оруженосца и карлика? Тим, мой старший подручный, будет моим верным оруженосцем, а маленький Джордж — моим карликом. Долой синий фартук! Но в память прежнего занятия на моем щите будет изображен пламенеющий пестик, и буду я называться «Рыцарем Пламенеющего Пестика».

[Ж е н а

Нет, готова поклясться, не позабудешь старого занятия, — ты всегда был податливым.]

Р а л ь ф.

Тим!

^а Распространенные лекарства того времени.

Т и м.

Сей секунд!

Р а л ь ф.

Мой возлюбленный оруженосец и Джордж — мой карлик, повелеваю вам отныне именовать меня не иначе, как наиучтивейший и нахрабрейший Рыцарь Пламенеющего Пестика, никогда не называть женский пол бабой или девкой, но прекрасной дамой, если она достигла своих желаний, если нет, страдающей девой, называть все леса и степи пустынями, а всех лошадей пальфреями.

[Ж е н а.

Ей-ей, замечательно. Нравится ли джентльменам Ральф, как ты думаешь, муженек?

Г о р о ж а н и н.

Эх, эти актеры все бы с себя поскидывали, лишь бы его заполучить.]

Р а л ь ф.

Мой возлюбленный оруженосец Тим, предстань! Предположи, что это пустыня и по ней скачет странствующий рыцарь, и я посылаю тебя разузнать его намерения, — что бы ты ему сказал?

Т и м.

Сэр, мой хозяин послал меня спросить, куда вы скачете.

Р а л ь ф.

Нет. Нужно так: «Прекрасный сэр, наиучтивейший и нахрабрейший Рыцарь Пламенеющего Пестика поручил мне спросить, каким приключением вы влекомы, направляетесь ли вы выручить деву из беды или с другой целью».

[Г о р о ж а н и н.

Низкий болван, не может упомянуть!

Ж е н а.

Ей-ей, Ральф ему уже говорил об этом раньше: все джентльмены слышали; не правда ли, джентльмены, разве Ральф ему не говорил, как себя величать?]

Д ж о р д ж.

Наиучтивейший и нахрабрейший Рыцарь Пламенеющего Пестика, тут страдающая дева спрашивает перцу на полпenni.

[Ж е н а.

Вот хороший парнишка, ишь как он это здорово; чудное дитя!]

Р а л ь ф.

Отпусти ее с вежливой речью. Теперь закрой лавку; отныне вы не подручные, но мои верные оруженосец и карлик. Я должен достать себе щит и пестик для герба.

(Уходят Тим и Джордж.)

Г о р о ж а н и н.

Продолжай так же, Ральф. Как честный человек скажу: ты лучше их всех.

Ж е н а.

Ральф, Ральф!

Р а л ь ф.

Что скажете, хозяйка?

Ж е н а.

Молю, скорее возвращайся, милейший Ральф.

Р а л ь ф.

Скорехонько.

(Уходит.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

АНГЛИЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Томас Мор:

Из «Утопии» — пер. с латинского И. А. Маленна и Ф. А. Петровского 6

Народные баллады

Сэр Патрик Спенс — пер. О. В. Румера 19

Два ворона — пер. О. Б. Румера 22

Дочь ислингтонского бэйлифа — пер. О. Б. Румера —

Старый плащ — пер. В. В. Рогова 24

Робин Гуд и Гай Гисборн — пер. Н. С. Гумилева 26

Робин Гуд делит золото — пер. Игн. Ивановского 30

Скельтон:

Из «Колин Клаута» — пер. О. Б. Румера 31

Поэзия английского Возрождения

Уайет:

Лютня любовницы — пер. О. Б. Румера 32

Жизнь при дворе — пер. О. Б. Румера 33

Серрей:

Сонет — пер. О. Б. Румера 34

Заточение в Виндзоре — пер. О. Б. Румера 35

Размышления о том, как достигнуть счастливой жизни —
пер. О. Б. Румера 36

Спенсер:

Сонет — пер. О. Б. Румера 38

Сонет — пер. В. В. Рогова —

Jambicus Trimeterum — пер. В. В. Рогова 39

Из «Пастушеского календаря» — пер. О. Б. Румера —

Из «Королевы фей» — пер. С. Н. Протасьева 40

Сидней:

Сонеты — пер. О. Б. Румера 47

Обмен — пер. В. В. Рогова 48

Филомела — пер. В. В. Рогова —

Из «Защиты поэзии» — пер. Г. И. Ярхо 49

Шекспир:

- Сонеты 55
- № 66, 130, 132, 133, 137, 139, 141, 143, 147 —
пер. О. Б. Румера; № 44, 55, 106 — пер. В. В. Рогова —
- Из комедии «Бесплодные усилия любви» — пер. М. А. Кузмина 59
- + Из трагедии «Гамлет» — пер. Б. Л. Пастернака 60

Ролей:

- Сонет — пер. О. Б. Румера 62
- Напутствие душе — пер. В. В. Рогова 63

Роман английского Возрождения

Лили:

- Из «Эвфуэса» — пер. Б. И. Ярхо 64

Лодж:

- Из «Розалинды» — пер. С. Н. Протасьева 71

Нэш:

- Из «Злополучного путешественника» — пер. Лесевича 80

Делони:

- Джек из Ньюбери — пер. О. М. Новиковой 85

Бекон:

- + Из «Новой Атлантиды» — пер. Н. В. Хвостова 91

Драматургия английского Возрождения

Хейвуд:

- Забавная комедия о муже Джоане Джоане, о жене его Тиб и священнике сэр Джане — пер. С. Н. Протасьева 101

Грин:

- Занимательная причудливая комедия о Джорже Грине, полевом стороже Векфильда — пер. С. Н. Протасьева 117

Марло:

- Г Из «Трагической истории д-ра Фауста» — пер. Н. Н. Амосовой 148
- Из трагедии «Эдуард II» — пер. Анны Радловой 159
- Влюбленный пастух своей возлюбленной — пер. В. В. Рогова 167

Бен Джонсон:

- ✓ Из комедии «Вольпоне, или хитрый лис» — пер. П. В. Мелковой 169
- Из комедии «Варфоломеевская ярмарка» — пер. Т. Г. Гнедич 196

Уэбстер:

- Из трагедии «Герцогиня Амальфи» — пер. П. В. Мелковой 209

Бомонт:

- Из комедии «Рыцарь пламенеющего пестика» — пер. А. А. Аникста и М. Д. Заблудовского 235